

“Я ВСЕГДА
ОТКРЫВАЮ
КНИГИ ФРОСТ С
ПРЕДВКУШЕНИЕМ!”
Шарлин Харрис

ДЖАНИН
Фрост

БЕСТСЕЛЛЕР ОТ *NEW YORK TIMES*

ДВАЖДЫ
СОБЛАЗНЕННЫЙ
СЕРИЯ “ПРИНЦ НОЧИ”

Знакомство с князем тьмы приносит свои проблемы. Лейла потеряла свои психические способности, и теперь она не уверена в том, что же произойдет в будущем. И как будто этого было не достаточно, ее любовник Влад начинает отдаляться от нее. Но хоть Лейла и простая смертная, она также еще и современная женщина, отказывающаяся принимать утешение на холодном плече — тем более от темного красавца вампира, до сих пор не признавшего, что тот любит ее.

Как сделать выбор между вечной любовью и вечностью без любви? Вскоре обстоятельства приводят Лейлу обратно на карнавал, где происходит трагедия. И когда она попадает под взор убийцы, который находится намного ближе, чем она осознает, Лейле придется решить, кому доверять, огненному вампиру, вызывающему в ней страсть как никто другой, или замученному рыцарю, который жаждет быть больше, чем просто другом?

Каждый ее шаг в сторону несет за собой опасность, одно неверное движение и она перейдет черту вечности...

Джанин Фрост

Дважды соблазненный

Уже не в первый раз я очнулась, находясь в плену. И даже не во второй. Стоило бы пересмотреть образ жизни.

По прошлому опыту я знала — не стоит открывать глаза или изменять темп дыхания. Поэтому я продолжала притворяться, что все еще без сознания. Головная боль не удивляла, для меня она была уже нормальной... Руки были одеты в резиновые перчатки, надежно скрывающие запястья, и связаны за спиной, чтобы ограничить мои возможности. И само собой — неудобный кляп во рту.

Закончив с проверкой своего состояния, я перешла к обстановке вокруг. Поверхность подо мной качалась, видимо, мы плыли — значит, я на лодке. Судя по звуку голосов, несколько моих похитителей были наверху, а один из них — со мной в комнате. Он не сказал ни слова, но после долгого проживания с вампиром я стала хорошо улавливать едва заметные звуки, которые они издавали. Так что, когда я открыла глаза, мой взгляд безошибочно нашел черноволосого вампира. Если он и был удивлен, то это выразилось, лишь в одном. Он моргнул.

— Не ожидал, что ты уже проснулась, — протянул он.

Я взглянула на свой кляп, а потом на него и подняла бровь.

Он перевел мой безмолвный знак.

— Стоит ли говорить тебе, что кричать бесполезно? — Я закатила глаза. *Это что, день любителей?* Он улыбнулся, прежде чем встать со стула. — Я так и подумал.

За короткое время, которое ему понадобилось, чтобы пересечь комнату и вынуть кляп, я узнала о нем столько, сколько было возможно. Вампир был среднего роста и выглядел приблизительно моим ровесником. Но как нежити, учтя его шрамы на коже, короткую стрижку и гладко выбритое лицо, я бы дала ему не меньше ста лет. Как правило, чем старше вампир, тем больше изнашивается его кожа, и обычно они презирают современные прически. Но самым красноречивым был взгляд. И действительно, у старых вампиров был определенный... вес во взгляде, словно пролетевшие столетия оставили в них ощутимую тяжесть. У моего безымянного похитителя такого не было, и если мне повезет, то и у других на лодке тоже.

Молодых вампиров легче убить.

— Воды, — попросила я, как только исчез кляп. От кляпа и наркотиков во рту так пересохло, что язык казался шерстяным носком.

Вампир исчез, а затем вернулся с банкой кока-колы. Он поднёс банку к моим губам, и я отпила из неё, а закончив, от души отрыгнула. И, так уж получилось, прямо в лицо моего похитителя. Ну, это не моя вина — меня же связали.

— Очаровательно, — выдавил он сухо.

— Я перестала заботиться об этикете, когда вы выстрелили в моего друга жидким серебром, — ответила я ровным тоном. — Кстати говоря, я хочу его увидеть.

Рот вампира изогнулся.

— Ты не в том положении, чтобы выдвигать требования — но да, он все еще жив.

— Не хотите отвести меня к нему — хорошо, — сказала я, быстро соображая. — Полагаю, вы знаете, что я улавливаю психические воспоминания через прикосновение, поэтому снимите перчатки и позвольте коснуться вас. Тогда я буду знать, говорите ли вы

правду.

Вампир усмехнулся, его глаза цвета торфяного мха заблестели ярко зеленым.

— Прикоснуться ко мне? Ты имеешь в виду, что хочешь воспользоваться смертоносным электрическим кнутом, чтобы разрубить меня пополам?

Я напряглась. Как он узнал об этом? Немногие из тех, кто видел, как я им пользовалась, остались в живых.

— Именно поэтому на тебе эти резиновые перчатки, — продолжил он, не смущаясь. — На всякий случай.

— Как тебя зовут? — спросила я, радуясь, как скучающе прозвучал вопрос.

Его широкая улыбка стала еще шире.

— Называй меня Ганнибал.

Я вернула ему улыбку.

— Хорошо, Ганнибал, что ты хочешь от меня? Воспользоваться моими способностями, чтобы найти одного из своих врагов? Скажи, тебя кто-то предал? Или тебе нужно узнать прошлое предмета?

Ганнибал рассмеялся, и хотя его смех был больше похож на улыбку Доктора Зло, от него повеяло холодом. Этого предчувствия было достаточно, чтобы меня охватила дрожь.

— Я не хочу, чтобы ты что-нибудь делала, маленькая пташка. Я лишь курьер. Я даже не знаю, кому тебя доставляю. Все, что мне известно — ты стоишь в три раза больше живой, но если ты выкинешь что-нибудь, за мертвую тоже неплохо заплатят.

На этой веселой волне Ганнибал покинул комнату. Я ничего не сказала, пытаюсь придумать, как выбраться из затруднительного положения. Я не собиралась позволять доставить себя к неизвестному злодею. Я найду выход из всего этого. Если он не убьет меня прежде.

Четыре недели назад

Я стояла под водопадом пламени. Ярко красный и золотой окружали меня, обвивая волосы, разделяясь на ручейки вдоль тела, проскальзывая между пальцами, и падая мне в ноги. Огонь был настолько плотным, что я не могла видеть сквозь него, мой мир сузился до светящейся арены всех оттенков заката. Подобное окружение должно было бы убить меня, но я оставалась невредима. Я даже не боялась. Вместо этого меня наполняло странное чувство тоски. Я пыталась поймать один из огоньков пламени, но мне так и не удалось. Огонь охватывал меня с головы до ног, но ему все же удавалось ускользать из рук.

— Лейла, — раздался голос, звучавший слишком слабо, чтобы я смогла понять, кто это. — Оставь это, пока не стало слишком поздно.

Логика призывала меня сделать то, что сказал безымянный голос, но я не хотела этого. Казалось, пламя расступалось, когда я делала шаг. Оно скользило по мне, нежно лаская вместо того, чтобы сжигать плоть. *Видите?* Подумала я совершенно беспечно. *Оно не хочет ранить меня.*

— Лейла, — снова позвал этот голос, уже более настойчиво. — Остановись.

— Нет, — ответила я, и снова попробовала поймать огонь. Как и прежде эти ярко светящиеся полосы выскальзывали из рук, но на этот раз их блестящий цвет потемнел. Когда они падали к моим ногам, то выглядели как капли смолы. Потом водопад надо мной мгновенно рассеялся, оставляя меня обнаженной и дрожащей от внезапно опустившейся темноты.

Страх превратил мои внутренности в лед. Голос был прав. Должно было произойти что-то плохое...

У меня не осталось времени убежать, прежде чем огонь осветил тьму. Он больше не мягко пробегал по телу, как это было раньше — он врезался в меня отовсюду. Боль охватила, словно пламя напало со всей своей разрушающей силой, обугливая и сжигая каждый дюйм того, чего касалось.

— Почему? — зарыдала я. После агонии вторым, что я ощутила, было предательство.

— Я тебя предупреждал, — ответил незнакомый голос, скрываясь за безопасной стеной огня. — Ты не послушала.

После я ничего не слышала, кроме своих собственных криков, пока огонь продолжал безжалостно уничтожать меня.

— Нет.

В моей голове это слово взвыло от боли, но в действительности оно покинуло мои губы тихим шепотом. Этого было достаточно, чтобы меня разбудить. Я вскочила в ужасе, не сразу поняв, что была окутана не пламенем, а одеялом. Лишь на другой стороне комнаты горел огонь в камине.

Чтобы избавиться от последствий кошмара я сделала несколько глубоких вдохов. Через минуту сердце перестало глухо биться и снова вернулось к нормальному ритму. В приступе ужаса я заметила, что кровать пуста. Сейчас я не признавала, что снова побывала в том же кошмаре, но больше всего мне не нравилось то, что все чаще и чаще я уходила спать в одиночестве. И просыпалась, кстати, тоже.

Если бы я была суеверной, я бы стала беспокоиться о том, что повторяющийся сон —

это предзнаменование, но когда раньше я получала предупреждения о будущем, они не были столь неясными и метафоричными, как в этом сне. Они приходили ко мне, словно беспощадные реконструкции, и я могла чувствовать, как все должно случиться. Но у меня не было такого уже неделю. Я давно хотела перестать улавливать воспоминания и образы худших грехов своим прикосновением, а вот теперь, когда я так нуждалась в своей способности, она ушла в отпуск. Эта мысль преследовала меня исподтишка.

Я свесила ноги с матраса и спустилась с возвышения, которое делало вид занавешенной кровати еще более впечатляющим. Подойдя прямо к камину, я встала перед ним на колени. Большая часть пламени угасла за ночь, но свернутый журнал все еще тлел. Я оттолкнула решетку в сторону, задержав на секунду руку над бревном, а затем вонзила ее прямо в обуглившееся дерево.

Приступ боли заставил меня задохнуться от облегчения, пока до меня не дошло, что она идет лишь от одного пальца. Остальная часть моей руки чувствовала себя прекрасно, несмотря на погружение в раскаленные угли до самого запястья. Я подождала еще несколько минут, чтобы убедиться, а затем вытащила ее. Помимо занозы, выступающей на моем указательном пальце, и десятилетнего шрама, моя рука была нетронутой, с нее не исчез ни один волосок.

Черт. Уже шесть недель, а это все еще не прошло.

Некоторые женщины заражались венерическими заболеваниями от своих бой-френдов. Это детские игрушки по сравнению с тем, что подарил мне мой — иммунитет к огню, который непонятно почему блокировал мою способность психически улавливать информацию через прикосновение. Конечно, мне не стоит слишком удивляться. Знакомство с неофициальным Принцем Тьмы обязано иметь свои последствия.

Я выдернула занозу, пососала палец — да, я была одной из немногих в этом особняке, кому не нравился вкус крови. Затем осмотрелась вокруг и отыскала большую мужскую рубашку из мягкой ткани, похожей на кашемир. Наверное, стоит больше моей зарплаты в карнавальном цирке за целый месяц, но все же она была безразлично брошена на пол. Я никогда не видела, чтобы кто-то убирал эту комнату, но я никогда и не видела ее грязной. Служащие видимо ждали, как ниндзя, пока я уйду отсюда, чтобы они смогли сделать это место вновь безупречным.

Им не придется долго ждать. Я хотела в туалет — но, несмотря на все великолепие спальни моего парня, в его ванной туалета не было. Многовековому вампиру он не нужен.

Я надела отброшенную рубашку. Она была достаточно длинной, чтобы прикрыть мою майку и трусы, хоть я никогда и не сталкивалась с кем-либо на своем пути к комнате, предоставленной мне официально. По крайней мере, его личная жизнь оставалась далекой от стыда и полной изящества. Как только я вернулась в свою комнату — оформленную в легких тонах, где было меньше темно-зеленого и меньше великолепия из красного дерева, которое я оставила позади — я направилась прямо в ванную.

— Гори, — сказала я, и добавила, — Тусклее, — когда яркий свет превратил меня в узкоглазую.

Мягкое янтарное освещение кремового мрамора, подчеркнутого золотом и серебристо-зелеными прожилками. Стелянные душевые размером с небольшой автомобиль засветились, также как и косметический столик. Я была в благоговейном трепете, когда впервые увидела все эти модные светильники. Сейчас же я бормотала себе под нос, пока спешила к незаметно экранированному углу.

— Пятидесятиметровый спринт каждое утро, потому что он, видите ли, не станет добавлять туалет в свою ванную комнату. Ему не нравится даже трагить каждый вечер на ужин, учитывая тот факт, что он никогда не ест.

Часть меня знала, что это бормотание было способом скрыть беспокойство по поводу все более пустой постели, и мой мочевого пузырь сжался, словно в знак согласия. Потом как обычно я зашла в душ, стараясь не касаться ничего своей левой рукой. Хотя токи, исходящие от меня, сейчас и были приглушены, не было никакой необходимости сжигать трубы случайной дозой напряжения.

После душа я оделась и спустилась на четыре лестничных пролета к основному уровню. В нижнюю часть лестницы — прихожую с высокими потолками, каменными столбами, антикварными щитами и богато украшенными фресками, выставленными передо мной. Лишь внутренний сад разбавлял все это буйство готики.

В конце этого коридора стоял мой заочный парень, Влад. Да, Влад, но некоторые совершали ошибку, называя его Дракулой. Его темные волосы были цвета праха, тень на челюсти была чуть толще щетины. Крылатые брови обрамляли глаза — смесь меди и изумруда — а на тело, закаленное десятилетиями сражений еще в человеческой жизни, накинута гладкая материя. Как обычно, оголены были лишь его лицо и руки. Остальное скрывали сапоги, черные брюки и дымчато-серая рубашка, застегнутая до шеи. В отличие от большинства хорошо сложенных мужчин, Влад не оголял много кожи, но движения его тела в сшитой на заказ одежде выглядели не менее эффектно, чем игра мускулатурой в шортах и рубашке без рукавов.

Мой осмотр прервался, когда я увидела, что было накинута на его руку. Он не просто выскользнул из постели, пока я спала — он также не одарил меня и словом.

Снова.

Всегда наступает момент, когда вы точно знаете, что не стоит этого делать... и вы все равно это делаете, в любом случае? Мне не нужна была моя психическая способность, чтобы понять, что бросить вдаль по коридору «Куда ты собрался?» было неправильным, но я все равно это сделала.

Влад разговаривал со своим вторым-в-команде, Максимом, светловолосым вампиром, который выглядел, как мстительный Викинг воплоти. В ответ на вопрос оба взгляда остановились на мне, один серый и нейтральный, другой медно-зеленый и насмешливый. Я напряглась, желая забрать свой вопрос обратно. *Неужели я превращаюсь в одну из тех раздражающе цепких подружек?*

Сразу после исчезновения главной причины интереса Влада к тебе, издевался надо мной коварный внутренний голос. Думаешь, так совпало, что он отдалился сразу же, как ты потеряла способность психически шпионить за его врагами?

На этот раз я начала напевать в голове KC and The Sunshine Band «Этот путь». Влад был не только чрезвычайно сильным вампиром, чье существование вдохновило самую знаменитую в мире историю о нежити. Он также мог читать мысли людей. Большую часть времени.

Его губы скривились.

— В один прекрасный день ты, наверное, начнешь принимать заявки на свой метод удерживать меня подальше от своей головы.

Если бы я его не знала, я бы пропустила иронию, окрасившую его голос, усиленную тонким акцентом с добавлением выговора, характерного для его народа. Сомневаюсь, что он

когда-либо простит вампира, научившего меня блокировать от него свои мысли.

— Некоторые люди считают эту песню классикой, — ответила я, ругая себя за то, что остановила его.

— Еще одно доказательство того, что в мире хватает дураков.

— Ты так и не ответил на мой вопрос, — возразила я.

Влад надел пальто, легкая улыбка никогда не оставляла его лица.

— Это было не случайно.

Мои руки задрожали, когда ток внутри меня потянулся к нему. Благодаря случаю с линией электропередач все мое тело излучало электроэнергию, но моя правая рука была главным ее каналом. Если я не спрячу свои чувства, она может начать искриться.

— В следующий раз, когда захочешь отшить меня, делай это как современные мужчины, — мой голос стал грубее наждачной бумаги. — Будь расплывчатым и скажи, что тебе нужно бежать. Прозвучит более вежливо.

Его медный взгляд сменил светящийся изумрудный — видимое доказательство его бесчеловечного статуса.

— Я не современный мужчина.

Конечно, нет, но его убьет, если он будет немного менее сложным, приводящим в бешенство и не столь загадочным? По крайней мере, хоть иногда?

Максим скользнул взглядом по мне, прежде чем сосредоточить внимание на Владе.

— Все будет готово к вашему возвращению, — заявил он, поклонился и ушел.

Что все это значит? Вопрос завис на кончике языка, но я не получу на него ответа. Но это не значит, что я позволю этой мысли терзать меня. Мне было интересно, что значит его отдаление для наших отношений. Если за время моей психической кастрации его чувства ко мне не изменились, ему стоит сказать об этом. Я прекратила свое мысленное пение достаточно надолго, чтобы успеть подумать — *Когда ты закончишь с этим, нам предстоит разговор.*

На этот раз его улыбка оказалась достаточно широкой и обнажила зубы. Клыков не было видно, но этой улыбке все же удалось отразить оттенок и любовника и хищника.

— С нетерпением буду ждать.

И там, где он стоял, осталась пустота. Лишь массивные закрывающиеся двери показывали, где он скрылся. Вампиры не могли исчезать, но некоторые мастера вампиров могли двигаться так быстро, что невольно думалось иначе.

Я вздохнула. В последние пару месяцев знакомство с Владом казалось мне столь же страстным и бурным, как показывают в кино. Я лишь надеялась, что Голливуд не был прав на счет судеб каждой из женщин, влюбившихся в печально известного Принца Ночи.

Мысль была угнетающей, но я не собиралась сидеть и думать об этом. Вместо этого я собиралась заняться самым проверенным временем и почтенным женским методом отвлечения.

Я побежала наверх, в комнату моей сестры.

— Вставай, Гретхен! — я постучала в дверь. — Мы идем по магазинам.

— Это единственное, что оказалось не таким отстойным в Румынии, — заявила моя сестра, выложив стопку одежды перед кассиром. Я закрыла глаза, не зная, перед кем извиняться за Гретхен в первую очередь: перед кассиром за дурной отзыв о ее стране или перед Максимом, которому теперь придется добавить еще больше пакетов к полудюжине уже имеющихся. Именно это и происходит, когда вы вручаете моей сестре чужую кредитную карточку. У Влада было правило — любая покупка гостей оплачивалась его карточкой.

Он может пересмотреть его, когда получит счет. Мои попытки поощрения экономии не срабатывали. Они лишь раздражали Гретхен, и она пыталась выбросить все вещи едва ли не прежде, чем успевала их приобрести.

— Я устала. Мы должны вернуться, — сказала я, меняя тактику.

Голубые глаза Гретхен сузились.

— Ни в коем случае. Я сижу целую неделю взаперти в замке твоего парня, хотя его вампирский враг и должен быть уже мертв, иначе бы Марти и папа не смогли уйти оттуда.

Я не стала говорить, что наш отец и мой лучший друг Марти были не настолько склонны к безрассудству. Шансы были невелики, но если жаждущий возмездия Владу Шилагай выжил, то Гретхен безопасней было находиться здесь. Она не смогла бы скрываться, даже если бы от этого зависела ее жизнь, как она уже это доказала. Я взглянула на кассира, выдавила улыбку и потянула Гретхен за рукав, притягивая к себе.

— Не говори о сама-знаешь-чем в общественных местах, — зашипела я.

— Почему? — парировала она громким голосом. — Половина людей в этом городе знает о вампирах, как и то, что к их числу относится Влад. И некоторых из них он даже использует как перекус из крови. Что же касается остальных, Максим сможет загипнотизировать их, внушить забвение, и они перестанут об этом знать.

Когда я взглянула на кассира, мои глаза округлились. Она подняла руку в сторону светловолосого вампира и сказала ему что-то по-румынски.

— Не волнуйтесь, она лояльна к Владу, — сообщил он мне. Затем его буро-серый взгляд опустился на Гретхен. — Вам стоит быть более осмотрительной, или следующим загипнотизированным человеком окажитесь вы.

— Ты не станешь, — фыркнула она.

Максим выпрямился во все свои шесть футов и шесть дюймов, как будто его гибкая мускулистая фигура сама по себе не была достаточно впечатляющей.

— Я делал гораздо худшие вещи, чтобы защитить моего принца.

Мне все еще хотелось треснуть Гретхен, но никому, даже такому другу, как Максим, не сойдут с рук угрозы моей младшей сестренке.

— Она будет осмотрительной, — сказала я хладнокровно. — А если она не будет, я сама с ней разберусь.

Максим посмотрел на Гретхен, едва заметно кивнул головой, а затем нагнулся ко мне.

— Как хочешь.

Мои щеки зарделись. С тех пор как я стала подругой Влада, вампиры всей его линии к моему ужасу поклонялись мне, как ему.

— Пожалуйста, прекрати, я ненавижу все это.

Он выпрямился, улыбка дернула его рот.

— Да, я помню.

Его взгляд встретился с моим, и на долю секунды я увидела мужчину, который ухватился за возможность встречаться со мной, когда я впервые прибыла к Владу как нежеланный беженец. Затем знакомая завеса учтивости упала на глаза Максима, и мой телохранитель с формальной вежливостью отвернулся.

— Если хотите продолжить покупки, у вас еще час. Затем мы должны будем вернуться в дом.

— Зачем? — спросила я, опередив Гретхен.

— Потому что вам нужно будет подготовиться к ужину с гостями Влада. Вам не стоит опаздывать к столу.

Гретхен на этот раз была быстрее.

— Ужин с гостями? С кем? Почему вы не сказали нам об этом раньше?

— Вам не сказали, потому что ваше присутствие не является обязательным, — ответил Максим. Затем он улыбнулся мне. — Я ждал, прежде чем сказать тебе, поскольку ты, казалось, была погружена в свои мысли.

Смущение и смирение смешались во мне. *Все знают, что у нас с Владом проблемы? Конечно, они знали*, ответила я на собственный вопрос. С чувствительным слухом нежити, они, вероятно, также знали, что у Влада со мной уже неделю не было секса, поскольку был этот мой период.

Я вздохнула.

— Похоже, мне нужно купить что-нибудь подходящее к случаю.

Несмотря на посещение нескольких магазинов, я еще не сделала этого. Я не желала добавлять сумму к огромному счету Гретхен.

На лице Максима промелькнуло что-то такое, чего я не смогла распознать.

— В этом нет необходимости. Платье, выбранное для тебя Владом, ожидает в твоей комнате.

Впервые оставил меня, не сказав, куда идет. Затем неожиданные гости к ужину, и теперь еще это платье, приготовленное для меня. Мои глаза сузились. *Что он задумал?*

— Ты не собираешься даже намекнуть о том, что происходит вокруг меня? — спросила я Максима.

Его улыбка была слишком жестокой.

— Как я уже сказал, я делал гораздо худшие вещи, дабы защитить моего принца.

Один взгляд на платье сказал мне, что ужин не будет включать только Влада с несколькими старыми друзьями, которые просто упали бы от такого. Это было черное бархатное платье с небольшим вырезом на спине и декольте спереди, которые выглядели так, словно инкрустированы маленькими черными драгоценностями. Черные каблуки. И конечно завершали соблазнительный экстравагантный ансамбль так же инкрустированные черные перчатки до локтя с подкладкой, отталкивающей ток, похожей на резину. Я примерила это, не удивляясь, что все подходило, словно было сшито по моим точным меркам. Он даже смог придать объем моему декольте — редкое достижение с моей маленькой грудью.

Это было лучшее платье, которое я когда-либо носила, но я бы отдала его, да и любой другой дорогой подарок Влада, чтобы убрать растущий между нами разрыв. Я погладила мягкую ткань, желая, чтобы вернулись назад мои способности. Чтобы я смогла узнать способ компенсировать это недавнюю охлаждение. Или просто быть уверенной, что выгляжу

достаточно хорошо, чтобы быть рядом с ним сегодня вечером. Последняя возможность побыть с Владом.

Потому что позже мне придется противостоять ему, независимо от того, каков будет результат. Последнее, что я хотела бы делать — это прихорашиваться, но это был явно формальный ужин. Когда я закончила, мои прямые черные волосы спадали на плечи густыми кудрями, а мой макияж был легким, не считая темно малиновой помады, контрастирующей с длинным черным платьем и моей по-зимнему бледной кожей. Все эти годы в карнавальном шоу научили меня ловко приводить себя в порядок. Это также сделало меня экспертом в маскировке шрама, который тянулся от виска вниз к моим пальцам. Блестящие черные волны нависали над этой частью лица, покрывая большую часть правого плеча. Я натянула перчатки, поэтому лишь несколько дюймов кожи на моем плече были случайным напоминанием о том, что давали мне мои необычайные способности. Способности зачахнувшие, когда Влад покрыл меня аурой, отталкивающей пламя, чтобы защитить от взрыва, устроенного Шилагаем. Враг Влада думал, что заберет меня с собой, но я пережила этот ад. Но мое выживание имело свою цену. Тариф «ничего не бывает просто так».

Я покачала головой, пытаясь очистить ее от мыслей о прошлом. И, не чувствуя ничего кроме ощущения праздника, я направилась к основному холлу.

Влад ждал внизу лестницы. Его черный смокинг без какого-либо цветового акцента должен был выглядеть слишком сурово, но вместо этого он был похож на чувственную версию Ангела Смерти. Он охватил меня взглядом, изумрудная вспышка мелькнула в его глазах, и я не смогла подавить дрожь. А когда он взял меня за руку, я ощутила, как его тепло пробивается даже через мои перчатки. Нормальные вампиры ощущались холодными, но не Влад. Его пирокинеза не только боялись, он также делал его даже более теплым, чем большинство людей, а когда его темперамент или желание накалялись, тело вспыхивало как сама жизнь.

— Выглядишь восхитительно.

Низкое рычание давало мне знать, какие эмоции его сейчас подогревали, и я еще раз вздрогнула. Мои чувства к нему изобилуют сомнениями, но мое тело не сомневалось. Я подошла еще ближе, прежде чем поняла, что мои соски напряглись, как только его грудь коснулась моей. Когда его рот задел мою шею, и толстая щетина аппетитно прошлась по коже, что-то внизу меня сжалось.

Он втянул воздух, когда оставил мягкий поцелуй на моем пульсе, а потом отпустил его. Затем его руки сомкнулись на моих плечах, их тепло отдавало чудесной мощью. Щелчком пальца он оттолкнул мои волосы в сторону, обнажая шею. Я ахнула, когда его рот опустился и два твердых, острых клыка прижались к моей коже. Второе занятие после занятия любовью с ним — это его укус, который вызывал во мне темный восторг. В последнее время я к нему пристрастилась. Не думая, я схватила его за голову, притягивая ближе и почти дрожа в ожидании.

— Не сейчас. Наши гости ждут.

Плевать! было моей первой мыслью, а сразу за ней, — *Что со мной не так?* Да, люди ждали нас, не говоря уже о нескольких охранниках, таившихся в этом коридоре. Хоть все они и были ему верны, были серьезные проблемы, которые мне надо решить с Владом. Удовлетворение своего либидо должно было быть последней вещью в списке дел.

— Правильно, — сказала я, опуская руки и отступая. Я не смотрела на него, возвращая

волосы на плечо, прикрывая как можно больше зигзагообразного шрама. Я не стыдилась, но неизбежные жалостливые взгляды людей, которые видели его впервые, были стары как мир.

— Лейла.

То как он произнес мое имя, заставило меня поднять голову. Глаза Влада снова стали цвета полированного красного дерева, только теперь зеленый окаймлял кольцом естественный цвет его зрачков.

— Не прячь его ни от кого, — заявил он, отбрасывая мои волосы с плеча. — Только дураки выказывают жалость выжившим со шрамами, а ты никогда не должна пресмыкаться перед дураками.

Затем он протянул руку, раны от его собственных битв пересекали плоть как маленькие бледные полосы.

— Пойдем.

Я взяла его за руку, заставляя себя отодвинуть эмоции, сжимающее сердце невидимыми полосами. Я начала читать в своей голове песни, делая свои самые опасные мысли не дошедшими до него.

Это одна из причин моей любви к тебе. Твоя несгибаемость ни перед кем.

К сожалению, она также способна и разлучить нас.

Глава 3

Как выяснилось, я знала некоторых из наших гостей, хотя тут было и много новых лиц. Максим сидел за обеденным столом рядом с лысым Шрапнелем, мускулистым третьим-в-команде Влада. Рядом с ним был Менчерес, длинноволосый египтянин, которого Влад представил, как своего почетного государя — титул, который я до сих пор не полностью понимала. Стройная блондинка рядом с Менчересом была его женой Кирой. Гретхен тоже была там, сидя далеко от главы стола и выглядя раздраженной по этому поводу. Когда вошли Влад и я, все встали. Это был весьма странный сценарий. Я не опоздала, так почему же все уже за столом? Разве хозяин и хозяйка не должны приветствовать гостей, прежде чем те займут свои места, а не приходиться последними, а гости — вставать при этом по стойке смирно?

У вампиров, решила я в очередной раз, самые странные обычаи. Влад подвел меня к моему обычному месту во главе стола, в результате чего я получила несколько косых взглядов со стороны гостей, которых не знала. Я стояла около пустого стула, находясь справа от Влада, — *Непонятно. Мне садиться сейчас, или подождать сигнала?*

— Рад, что вы пришли, — заявил Влад на всю комнату, не сбавляя своего сильного тенора. — Знаю, некоторым из вас пришлось преодолеть долгий путь, чтобы прибыть сюда.

Я ожидала большего, быть может, благодарности гостям, прибывшим издалека, но затем он опустил в свое кресло. Прежде я бы никогда не подумала, что простой акт усаживания Влада может выглядеть столь царственно и пугающе, но он делал так каждый раз.

Все остальные заняли свои места, так что я тоже, мечтая, чтобы мне вручили руководство для чайников по этикету мертвых. Судя по излишней плавности движений, никто из гостей не был человеком. Я воспользовалась случаем, чтобы оглядеть вампиров в непринужденной обстановке и без насилия — это было мое первое официальное мероприятие. *Если я что-нибудь такое выкину, это твоя вина,* — подумала я, глядя на Влада с милой улыбкой на лице.

Его рот дернулся — единственный признак того, что он меня услышал. Затем он показал налево.

— Лейла, ты уже знакома с Максимом, Шрапнелем, Менчересом и Кирой, но позволи мне представить тебе остальных наших гостей.

Я слушала весь этот список имен с приятной, как я надеялась, улыбкой. Я не ожидала, что запомню их, поскольку все двадцать восемь мест за огромным столом были заполнены. Когда я впервые увидела эту столовую с каминами у стен, потолком высотой в три этажа и гигантской люстрой, я подумала, что это ослепительно пустое место, поскольку тут ели только я и Влад. Сейчас же его размеры и великолепие пригодились. Нам бы понадобился еще один стол, если бы он пригласил своих новых друзей. Судя по женским драгоценностям и блистательным смокингам мужчин, присутствующие привыкли к роскоши.

Я нет. Как и Гретхен, которая выглядела так, словно ей было не по себе. Наш отец был профессиональным военным, поэтому мы выросли в скромной обстановке, которая часто менялась в зависимости от места службы. В восемнадцать лет я стала жить сама по себе и начала работать на должности, не связанной с техникой или прикосновением к людям — но любая достойная работа требовала либо одного, либо другого. Если бы я не встретила Марти и не присоединилась к его передвижному карнавальному шоу, я, возможно, оказалась бы на

улице.

И уж точно не попала бы к Владу, не улыбалась незнакомцам через море хрустальных бокалов, которые слуги наполнили темно-красной жидкостью, слишком густой, чтобы быть вином. Эти же слуги выставили достаточно еды, чтобы накормить всех по два раза, несмотря на то, что Гретхен, и я были здесь единственными людьми. Нервы убили мой аппетит, но я откопала в себе притворное удовольствие, интересуясь, когда Влад начнет выкладывать истинные цели этого события. Он не стал бы приглашать более двух десятков человек в свой дом чтобы просто покрасоваться. Владу было свойственно многое, но не позерство.

Бомба взорвалась во время десерта. Я только успела захватить ложечкой сливочное крем-брюле, как Влад встал, и вся болтовня замерла.

— Спасибо всем, что пришли, — произнес он в наступившей тишине. — Я хотел, чтобы все вы, как наши друзья или заслуженные члены моей линии стали свидетелями моих дальнейших действий.

Затем он подошел к моему стулу и положил руку мне на плечо. Я подавила в себе желание повернуться, чтобы посмотреть на него. *Что происходит?* — подумала я нервно. Он проигнорировал мой вопрос.

— Большинство из вас знает, что Лейла была моей любовницей в течение последних нескольких месяцев. Кроме того, она рисковала своей жизнью, дабы спасти мой народ, и продемонстрировала непоколебимую верность даже во время пыток. Она для меня много значит, и поэтому я предлагаю ей вечную связь со мной, если она ее примет.

Затем он наклонился, его теплое дыхание пролетело по моей шее, когда он прошептал следующие слова.

— Ты подумала, что когда твои способности уменьшились, мои чувства изменились. Пусть это будет моим ответом.

Я смотрела на его руку со шрамами, пока он ставил передо мной небольшую бархатную коробочку. Сердце стало биться сильнее, в то время как мой разум погрузился в шок и радость. Я услышала, как на дальнем конце стола вздохнула Гретхен. Из всех возможных причин столь необычного ужина, этой я не ожидала. Между нами действительно что-то изменилось, в лучшем из возможных вариантов.

— Влад, я...

Связные мысли и слова бурлили во мне, но мои двигательные способности не работали. Дрожащими от радости руками я медленно подняла крышечку.

Гретхен вскочила со стула, чтобы подойти ко мне. Наверное, в какой-то момент слезы счастья появились у меня на глазах, поскольку содержимое коробочки выглядело размыто. Тем не менее, я разглядела кольцо. Лавина счастья накрыла меня. До этого момента я не понимала, как сильно люблю Влада и как пылко надеюсь, что он тоже любит меня. Я моргнула, чтобы увидеть кольцо более четко... и к моему восторгу прибавилась растерянность.

Максим поймал Гретхен за руку, прежде чем она добралась до меня, но все же она была достаточно близко, чтобы заглянуть в коробочку.

— Ты, скряга, это не бриллиант! — заявила она со свойственной ей бестактностью. — Разве это обручальное кольцо?

Я тоже удивилась его выбору, поскольку узнала кольцо — это была копия реликвии, передаваемой от отца Влада ему. Независимо от того, какие чувства я питала к этому обручальному кольцу, он дал его мне. Кроме того, быть может, передача его была традицией

семьи Дракулы...

— Это не обручальное кольцо, — ответил Влад решительно. — Это символ членства моей линии. Все вампиры носят такие же.

При этих словах моя экзотическая путаница в мыслях преобразовалась в душераздирающее осознание: *Он не предлагал этого. Он лишь предложил тебе стать вампиром!*

Влад выпрямился, и его рука оставила мое плечо. Он услышал что-то. Судя по тому, как он посмотрел в мои прослезившиеся глаза, разработанная мной телепатическая заглушка пропустила его.

Я знала, что должна сделать что-то, чтобы он не услышал что-нибудь еще, но я не могла придумать, ни одного слова. Моя гордость кричала действовать, словно я ничего не поняла. Но все, что я могла — это сжимать коробочку, пока моя недавняя радость превращалась в пепел. Ничего не изменилось, кроме мыслей Влада, который считал, что моя человечность нуждалась в обновлении. И он решил преподнести мне это именно в такой форме, в комнате, заполненной вампирами в качестве свидетелей.

Я подняла глаза. Взгляды гостей быстро наполнялись жалостью, а их неудобное ерзанье говорило мне, что Влад был не одинок в моем неправильном понимании. Если бы я не чувствовала себя так, словно мое сердце вырвали и положили передо мной, я бы огорчилась.

Голос Гретхен сломал напряженную тишину.

— Ты хочешь стать вампиром Лейла? Это так жутко!

— Максим, — взревел Влад.

Мускулистый вампир поднял свою руку ко рту Гретхен, прежде чем я успела моргнуть. Обычно такое обращение с моей сестрой вызывало у меня ярость. Но в данный момент я слишком сильно пыталась взять себя в руки, чтобы ответить.

— Лейла, — начал Влад.

— Нет.

Слово прорезалось со всей силой разбитых надежд. Я встала, почти опрокидывая стул, но либо я уберусь отсюда сейчас же, либо заплачу. У меня все еще было достаточно гордости, чтобы не делать это на глазах у всех.

— Мне нужно немного воздуха, — пробормотала я.

И несколько лезвий для завершения работы, которую ты делала, когда тебе было шестнадцать, — ненавистно добавил мой внутренний голос.

Я не обращала внимания, какую из первых попавшихся песен включила в голове, чтобы скрыть свои мысли. Это оказалась «Краны» *Figures*.

А затем ушла так быстро, как могли унести меня оттуда новые высокие каблуки.

Я направилась прямо к небольшой покрытой резиной комнате на подвальном уровне, которую Влад создал специально для меня. Оказавшись внутри, я сорвала с правой руки перчатку. Как только я это сделала, электричество вырвалось из запястий в виде шипящих нитей, как и мои эмоции, которые я пыталась контролировать, преобразуя их в миниатюрные сгустки энергии. Я собрала эти токи в единую пульсирующую веревку и ударила ею по каменной статуе.

Ее голова оторвалась, подпрыгивая на приваренном основании. Еще удар — и статуя потеряла руку. Потом другую. Потом выше талии, но моя бурлящая боль, разочарование и унижение не уменьшались. Вместо этого я чувствовала себя так, как будто могу взорваться в любой момент.

Я продолжала бить по статуе, пока она не развалилась на десятки рваных кусков. До Влада я работала лишь над тем, как подавить в себе эти силы, чтобы покончить с одиночеством, этим результатом моей неспособности прикоснуться к кому-либо, не причинив вреда.

С Владом все изменилось. Он научил меня включать способности по желанию и пробудил чувства, которые я никогда и не думала испытать. Он был больше чем моим первым любовником. Он был моей первой любовью, но я позволила себе погрузиться в нее слишком глубоко. Несмотря на все предупреждения, я осмелилась надеяться, что в один прекрасный день он сможет почувствовать то же самое ко мне. Эта надежда привела меня в подвал, принявший мои разрушенные мечты.

Я взглянула на остатки статуи и почувствовала мрачное родство с ней. Как и меня, ее использовали, пока она была крепкой и целой. Теперь, как и я, она была настолько изуродована разрушительными эмоциями, что уже никогда не будет прежней.

— Будь ты проклят, — прошептала я, не зная, к кому обращаю проклятие — ко мне самой или, или к вампиру, в которого так глупо влюбилась.

Мое шикарное платье теперь стало влажным от усилий, но мне было все равно. Я не вернусь за стол. Каждый выяснил для себя причину моего ухода, они вполне могли понять такое продолжительное отсутствие. Если же не поняли, то пошли они. Мне хватило развлечений на вечер.

Измученная, я поднялась на несколько лестничных пролетов в свою комнату, радуясь, что никого не встретила по пути. Если повезет, Влад будет до конца со своими гостями. Я и завтра не хотела его видеть. Это дало бы мне так необходимое уединение.

Поэтому я застонала, увидев, что моя спальня не была пуста. У дивана, сложив руки за спиной, стоял Влад. К счастью, проклятая коробка с ювелирным изделием исчезла. Огонек в его взгляде был одновременно вальяжным и неопределенным.

— Тебе лучше? — спросил он в своей обычной манере.

Даже не близко. Посмотрел бы на последствия потери моего хрупкого контроля в комнате, которую ты отвел для тренировок с электричеством.

— Славно, — сказала я коротко. — На самом деле, если забыть о желании напиться, я никогда еще не чувствовала себе лучше.

Я не смогла понять, какие эмоции промелькнули на его лице. Затем выражение его лица снова стало бесстрастным.

— Сожалею, что сегодня все так вышло. Мне стоило сначала обсудить свое предложение с тобой, но я никак не ожидал, что ты неправильно оценишь происходящее.

Не знаю, что я хотела услышать после такого фиаско, но что бы это ни было, он был далек от него на милю. Его железное самообладание было как соль на рану. Я едва держала себя в руках, а он никогда не выглядел более холодным и собранным. Гнев во мне пересилил все другие эмоции.

— Платье, необычный ужин, все твои лестные слова, эта шкатулка, — я сжимала пальцы с каждым словом. — Действительно, что еще я должна была подумать?

Его фырканье пробрало меня до костей.

— Все, но не это. Ты и я, вместе считанные месяцы. Знаешь, как это незначительно для любого в моем возрасте?

Новая волна боли сделала мой тон обжигающим.

— Да, тебе почти шестьсот лет. Но в современном мире, когда ты говоришь такие слова как «вечная связь» и даешь своей подруге кольцо в коробочке, обычно имеется ввиду лишь один вид кольца!

— На протяжении веков каждый вампир, которого я выбирал, носил копию моего кольца как свидетельство членства в моей линии. Это полезно, если моих людей захватят союзники. Или враги.

Я верила ему, но он ничего не сделал, чтобы стереть кислоту, разъедающую мои эмоции.

— Ты не понимаешь, — отрезала я. — По моим меркам мы тоже были вместе недолго, но твое презрение к мысли о браке показывает, насколько по-разному мы ценим наши отношения. Это реальная проблема, и я больше не могу ее игнорировать.

Его губы сжались. В камине вспыхнуло пламя, когда он вспыхнул и его оболочка треснула. Мне было все равно. Я была той, кто испытал эмоциональный шок сначала на публике, а теперь и в приватной обстановке.

— Я ценю наши отношения. Я никогда не делил личную спальню с кем-то еще, кроме тебя...

— Тем не менее, ты даже не позаботился о том, чтобы установить в ней туалет, — перебила я. — И ты каждый раз продолжаешь показывать мне «Это далеко не будущее».

Теперь его взгляд вспыхнул чистым изумрудом, все следы меди сошли на нет.

— Я предложил тебе сегодня другое решение этого вопроса.

Обращение меня в вампира действительно свело бы на нет мою потребность в туалете. Это было бы также гарантией, что я проведу остаток неестественно долгой жизни, любя человека, который никогда не захочет, чтобы я была к нему ближе, чем на расстоянии руки. Влад был известен своей беспощадностью, но я не думаю, что он понял, насколько жестока судьба, к которой хотел меня приговорить, если бы я приняла предложение. Частично это была моя вина. Я позволила своим эмоциям встать между нами и, не желая терять его, затягивала все слишком долго. Проблема в том, что у меня никогда его и не было, и сегодня пришлось это признать. Я встретила его взгляд даже не дрогнув, хотя буря чувства разрывала сердце.

— Тебе не пришло в голову, что подаренное мне кольцо может показаться предложением, потому что у тебя даже нет намерений, когда-либо предлагать мне реальные обязательства. Я согласилась с этим один раз. Больше не стану.

— Ты не понимаешь, — его тон был ровным, даже когда пламя поблизости взмыло

выше. — Для вампиров не существует разводов. Учитывая то, как часто люди меняются со временем, мало кто из моего рода вступает с ними в брак. Чувства могут исчезнуть, но вампирский союз никогда.

Затем его теплые сильные руки обхватили мое лицо.

— Я предлагаю тебе реальное обязательство — место в моей жизни навсегда. Даже если наши отношения закончатся, наша связь друг с другом никогда не исчезнет. Позволь мне сделать тебя вампиром, Лейла, и десятилетия пролетят, как дни, пока ты будешь на моей стороне.

Я хотела сказать да. Слово дрожало на моих губах, но я втянула его уйти назад рваным тяжелым дыханием. Он не предлагал мне ничего нового, лишь более длинная версия того, что уже было предложено. То, что я оказалась готова избавиться от своей человечности, как от старого костюма, окончательно доказывало, что я так и буду делать все для Влада, а он по-прежнему будет сознательно держать свое сердце вне досягаемости.

Я не смогу так жить, ни как человек, ни как вампир. Если боли много уже сейчас, что я буду чувствовать после десятилетий любви к человеку, который рассматривал меня лишь как приятное дополнение к своей постели?

— Я скажу да при одном условии.

Он погладил мое лицо.

— При каком?

Я не моргала.

— Ты можешь читать мои мысли, так что должен уже знать. Твоя любовь, Влад. Это то, чего я хочу больше, чем кровные узы или возможность жить вечно. Я хочу, чтобы ты сказал, что любишь меня.

Его руки опустились и сжались в кулаки по бокам.

— Мы об этом говорили...

— Я помню, — оборвала я его. — В нашу первую ночь, ты сказал мне, что можешь дать мне страсть, честность и моногамию, но не любовь, потому что не способен на это чувство. Считай, что сейчас я думаю, что все это фигня. Ты помнишь последнее, что сказал Шилагай, прежде чем он устроил тот взрыв?

Судя по его сжавшейся челюсти, он помнил, но он не собирался говорить это. Я продолжала.

— Шилагай сказал, что собирается убить меня вместе с собой, потому что это принесет тебе боль. Даже твой злейший враг смог увидеть, что я была для тебя больше чем любовницей, но ты не хочешь предлагать мне что-либо еще. Пока ты этого не сделаешь, я не...

Мой голос надломился, и, несмотря на всю решимость, две слезинки проскользнули мимо ресниц. Я стерла их, заставляя себя говорить через туго сжатое болезненными эмоциями горло.

— Я не смогу быть с тобой, — сказала я коротко. — Это слишком больно — быть рядом, когда ты постоянно меня отталкиваешь.

Выражение его стало неверящим.

— Ты покидаешь меня?

Судя по тону, эта мысль для него была больше шокирующей, чем болезненной. Еще одна кувалда ударила меня в грудь, и еще больше слез покинуло мои глаза прежде, чем я успела их подавить.

— А у меня есть выбор? Я знаю, чем все это закончится. С моими способностями я переживала разрывы бесчисленного количества других пар. Я даже наблюдала, как моя мать отдала все человеку, который держал ее как вторую лучшую, и я отказываюсь повторять эту ошибку.

Я знала, что каждое сказанное слово было правдой, но все равно не могла остановить поток мыслей, бурливших в голове.

Скажи, что любишь меня, и я останусь. Черт, скажи мне, что хотя бы будешь открыт мысли о том, чтобы полюбить меня, и я останусь. Скажи мне хоть что-то, кроме того, чтобы смириться и навсегда остаться на втором месте после холода, которым ты продолжаешь оборачивать свое сердце.

Он не сказал ничего похожего. Вместо этого предупредил:

— Это небезопасно. Мы раскопали многое из того, что осталось от его горного логова, но все еще не нашли останки самого Шилагая. Если ему удалось выжить, он придет за тобой.

И это была самая большая его проблема? Не конец наших отношений, а его противник, снова использующий меня против него? Мгновение я не могла дышать от того, как жестоко это разрывало мне сердце. Я думала, что приготовилась справиться с отказом. Я очень сильно ошибалась.

— Шилагай мертв, — удалось мне хрипло выдать. — Даже если он выжил, мои способности ушли в прошлое. Сейчас я не могу искать людей или видеть будущее, а значит, я не буду ему нужна.

Скажи мне, что это не единственная причина, по которой ты хочешь, чтобы я осталась! — взревела я в мыслях со всей горячностью последней надежды. Лишь сила воли удержала меня от произнесения этого вслух.

Влад лишь посмотрел на меня. Его взгляд менялся с медного на изумрудный и обратно, пока в камине бушевал огонь. С каждой минутой длившегося молчания, я все меньше могла сдерживать слезы, скользящие вниз по моим щекам.

Потом он пошел к двери, и каждое его движение было как порез бритвой по моему сердцу. Когда он достиг ее, то остановился на мгновение, и его рука замерла над ручкой.

Не делай этого! — хотелось закричать мне. — *Я люблю тебя! Неужели ты даже не можешь попытаться позволить себе любить меня?*

Огонь вспыхнул настолько высоко, что вылился за решетку и стал лизать стены, но он так ничего и не сказал. Когда пламя взмыло до потолка, меня охватило инстинктивное желание потушить его, но оно само исчезло со свистом, оставив за собой только след от дыма.

Когда я обернулась, Влада уже не было.

Машина остановилась в самолетном ангаре. Я открыла дверь сразу же, не желая, чтобы Максим или Шрапнель сделали это за меня. В десяти метрах от меня стоял блестящий реактивный самолет цвета слоновой кости. В своих страданиях я думала, это хорошо, что я еду обратно в Штаты в частном самолете Влада. Даже если бы мои выбросы электроэнергии волшебным образом остались под контролем, я не стала бы пытаться лететь коммерческим рейсом. Мое мрачное настроение гарантировало, что я «случайно» выпущу ток наружу.

Молодой рыжеволосый мужчина ждал у раскладной лестницы рядом с самолетом, но, увидев меня, поспешил вниз.

— Где ваши сумки, мисс? — спросил он с английским акцентом.

— У меня их нет.

— Они у нее есть, — перебил Максим, вылезая с водительского сиденья. — В багажнике.

Лишь присутствие Гретхен удержало меня от потери контроля.

— Я же сказала, что не хочу ничего брать. Я приехала сюда с той одеждой, что была на мне, и также я и собираюсь уехать.

— Ты заберешь их, это приказ Влада, — сказал Максим, когда человек поспешил к задней части лимузина. — Что ты с ними сделаешь, можешь решать у себя дома.

Влад не хотел, чтобы хоть какое-то напоминание обо мне загромождало его дом. Однажды он говорил, что если я когда-нибудь захочу от него уйти, он отпустит меня без слов. Нужно отдать ему должное за умение держать слово. Мало того, что он не стал спорить. Я также не видела его с ночи, когда он покинул мою комнату. Он даже не попрощался перед тем, как Гретхен и я уехали в аэропорт. Независимо от того, как сильно я убеждала себя, что так лучше, это было большее всего, что я когда-либо переживала.

— Хорошо, — сказала я, заставляя себя улыбнуться Гретхен.

Моя сестра в последние пару дней постоянно отпускала едкие, непривычно защищающие меня комментарии. Это напомнило мне, как близки мы были до аварии, которая унесла жизнь нашей матери и подарила мне мои способности. Я продолжала говорить ей, что все хорошо, поэтому не могла обрушиться на Максима, заявив, что скорее уеду голой, чем буду мучиться воспоминаниями, держа у себя вещи, которые купил мне Влад.

Кроме того он был прав. Я могу выбросить их и позже.

— Ну... прощай, — сказала я, когда Максим и другой человек закончили перетаскивать наши чемоданы к самолету.

Он слегка улыбнулся.

— Пока нет. Я лечу с вами, чтобы убедиться, что ты благополучно доставлена к Марти.

Доставлена, как пакет. Я снова прикусила язык, чтобы не потерять контроль перед сестрой.

Гретхен фыркнула.

— А как же я? Никого не волнует, вернусь ли я в свою квартиру?

Максим кивнул на лысого вампира с кожей цвета мокко, вышедшего из передней части лимузина.

— Шрапнель позаботится о тебе.

Он улыбнулся, показав безупречно белые зубы.

— Мы подумали, что Марти не будет рад видеть меня снова.

Шрапнель пытал Марти, так что вероятно, нет. Впрочем, Марти не будет вне себя от радости, увидев и меня тоже. Мой лучший друг и партнер по карнавалу предупредил меня, чтобы я не связывалась с Владом. Похоже, я должна Марти извинения. И еще я, наверное, упаду ему в объятия и буду рыдать. Я не позволяла себе плакать с той ночи, как ушел Влад. Однако с Марти я смогу, наконец, перестать делать вид, что не опустошена расставанием. Он всегда был рядом, и сейчас я нуждалась в нем больше, чем когда-либо.

В последний раз я посмотрела вокруг, ненавидя себя за то, что часть меня надеялась, что Влад появится тут, говоря все, что он отказывался говорить ранее. Затем я улыбнулась Гретхен, интересуясь про себя, когда буду в состоянии делать это правдиво.

— Ладно, сестренка. Давай отправимся домой.

Полтора часа спустя Максим и я прибыли в Гибсонтон, Флорида, также известный как Сноутаун, США. Температура и влажность набросились на меня, как только я вышла из машины. Был всего лишь май, но температура, должно быть, была около сотни градусов. Максим тоже вышел, оглядывая постройки, словно пятно теста на сборочной линии пекарни.

— Почему я чую запах слоновьего дерьма?

— Это Бетси, — сказала я, указывая на серую постройку. — Ее тренеры держат ее отходы во дворе...

Мой голос затих, когда я посмотрела мимо линии домов. Я должна была увидеть там трейлер Марти, так как это был самый короткий путь в трейлерный парк, но место, где был раньше его Виннибег 1982 года, было пустым.

— О, нет, — простонала я.

Максим мгновенно принял боевую стоку, в его руке оказался серебряный нож.

— Что случилось?

— Ничего, с чем может помочь нож, — сказала я, проклиная себя. — На этот раз Марти, наверное, решил выехать раньше.

Обе золотые брови поднялись.

— Его здесь нет?

— Нет.

Я должна была позвонить заранее, но Марти не начинал сезон так рано. Кроме того, я хотела рассказать ему о том, что произошло, глядя в лицо.

Максим убрал нож и вытащил мобильный телефон.

— Позвони ему. Узнай, где находится.

Я одарила его измученным взглядом.

— Ты не знаешь, какой Марти в дороге. Все было бы замечательно, если бы он помнил, где оставил свой телефон, не говоря уже о том, чтобы зарядить его или ответить на звонок. Но не волнуйся. Я знаю еще один способ выяснить, на какой карнавал он отправился.

После короткой остановки для разговора с некоторыми другими карнавальщиками Максим и я отправились в путь. По крайней мере, Гретхен и Шрапнель продолжили полет после нашей высадки в штате Флорида. Если бы я думала, что есть хотя бы шанс убедить Максима позволить мне сесть на автобус, я бы так и сделала. Но он не уйдет, пока не выполнит указаний своего папочки.

Несколько часов спустя на парковке карнавала в северной Джорджии я увидела

Виннибег с нашими сценическими именами — «Могучий Марти и Фантастическая Фрэнки» — нарисованными на обороте.

— Там, — указала я на трейлер.

Максим припарковался так близко, как только мог. В этот предрассветный час все работающие на карнавале затихли. Я вышла такая уставшая, что, проходя мимо машин, палаток и клеток, чуть было не споткнулась. Я вернулась к прежней жизни, где мы с Марти могли показать наше шоу. Через несколько месяцев, если повезет, время, проведенное с Владом, будет казаться странной далекой мечтой, и мне уже не будет так больно. Движимая этой мыслью, я постучала в дверь прицепа.

— Марти, открой! Это я.

Дверь открылась так быстро, что врезалась в меня. Я успела увидеть лишь густые черные волосы до того как Марти схватил меня, спасая от падения. Затем меня приняли в жесткие объятия за талию. Я наклонилась, поскольку была выше Марти, и обняла его за спину так сильно, что он взвизгнул.

— Извини, — ахнула я.

Он усмехнулся.

— Моя вина. Забыл подготовиться к такому.

Затем Марти отошел, чтобы осмотреть меня как в первый раз. Он вдохнул, его рот сжался в тоненькую щель, а каштановые глаза окутал зеленый.

— От тебя ужасно пахнет, малышка. Что случилось?

Я знала, что он не поверит лжи о том, как давно я в последний раз принимала душ. Вампиры могли улавливать аромат эмоций, и я, вероятно, пахла как вонючее сгоревшее блюдо.

— То, о чем ты предупреждал, — ответила я, неубедительно пытаясь показать беспечность. — Наверное, я одна из людей, которые учатся лишь на горьком опыте.

Марти со вздохом дал мне еще раз его обнять, а после похлопал по спине и отпустил.

— Еще не было таких, кто умер от разбитого сердца, так что выживешь. А сейчас заходи, посмотрим, как ты рухнешь.

Я чувствовала то же. А Марти нахмурился, глядя мимо меня.

— Что он здесь делает?

— А как ты думаешь, она тут оказалась? — спокойно ответил Максим. — Теперь помоги мне с багажом.

Я собиралась повторить это! — *Я не хочу*, — Когда кто-то появился в прицепе позади Марти.

— Кто тут? — раздался сонный женский голос.

Если бы лунный свет не прорвался в этот момент сквозь облака, темнота позволила бы мне пропустить глуповатое выражение на лице Марти. В следующий момент я поняла почему. Стройная девушка с длинными черными волосами сонно моргала, глядя на нас. Ей не могло быть больше двадцати.

— Марти, тебе сто тридцать восемь! — возмутилась я, прежде чем поняла, насколько лицемерным было это заявление.

— Это не то, что ты подумала. Мы работаем вместе, — оправдывалась девушка, улыбаясь и нерешительно глядя на меня. — Я новая Фантастическая Фрэнки.

Максиму полагалось отвезти меня за пять штатов от Гретхен. Марти оправдывался и просил меня понять. Я не знала как, но не собиралась вовлекать в это Максима и дальше. Я обняла его и сказала, что все будет хорошо. Говорить это становилось все легче. Может быть, скоро я и сама в это поверю.

Марти подождал, пока Дон — так звали новую Фантастическую Фрэнки — вернулась в постель в моей старой комнате, прежде чем выдвинуть свою идею.

— Я скажу ей, что ее работа в этом шоу закончилась, что она должна найти другое шоу. Биллу Битл Мену может понадобиться ассистент...

— Ты не можешь так поступить, — возразила я, истощение сделало мой голос более резким. — Большинство людей приходит сюда после первого или второго фиаско в выборе карьеры. Дон пришла в момент отчаяния, не так ли?

Он мрачно кивнул.

— Да, плюс на нее выписан ордер. Мелкие кражи, по нескольким статьям. Люди, кажется, забывают, что еда не дается бесплатно. Она может получить небольшой срок, если они все же поймают ее.

Как это похоже на Марти — спасти девушку, давая ей работу, место жительства, и безопасность от присмотревшихся подозрительных полицейских, которые придут сюда вынюхивать. Он сделал это и для меня, когда я была такой же молодой, как Дон, и лишь немного более отчаявшейся. Я не могла забрать такой хороший шанс у молодой девушки, независимо от моих собственных дрянных обстоятельств.

Я улыбнулась и надеялась, что это не было похоже на гримасу.

— Видишь, ты не можешь ее уволить. Не беспокойся обо мне. У меня, э, есть несколько ювелирных изделий, которые можно продать, я смогу протянуть на этом в течение года или около того, — Хорошо, что Влад настоял, чтобы я забрала все, что он дал мне. — За это время я создам свое собственное сольное шоу.

Он потянулся через откидной стол и схватил меня за руку.

— Ты останешься здесь, пока не сделаешь основные покупки для этого шоу.

— Нет, на самом деле...

— Не спорь, — прервал он, сжимая мою руку. — Ты не моя дочь по крови, но я люблю тебя также как Веру, царство ей небесное, так что заткнись и давай найдем тебе место, чтобы поспать.

Я засмеялась, смагивая высыхающие слезы, вызванные счастьем перемен.

— Я тоже люблю тебя, Марти. И я всегда думала, что на диване вполне комфортно.

Она довольно хороша, — подумала я через неделю, наблюдая за Дон, выступающей с Марти. Конечно, он добавил несколько более сложных сальто и поддержек с его стороны, но у Дон было отличное чувство зрелищности, что скрывало ее слабости с акробатической стороны. Ну, разок она приземлилась на его плечи. В конце концов, я почти поверила, что это была я. С нашими стройными фигурами и длинными черными волосами мы выглядели одинаково. Не удивительно, что Марти не потрудился брать новое сценическое имя для Дон, помимо желания оградить ее от закона. Я сомневалась, что кто-то из зрителей, видевших наше шоу прежде, смог бы понять, что меня сменили более младшей и менее электризованной моделью.

Я пошла на их шоу, чтобы доказать, что все хорошо. Дон была милой девушкой, которой нужен этот перерыв, а у меня были и другие варианты. Конечно, весьма ограниченные, но, тем не менее, варианты. Начиная с сегодняшнего дня, я занялась устройством своей жизни. Восхищение выступлением Марти и Дон было первым шагом.

Вторым шагом было поговорить с Эдгаром. У него было прозвище Молоток из-за его ожесточенной тактики переговоров, но он был честнее, чем средний ростовщик. Несмотря на заверения Марти, что я смогу оставаться столько, сколько захочу, Виннибаг был слишком мал для троих, даже если один и был карликом.

Большая часть толпы слева аплодировали Марти и Дон, вышедшим на поклон. Я ждала в самой верхней части трибуны, стараясь, как могла, избегать контакта со зрителями. Я носила специальные перчатки, но даже случайный контакт будет ощущаться как удар статического электричества для любого, кто прикоснется ко мне. Вот почему я надела одежду с длинными рукавами и длинные брюки, хотя в палатке и было восемьдесят градусов. И отличную шляпу. А мои волосы скрывали шрамы от любопытных зевак.

Когда на верхних трибунах никого не осталось кроме меня и поразительно привлекательной брюнетки, я поднялась. Она тоже по-прежнему глядела на сцену, словно ожидая, что Марти и Дон снова появятся. Они бы не стали. Это был их последний выход.

Я хотела сказать что-то, когда женщина спрыгнула с верхней трибуны, приземлившись с изяществом победителя Олимпийских игр. Прыжок с высоты более тридцати футов ясно продемонстрировал, что это не человек. Она, должно быть, поняла, что раскрыла себя, потому что посмотрела на меня, и ее глаза стали светиться зеленым.

— Ты ничего не видела, — прошипела она.

Я кивнула, не утруждая себя сообщить, что я уже знаю о ее роде. Или то, что я вынуждена пить кровь вампира каждую неделю, чтобы сдерживать свою убийственную внутреннюю электроэнергию. Что означало, что я застрахована от контроля моего сознания. Она ушла, и я продолжила идти вниз по трибуне, делая мысленную заметку сказать Марти о вампире на шоу.

Оттуда я направилась к работнику автостоянки. Прицеп Эдгара был недалеко от Марти, но он хотел, чтобы сделки проводились на его территории. Может быть, он был обеспокоен тем, что Марти с зелеными глазками прихватит мои драгоценности, если конечно Марти будет свидетелем нашей сделки. Эдгар не был застрахован от контроля над разумом, и он, как и многие другие карнавальщики, знал, кем был Марти.

Я постучала, грубый голос сообщил мне, что я могу войти только одна, и я заморгала от бликов. Интерьер Эдгара украшала лампа, что ж, тем лучше он оценит то, что было в моем кошельке.

— Фрэнки, — сказал он, используя имя, под которым меня знали карнавальщики.

Я криво улыбнулась костлявому седому мужчине.

— Одна из них.

Эдгар махнул рукой в сторону обеденного стола. Я села напротив него и начала вытаскивать содержимое бархатной сумочки и моего кошелька. Впервые я осмелилась взглянуть на драгоценности, и молча, велела себе оставаться бесстрашной.

Это не помогло. Каждая вещица была памятью, раздирающей сердце. Какими теплыми были пальцы Влада, когда он скользил ими по рубинам и алмазам на браслете. Потрясающие серьги с аквамаринном, про которые он сказал, что подобрал их к цвету моих глаз. Его губы на горле, когда он надевал черное бриллиантовое ожерелье мне на шею. И это древнее на

вид золотое кольцо с эмблемой дракона...

Я замерла, сжимая его и не кладя на стол. *Почему Влад положил его к вещам, которые он отправил со мной?* Эдгар, казалось, не заметил моих действий. Он был слишком занят, глядя на другие вещицы через увеличительное стекло.

— Камни безупречны... превосходная огранка и дизайн... высшая проба золота и платины. — Он посмотрел на меня, не снимая лупы, одетой на один глаз. — Кем бы он ни был, ты, наверное, стоила ему целое состояние.

— Есть вещи важнее денег, — ответила я, еще не справившись с удивлением от находки кольца. Влад сказал, что только вампиры его линии носили одно из таких. *Может один из его слуг сделал ошибку, положив его вместе с остальным? Или это был знак того, что его приглашение обратить меня все еще в силе?*

Эдгар, наконец, заметил, что я что-то держу.

— Что там?

— Ничего, — *Я лучше буду голодать на улице, чем отдам его.*

Он усмехнулся.

— Это что, попытка возбудить аппетит, делая вид, что я не могу что-то получить? Хорошая попытка, но я видел каждый из этих трюков...

Его прервал оглушительный рев. Затем весь трейлер вздрогнул и окна разбились. У меня не было времени, чтобы закричать перед тем, как стена огня поглотила нас обоих.

— Тут один выживший!

Жаль, что я услышала голоса. Я могла бы не чувствовать боль, пришедшую вслед за этим, но сознание поднимало свою безжалостную голову. Кроме того, на мне лежало что-то тяжелое, от чего мне было больно дышать. Я пожалела, что вдохнула — запах жженого мяса наполнил мои легкие. Я действительно сожалела, открывая глаза. Почерневший череп, завернутый в отвратительную бледную кожу, был первым, что я увидела. Он давил на меня, дробя мои конечности и посылая мне импульсы агонии. Я закричала, но получился лишь сдавленный вздох.

— Не двигайтесь, — раздалась торопливые инструкции.

Я как могла вытянула шею. Справа от черепа был кто-то в шлеме пожарного.

— Мы вытащим вас, — продолжил он, его голос звучал приглушенно из-за дыхательного устройства. — Не двигайтесь.

Я бы не смогла, даже если бы захотела. Глаза горели, но после нескольких жестких морганий я увидела выше череп, но на нем не было кожи. То, что его окружало, было слишком толстым и твердым, похожим на пластик...

Последняя часть голололомки встала на место. Это был не пластик. Это был белый обеденный стол, который стоял между мной и Эдгаром когда раздался взрыв. Что означало, что обугленный череп принадлежал Эдгару. Огонь, видимо, был таким сильным, что стол растаял, растекаясь вокруг него, как ужасный саван. Все это — плюс что-то еще из тяжелого, закрепленного под ним.

— Что случилось? — удалось просипеть мне. — Кто-нибудь еще пострадал?

Пожарный не ответил. Я спросила еще раз, но единственным ответом послужила замаячившая перед моим лицом кислородная маска. Затем развернулась бурная деятельность, подоспело еще больше пожарных, и они попытались убрать с меня мусор.

— Похоже, мебель вокруг нее растаяла, — пробормотал один из них, в его тоне ясно слышалось недоверие. — Как она может быть живой?

Я знала, что на это ответить, но это было наименьшей из проблем. Марти и Дон должны были вернуться к трейлеру после завершения шоу. Он стоял всего лишь в нескольких прицепах отсюда. Что если взрыв достиг и их тоже?

— Мой друг, карлик, — сказала я, хотя говорить было больно. — Его прицеп неподалеку. Кто-нибудь его видел?

Ответа не было, но они обменялись жалостливыми взглядами. Тогда я вспомнила слова, прозвучавшие, когда я очнулась. *У нас тут одна выжившая!* К боли, пронзающей меня, добавился страх. Марти был вампиром, но он не был огнеупорным. Только я. Что делать, если Эдгар был не единственным, убитым этим вечером?

Я приподняла голову под углом, пока частично не сдвинула в сторону кислородную маску. Затем, забыв о боли, я стала кричать так громко, как только могла, отчаянно надеясь, что он жив, и услышит меня.

— Марти! Марти, где ты?

Сильные руки вернули маску на место. Кто-то сказал, чтобы мне дали успокоительное. Я закричала с нарастающей тоской, и появилось еще больше медработников. Марти уже должен был прийти. Даже с учетом все других шумов он мог слышать меня. В отчаянии я

закричала еще громче. *Пожалуйста, Марти, пожалуйста, пусть с тобой все будет хорошо!*

Внезапно людей, обступивших меня, с нечеловеческой силой отодвинули в сторону и путь расчистился. Спасатели замешкались, увидев вампира, опустившегося на колени рядом со мной.

— Лейла, ты жива, — выдохнул Максим.

Он начал говорить что-то еще, но слух исчез и бархатистый вкус наполнил мой рот. Последним, что я видела, были глаза, ставшие пылающе-зелеными, когда он встал и обернулся.

Когда я очнулась, я не почувствовала боли. Ужасная вонь все еще оставалась, словно кто-то пережарил жаркое и втер в меня. Я закашляла, с облегчением отмечая, что легкие больше не сжимали кулаками. Затем я открыла глаза. Мой взгляд нашел стены цвета старой горчицы. Некрасиво, но лучше, чем обугленные черепа. Я повернулась, окинув остальную часть крошечной комнаты одним быстрым взглядом. На противоположной кровати светловолосый вампир смотрелся еще более крупным и внушительным. У меня было так много вопросов, например, почему я голая под одеялом, но мой главный вопрос не изменился.

— Марти. Он...? — Я не смогла закончить фразу.

— Он ушел, Лейла.

Тон Максима был нежным, но слова ударили меня сильнее, чем линия электропередачи, которой я коснулась в свои тринадцать. Я с силой сделал вдох, и он закончился рыданием. В то же время что-то темное поднялось внутри, заставляя заискриться правую руку. Я хотела сделать гораздо большее, чем просто кричать. Я хотела наброситься на Максима со всем напряжением, имевшимся во мне, за столь ужасную вещь, которая не могла — *не могла!* — быть правдой. Но все, что я смогла сделать — это бороться за контроль, впитывая известие, что мой лучший друг мертв.

Максим не пытался утешить меня. Он мог ощущать угрозу от моей руки или же его искренне не волновало, как я себя чувствовала. Потом, когда мои рыдания стихли, подозрения прорвались сквозь горе.

— Что случилось? И что ты тут делаешь? Ты должен был уже вернуться в Румынию!

Его рот скривился.

— Я не стою за взрывом, если это то, о чем ты подумала. Если бы это сделал я, я бы убил тебя, когда увидел, что ты выжила. То, что ты жива, доказывает, что это был не я.

Ток все еще пульсировал в моей руке.

— Кто за этим стоит?

— Я не знаю.

Максим встал и начал расхаживать от стены к стене. Это было трудно, учитывая его размеры и длину комнаты. Его одежда была разорвана и испачкана сажей, что заставило меня задуматься еще раз, почему он оказался на месте именно тогда, когда раздался взрыв.

— Пожарный сказал, что произошел взрыв газовой линии, — продолжил он. — Они считают — это случайность. Поскольку она протекает рядом с прицепом. Сомневаюсь, что и рядом с трейлером Марти тоже.

— Но зачем кому-то убивать Марти? — вспыхнула я.

Он повернулся, и угрюмо посмотрел мне в глаза.

— Не думаю, что они хотели именно этого.

Взрыв предназначался мне? Если так, то это почти сработало. Несмотря на мою

огнестойкость, я была почти мертва. Максим, должно быть, дал мне своей крови, чтобы исцелить.

— Если кто-то хотел меня убить, то почему они просто не выстрелили мне в голову? — спросила я. Горе заставило мой голос звучать скупающе.

— Должно быть, они хотели, чтобы это выглядело, как несчастный случай.

Я протерла глаза. Слезы не помогут мне выяснить, кто убил моего лучшего друга.

— Что об этом думает Влад?

Максим замер и повернулся, его лицо омрачил непонимающий взгляд.

— Я не сообщал ему о взрыве, не говоря уже о том, что ты его пережила.

— Почему нет? Мы расстались, но я сомневаюсь, что он будет рад услышать, что кто-то пытался меня убить.

Максим ничего не ответил. В его закрытых, немного грубых чертах лица я увидела жалость. И поняла.

— Нет, — прошептала я. — Он не стал бы.

Максим выдал мрачное фырканье.

— О, ты унизила его так сильно, как не делал никто со времен, когда Шилагай подстроил его смерть много веков назад. И ты уже видела, как Влад отреагировал на это.

— Я его унизила? — Если бы я не была столь потеряна из-за смерти Марти, я бы рассмеялась. — Я сказала Владу, что полюбила его, только чтобы узнать, где всегда буду занимать место в его жизни — всего лишь на несколько ступеней выше «бессмертной любовницы».

— Это правда, — ответил Максим без колебаний, — но это больше, чем он предлагал кому-либо из других любовниц. Но ты ему отказала. А затем ты посмела оставить его.

— Посмела? — повторила я в недоумении.

— Ни одна женщина никогда еще не оставляла Влада. Синтиана, его возлюбленная до тебя, после завершения их связи даже попыталась соблазнить Шрапнеля, чтобы вызвать ревность Влада,

— И что с того? — не могла я не спросить.

— Ему было все равно, хотя он лишил своей защиты Синтиану, поскольку она безжалостно использовала Шрапнеля ради собственной выгоды,

— Как долго Влад был с ней?

Максим задумался на мгновение.

— Около тридцати лет.

Я не поверила.

— Это же больше, чем я прожила! Если Влад вышел из таких отношений, не оглядываясь назад, то меня он скорее всего уже забыл.

Максим наклонился, чтобы взглянуть на меня, прежде чем возобновить разговор.

— Тоже вероятно. Независимо от того, что он сделал или чувствует к тебе, твой двойной отказ будет жечь его в течение многих лет.

Достаточно, чтобы возжелать моей смерти? Эта мысль заставила меня почувствовать себя тонущей жертвой, которую окунали снова и снова.

— Предположим, Влад действительно хочет меня убить. Я сомневаюсь, что он был бы столь труслив, чтобы подстраивать взрыв газопровода, когда он мог бы убить меня, пока я была все еще в его замке.

— Да, но тогда ему пришлось бы убить Гретхен и твоего отца тоже, что будет выглядеть

излишне эмоционально с его стороны. — Усталый цинизм сменил жалость на его лице. — Эмоциональность рассматривается как слабость среди вампиров. Влад знает, что его враги начнут нападать на него как волки, если заподозрят в нем слабость.

Сначала смерть Марти, потом осознание, что взрыв предназначен мне, теперь предположение, что мой бывший парень может стоять за всем этим. Я закрыла глаза. *Сколько еще я смогу вынести?*

— Ты правая рука Влада, — сказала я после продолжительного молчания. — И он не сообщил тебе, что собирается меня убить?

Максим молчал так долго, что я открыла глаза.

— Что еще?

— Не думаю, что он стал бы, — сказал, наконец, Максим. — Он знал, что я мог бы создать проблему, а почему бы мне не сохранять лояльность, если он этого не сделает? Поэтому он мог приказать кому-нибудь еще, чтобы тот подстроил твою смерть как несчастный случай. Тогда меня бы здесь не было, и я бы тоже в это поверил.

Вернемся к прошлому вопросу.

— Зачем ты здесь?

Он вздохнул, возвращаясь на кровать напротив.

— Отчасти потому, что хотел убедиться, что Марти действительно позволит тебе остаться с ним, хотя и заменил тебя другой девушкой. Тебе нужна кровь вампира, чтобы не дать уровню электричества убить тебя. Если бы Марти не сделал этого, я бы договорился с кем-нибудь еще. Но вообще, Лейла, я не возвращался в Румынию из-за того, как к тебе отношусь.

Если бы я не была перегружена горем, я была бы в шоке. А поскольку это было так, я смогла лишь резко втянуть воздух от удивления.

Максим наклонился вперед, задевая мои волосы.

— Я говорил тебе, когда мы только встретились, что ты красивая, напористая, и твои способности завораживают меня. Я также видел в тебе мужество, твою преданность и твою силу, когда ты полюбила мужчину, который, как ты знала, никогда не полюбит тебя.

Большой сюрприз, но это было неважно на фоне моей тоски и растущей потребности. Я должна была отомстить за своего лучшего друга и молодую девушку, у которой никогда не было реального шанса на жизнь.

— Максим, ты очень привлекательный, и я польщена, но я не могу даже думать сейчас об этом.

Он откинулся назад, вымученная улыбка изогнула его рот.

— Знаю, но мы еще поговорим об этом.

Я не стала спорить. Я была слишком занята, пытаюсь выяснить, кто стоял за этим взрывом. Я все еще сомневалась, что это Влад. Но если Максим думал, что такое возможно, я не стану бросать на ветер предостережение, автоматически отбрасывая даже самую мысль об этом.

Кроме того, даже если я была права, и Влад тут не причем, я сомневалась, что новость о моей предполагаемой смерти расстроит его. Он более чем доказал, что я не много для него значу.

Я выкинула эту мысль, прежде чем она увела меня дальше, чем мой рок в штатах.

— Мне нужна одежда.

Максим встал и порывлся в чемодане на комод. Он вытащил рубашку и пару боксеров.

— Это не подойдет, но огонь сжег одежду, и у меня не было времени купить новую.

— Это пойдет, — ответила я, принимая одежду. Как только я коснулась ее, бесцветные образы ворвались в голову.

Я закинула свою одежду в чемодан и захлопнула его. Время вернуться домой, Лейла. Никто не ожидал, что она оставит Влада, но она это сделала, и вскоре она будет на расстоянии океана от него. Я улыбнулась этой мысли. Однажды она отказала мне, в доме, где жила, прежде чем поняла, что Влад не сможет дать ей то, что ей нужно. Я могу, и теперь у меня наконец был реальный шанс доказать ей это.

— Максим, — прошептала я, как только меня снова окружил номер отеля с гнилыми желтыми стенами. — Они вернулись.

Глава 8

Максим вытащил зажигалку и выпустил высокий язык пламени. Я подняла над ним руку, но тут же с визгом ее отдернула.

— Больно!

Он щелкнул и закрыл зажигалку.

— Ты говорила, такого не происходило в течение нескольких недель, поскольку на тебя подействовала огнеупорная аура Влада?

— Верно. Пожарные нашли меня почти невредимой. Как еще ты объяснишь чудесное выживание после такого мощного взрыва, что уничтожил прицеп, где я была?

И убил другого вампира, — не добавила я вслух. Если бы я назвала Марти мертвым, я начала бы рыдать и не остановилась.

— Нахождение в столь сильном огне, видимо, смыло остатки его ауры, — задумчиво ответил Максим. Он нахмурился. — Влад рассказал мне о блокировке твоих психических способностей. Почему он не сказал мне об остальном?

Я вздохнула. Я не хотела сейчас думать о Владе.

— Может быть, он раньше не делал ничего подобного, и хотел, чтобы его способность делать кого-то временно огнеупорным оставалась в секрете?

— Возможно, — согласился он.

Мне было безразлично, почему Влад никому об этом не рассказал. Моя огнестойкость ушла, но мои способности вернулись. Поэтому тот, кто пытался меня убить, кто убил моего лучшего друга, невинную девушку и многих других может быть найден. Отыскав этого человека, я заставлю его заплатить за уничтожение моей новой жизни.

— Хорошо, с моими вернувшимися видениями надо поработать над предметами. Давай посмотрим, могу ли я все еще находить кого-либо в настоящем.

С этими словами я погладила правой рукой тумбочку. А еще столешницу, дверные ручки, светильники и другие вещи, которые могли нести эмоциональный отпечаток. Сразу же в голове промелькнуло несколько образов. Я прошлась по ним, найдя самый сильный поток. Сосредоточившись на этом, я разыскивала человека по другую сторону, следуя за невидимым следом его сущности.

Номер в отеле превратился в офис, оформленный в оттенках бежевого. Какой-то сорокалетний мужчина сидел за письменным столом, прижимая к плечу телефоном и схватив блокнот.

— *Нет, о таком мы не договаривались,* — сказал он, что-то царапая карандашом. — *Меня не волнует, чего хочет ее адвокат... черта ради, она и так уже получила половину моих алиментов и пособие на ребенка.*

Даже, несмотря на то, что в образе настоящего все было немного туманно, слово *СУКА* в блокноте было более чем ясным. *Не стоило обманывать свою жену в мотеле,* — подумала я, разрывая связь и готовя себя к возвращению в реальность.

Максим смотрел на меня, не мигая.

— Сработало?

— Да.

Безжалостное нетерпение начало бурлить во мне. Теперь я могла начать охоту на человека, убившего Марти. Я все еще не верила, что это был Влад, но если я не права...

— Максим, спасибо, что вытащил меня из-под обломков, исцелил и привел сюда. Я обязана тебе жизнью. — Я остановилась, чтобы сделать глубокий вдох. — Но теперь ты должен уйти.

Обе золотистые брови поднялись.

— Что?

— Если за этим стоит Влад, я не смогу тебе доверять, — сказала я прямо. — Ты можешь быть влюблен в меня, но мы оба знаем, что ты не нарушишь многовековую верность из-за мимолетного увлечения.

Я ожидала многого. Но не смеха, который прозвучал, как молоток по камню.

— Ты не знаешь меня так, как думаешь, — сказал он, а затем схватил меня за правую руку. Моя сила ответила, выдергивая меня из настоящего в прошлое.

Многочисленные раны покрывали мое тело, но я ликовала. Святой Город снова был наш.

«Аллах Акбар!» — вопили голоса над нашими криками победы.

Дураки. Если бы их Бог действительно существовал, мы бы не взяли Иерусалим. Пережившие битву, в основном женщины и дети, смотрели на нас с испугом и отвращением.

Затем раздался голос моего двоюродного брата Годфри.

«Божьи люди! Уничтожьте грязь, загадившую Иерусалим. Пусть никто не выживет!»

Я застыла на месте. Солнечный свет отразился от сотен мечей, когда и другие солдаты подняли оружие. Затем мечи упали под аккомпанемент пронзительных криков.

«Повинуйся!» — призвал меня рыцарь поблизости. Он, казалось, не колебался, когда убивал тех, кто был перед ним.

«Бог хочет этого!» — голос Годфри продолжал расти, когда он присоединился к резне.

«Мы должны очистить этот город!»

Что-то помчалось ко мне. Рефлекторно я поймала это и взглянула на перепуганное лицо мальчика, в его карие глаза, пока он рыдал, моля о пощаде на своем родном языке.

Он резко просел, кровь потекла из его рта. Рыцарь рядом со мной выдернул меч из спины мальчика.

«У нас был приказ», — рявкнул он. «Не отказывайся. Этого хочет Бог!»

Безжизненное тело мальчика упало. Затем, сжав зубы, я подняла меч и направилась к живым.

Я вырвалась из ужасного воспоминания, стреляя искрами тока из рук. В какой-то момент Максим отпустил меня, — *Мудро*, — поскольку сейчас я хотела нацелить эти токи в него.

— Знаю, что ты видела, — сказал он наотмашь. — Это навсегда отпечаталось в моих кошмарах. Однажды ради верности, я совершал страшные вещи. Впоследствии вина почти меня уничтожила. Я не буду таким снова. Влад безжалостен, когда защищает свою линию, и в войне не бывает без жертв, но он никогда не убивал невинных женщин и детей. Если теперь это изменилось, я пойду против своей верности ему, но не ради тебя. Ради себя.

Я посмотрела на Максима. Я ожидала, что у него были темные грехи — как и у большинства людей, не говоря уже о многовековых вампирах — но я не ждала, что он покажет их мне.

— Как ты мог воевать в той битве и быть превращенным Владом в вампира? — спросила я в конце концов. — Разве крестовые походы закончились не за сотни лет до его

рождения?

Он натянуто улыбнулся.

— Так и было, но Рыцарство в Храме Соломона было тайным ритуалом. При этом пс время службы, как на Тайной Вечере, вместо вина пили кровь. Восьмерым тамплиерам, включая меня, нечеловеческую давали кровь, хотя мы об этом не знали. Мы думали, что наша повышенная выносливость и быстрое исцеление — от Бога.

— Вас обманом поили кровью вампира? — я презрительно фыркнула. — Меня тоже. Когда ты об этом узнал?

— Несколько столетий спустя, когда встретил Влада. По правде говоря, я испытал облегчение. Я думал, что не могу постареть, потому что Бог наказал меня за пролитую во имя Его кровь невинных.

Какая-то часть захватившего меня гнева растаяла. Сделанное Максимом было ужасно, но он жил с чувством вины дольше, чем я могла себе представить. Ему не нужны мои обвинения.

— Эм... все в порядке.

Такой расплывчатый ответ, но слишком многое произошло в последние несколько часов. Я помассировала голову, чувствуя вспышки сущности Влада под пальцами. Он оставил отпечатки на мне. Я опустила руки, не желая даже случайно связаться с ним. Он умеет читать мысли, поэтому один из немногих, кто может понять, что за ним психически шпионят. Именно так мы с ним встретились, и в том маловероятном случае, что меня пытался убить именно он, я не собиралась сообщать, что ему это не удалось.

При этой мысли глаза наполнили слезы, но я вынуждена была спрятать их. *Сначала выжить, а потом горевать*, — мрачно напомнила я себе.

— Мне нужно вернуться на карнавал, — сказала я Максиму, — и ты не можешь пойти со мной.

— Я выгляжу смешно.

Не оборачиваясь, я продолжала пробираться через сотрудников парковки, как будто была одной из них. Мы прошли мимо нескольких репортеров, смешавшись с толпой зевак. Взрыв потряс их также как и понесших тяжелую утрату.

— Ты сам настоял, что нужно заняться этим поскорее, — мой голос был таким тихим, чтобы только он мог его услышать. — По крайней мере, ты уже не похож на реинкарнацию Эрика Кровавого, а это, кстати, было бы весьма заметным, — вырвалась у меня издевка.

— И что с того?

Теперь я посмотрела на него — густые черные волосы, покрывающие каждый дюйм открытых участков кожи, ярко выделяющиеся брови, которые мы сделали с помощью клея и небольшого количества пластилина.

Учитывая кризис, я проделала хорошую работу, сделав его похожим на человека с гипертрихозом^[1], более известного как оборотень.

— Не на этом карнавале.

Моя маскировка была менее драматичной. Короткие светлые волосы, подходящие к цвету моей новой лохматой бороды, а также около двух фунтов геля, подарившего мне вдвое того, чего никогда не было от природы. Моя талия и попа тоже были дополнены, округляя фигуру до неузнаваемых пропорций. Макияж скрывал мой шрам там, где его не закрывала борода, а темные очки завершали образ инкогнито. Ну, инкогнито для карнавала. В большинстве из них была, по крайней мере, одна бородатая леди.

Судя по яростному взгляду, брошенному пузатым полицейским на нас с Максимом, мы преуспели в маскировке.

— Я же велел вашим людям не соваться сюда, — рявкнул он.

Я приподняла свою поддельную грудь повыше к краю корсета.

— Мой трейлер едва задело, — заныла я, указывая на трейлер с наименьшим количеством сажи. — Почему я не могу пройти и забрать свой кошелек? Мне нужны деньги, чтобы оплатить номер в отеле!

— Вы ведь заметили большой взрыв, правда? Как только закончим тут работать, каждый сможет забрать свои вещи. До тех пор оставайтесь со своим другом за пределами этого места. Или волчонок тоже не может себе этого позволить?

После столь едкого замечания офицер развернулся, чтобы уйти, но рычание Максима остановило его. Думаю, он серьезно отнесся к своему новому образу.

— Вы хотите, чтобы я... — начал офицер, замолкнув, когда взгляд Максима вспыхнул, гипнотизируя его.

— Пропусти нас, — сказал он тихим, звонким голосом.

Офицер заморожено кивнул.

— Конечно.

Бывали дни, когда я завидовала вампирам. Сегодня был один из таких дней.

— Хорошо, что ты пошел. Не хотелось бы ждать и рисковать, что они уничтожат следы сущности убийцы, — пробормотала я, когда мы нырнули под яркую ленту, обозначающую место преступления.

Даже под фальшивыми волосами я увидела его мрачную гримасу.

— Таков уж я, — и, вновь обратившись к офицеру, скомандовал: — Идите с нами. Если кто-нибудь спросит, мы свидетели, которых вы хотите допросить.

Учитывая всех полицейских, пожарных, сотрудников газовой компании и других служащих, бродивших тут, не прошло бы и пары минут, как нас снова бы остановили. С нашим новым эскортом мы направились к прицепу Марти.

Даже спустя несколько часов после взрыва, воздух все еще был полон густой смеси запахов газа, сожженной резины и других отвратительных вещей. Я пыталась не закричать, хотя желание было очень сильным. Таким же, как и жажда зарыдать, когда я увидела почерневшую выжженную оболочку, которая в течение долгих лет служила домом мне и Марти. Половина ее исчезла либо расплавилась от свирепости огня, либо ее разорвало на бесчисленные куски.

Осмотр разрушений ударил меня реальностью смерти Марти. Маленькая, глупая часть меня, втайне надеялась, что он выжил и просто не услышал, когда я кричала ему прошлой ночью. Эта надежда погасла также основательно, как и его жизнь в момент взрыва. Разрушения были настолько серьезны, что я сомневалась, что они смогут найти достаточно частей того, что можно было бы похоронить. Несмотря на всю решимость, теплая влажная капля скользнула по моей щеке.

— Не надо, — тихо сказал Максим. — Сейчас не время.

Я стерла упавшую слезу и расправила плечи. Он был прав. Скорбеть будем позже. Сейчас я должна была выяснить, кто погасил жизнь Марти. Но, оглядываясь вокруг, я не знала с чего начать. С большого кратера, что когда-то был прицепом Марти? Пройтись по газопроводу?

— Что вы успели найти? — спросил Максим. Я повернулась, но вопрос был задан не мне.

— Последствия пожара были потушены лишь пару часов назад, поэтому не многое, — ответил офицер монотонно.

Его светло-карие глаза были устремлены на Максима, словно были приклеены к нему.

— Пять мертвых, еще трое пропавших без вести. Газовая компания проверяет трубы. Они нашли кое-что в яме рядом с витым куском трубы...

— Покажи мне, — прервал его Максим.

Офицер начал идти к палатке, полной людей, одетых в куртки газовой компании. Я дернула Максима за рукав.

— Их там слишком много, — прошептала я.

— Вернись, — приказал Максим офицеру, который мгновенно подчинился. — Возьми предмет и встретись с нами за границей восточной части баррикады. Не говори никому, что ты делаешь.

Офицер ушел. Я последовала за Максимом за баррикаду, где было меньше всего зевак. Через десять минут пузатый офицер вернулся.

— Вот, — сказал он, доставая из-под рубашки мешок.

Его взяла я — мои громоздкие резиновые перчатки исключали любые проблемы с отпечатками пальцев. Достать их было делом, по важности следующим сразу за покупкой Максимом всего необходимого для нашей маскировки. Нахмурившись, я открыла мешок. В целлофановом пакете лежали несколько смятых кусков проволоки и что-то похожее на осколок пластика.

— И это все?

Офицер кивнул. Максим отвел меня в хижину, одиноко стоявшую в тридцати метрах оттуда. Прежде, до прошлой ночи, это место сдавалось в аренду. Теперь же оно пустовало, резкий запах химического дыма сменил запахи попкорна, сахарной ваты и аромат разных сладостей. Со вздохом я сняла правую перчатку. Я оставлю отпечатки пальцев, но у меня не было выбора. Затем я погладила кусок пластика.

Первым, что я увидела, был образ следователя, нашедшего этот осколок. Почувствовав его мысли, я узнала, что это был не пластик, а титан — материал, иногда используемый при создании бомб. После я уловила небольшой образ другого человека, копающегося в темноте, но его суть была слишком слабой. Должно быть, пожар сжег большую часть следа злоумышленника.

— Ты был прав. Это был не несчастный случай, — сказала я.

— Я так и знал, — пробормотал Максим. — Ты видела того, кто это сделал?

— Нет.

Я погладила один из проводков, разочаровавшись, когда уловила лишь образы другого следователя. Потом я прикоснулась к последнему проводку и арендованный ларек исчез.

Сжимая провода на пластике, я насвистывала, а затем воспользовалась тонкими хирургическими щипцами, завивая концы вокруг спускового крючка. Изучив сделанную работу, я закрыла оболочку устройства и откинулась назад, снимая маску. Готово. Я с гордостью смотрела на бомбу. Это была моя лучшая работа. Жаль, что никто не сможет оценить ее замысловатый дизайн, ведь большинство из них разорвет при детонации. Как того и хочет мой клиент.

Образ растворился, и я вернулась в арендованный ларек с огромным вампиром, замаскированным под оборотня. Я улыбнулась Максиму с такой холодностью, на которую не считала себя способной.

— Я знаю, кто сделал бомбу.

Его звали Адриан. Установив с ним связь два дня назад, я выяснила, где он жил. Одним из недостатков поиска людей в настоящем было присутствие в их голове. Люди не делали татуировку с адресом на своем предплечье, чтобы можно было легко определить их местонахождение. Адриан не помог мне в этом в тот первый день. Поскольку в основном он спал.

На следующее утро он пошел в местный Старбакс^[2], заказал двойной эспрессо, а затем читал новости на своем iPhone. Двадцать минут спустя Максим и я отправились в Чикаго.

Он был за рулем. Может все из-за его гребанного рыцарства или желания все контролировать, уж не знаю, но через несколько часов это перестало меня заботить. Я не спала в большинство предыдущих ночей, пытаясь определить местоположение Адриана. Мне было плевать на недостаток сна, я все равно с легкостью связывалась с кем-либо и на долгое время, хотя это и осушало меня. Я все равно предпочитала бодрствовать на тот случай, если Максим решит изменить свое мнение о приоритетах, но в какой-то момент между Атлантой и Чикаго я все же задремала.

Я плыла по белому коридору. В обоих его концах были двери — одна широкая, рядом с компьютером, за которым сидела женщина, другая такая невзрачная, практически серая. Эта вторая дверь открылась, и через нее вышел Влад. Его пальто было распахнуто, развеваясь по сторонам как черные крылья. Я задохнулась, пытаюсь спрятаться под потолком, но он, казалось, не замечал меня. Он продолжал идти по коридору, за ним спешил врач, стараясь не отставать.

Кудрявая охранница встала.

— Кто вы?

— Заткнись и открой эту дверь, — зарычал Влад.

Он уже прошел мимо меня, так что я не могла видеть, загорелись ли его глаза. Даже если этого не было, едва сдерживаемой агрессии в его голосе для женщины-охранника, наверняка, было достаточно. Она набрала несколько цифр на клавиатуре, и широкая дверь распахнулась.

Как только его догнал врач, Влад схватил того за шиворот и поднял в воздух.

— Теперь покажи мне ее тело.

Еще одно рычание вырвалось, как обещание отправить доктора в могилу. Врач кивнул, когда рука Влада разомкнулась на его шее. Влад отбросил его, и тот, как только выпрямился, поспешил внутрь комнаты, а Влад прямо за ним.

Я знала, что должна уйти, но не могла удержаться от притяжения к открытой двери. Еще не достигнув ее, я услышала металлический скрип, и затем Влад бросил сурово:

— А теперь убирайся!

Врач выбежал из комнаты, его тело задело мое, и голова прошла сквозь мои ноги. Такое бесформенное состояние должно было обеспокоить меня, но мне было до странности все равно. Если я мертва, не было уже ничего, что я могла бы сделать, чтобы изменить это. Плюс, пока у меня не было реального тела, Влад не мог узнать, что я здесь. Я проплыла мимо охранницы, которая согнулась на своем стуле, бормоча что-то похожее на молитву.

Хотя никто не мог меня видеть, я все равно лишь заглянула в комнату. Там было

несколько металлических табличек, длинные раковины с несколькими ванночками, и стена, полностью закрытая тем, что казалось квадратным стальным шкафом.

Влад стоял рядом с открытой в этой стене дверцей. Плита с черным полиэтиленовым мешком на ней была выдвинута наружу. Его голова наклонилась, темные волосы скрыли от меня выражение его лица, пока он расстегивал пакет. Когда он посмотрел на содержимое, огонь охватил его руки до плеч. Потом очень медленно, словно это стоило ему больших усилий, пламя погасло.

Теперь я поняла, где нахожусь. В морге, и, хоть я прекрасно себе представляла, что лежит в пакете, я все же должна была убедиться. Я поплыла вперед, держась ближе к потолку, и взглянула вниз.

Первым сюрпризом оказалось то, как мало в нем было. Череп, две бедренные кости и позвоночник были единственным частям тела, которые там лежали. После увиденного, я могла лишь догадываться, что осталось от тех, кто был менее обугленным. Следующим сюрпризом было видеть, как Влад касается костей. Он проследил рукой по кривому позвоночнику, длинной бедренной кости, а затем по черепу, и делал все это с такой нежностью, что, казалось, он едва их касался. Я до сих пор не могла видеть его лица, но свет пробивался сквозь его волосы настолько сильно, что я была почти уверена, что он обжигал кости с двойной силой изумруда в глазах.

Самым большим шоком для меня было услышать его вздох, — «Лейла», — пока он гладил кости. Он думал, что они мои? Но Влад ведь был в Румынии, а меня, как бы, разорвало на куски в Джорджии. Погодите-ка... Влад говорил с охранницей и тем врачом на английском. Я огляделась вокруг. Указатели тоже были на английском. Влад отправился в Джорджию, услышав о моей предполагаемой смерти?

Если это так, я хотела знать, что он чувствовал в этот момент! Удовлетворение, если он действительно стоял за подрывом газопровода? Или горе, если это был кто-то другой, и он думал, что содержимое пакета было всем, что от меня осталось?

Его голова оставалась склоненной, скрывая выражение лица. Посмотри наверх, Влад! Я тихо зарычала. Если он улыбается, поглаживая мои останки, это подтвердило бы мои самые худшие подозрения, но что делать, если на его лице горе?

Вдруг он действительно посмотрел наверх — и, казалось, он посмотрел прямо на меня. Но это по-прежнему не дало ответа на мой вопрос.

Его взгляд был настолько ярким, что выражение лица было слишком размытым.

— Лейла.

Я дернулась, но не Влад назвал мое имя. Это был голос другого мужчины, сопровождающийся жесткими толчками. Я перешла в боевую готовность, возвращаясь из морга на переднее сиденье автомобиля. Максим отпустил мое плечо, нахмурившись, прежде чем снова обратить внимание на дорогу.

— Должно быть, тебе снился какой-то сон. Ты начала дрожать.

Я в этом не сомневалась. Руки все еще тряслись, и я посмотрела вокруг автомобиля, словно ожидая, что тут волшебным образом объявится Влад. У меня бывали яркие сны и раньше, но ни один еще никогда не ощущался настолько реальным.

Я посмотрела на свои руки, радуясь, что на мне все еще перчатки. Они не только сдерживали ток, они также удерживали меня от случайного контакта с кем-либо. Не то чтобы я раньше связывалась с кем-нибудь во сне. Для связи требовалась концентрация, а сон был антитезисом концентрации.

— Ты все еще дрожишь. С тобой все в порядке?

— Да, — ответила я. — Ничего. Я даже не помню, о чем был сон.

Его приподнятые брови ясно говорили, — *ерунда*, — и красноречивее любых слов, но он не стал настаивать, и я сделала вид, что не лгала.

— Теперь, когда ты готова, свяжись с изготовителем бомбы. Мы всего лишь в часе езды от Чикаго. Если его нет дома, я хочу знать, куда он направился.

Хорошая мысль. Я вытащила мешочек, заткнутый в держатель для напитков, и сняла правую перчатку. Мы вернули офицеру пластиковый пакет с уликами, кроме одного кусочка проволоки.

Я потеряла провод, минуя первые образы и сосредотачиваясь на воспроизведении свиста Адриана, пока тот делал бомбу. Его отпечаток был таким же сильным, как и прежде, но когда я попыталась последовать по нему к его источнику, я наткнулась на кирпичную стену... небытие.

Я попробовала еще раз, концентрируюсь, пока звуки движений не отошли на уровень мягкого белого шума. Хотя я собрала все свои силы, я не смогла ничего найти по ту сторону его следа.

— Он все еще дома? — поднажал Максим.

Разочарование смешалось со странным предчувствием.

— Не знаю. Я не могу его увидеть. Либо я временно вне зоны действия связи, либо...

Мне не нужно было заканчивать фразу. Губы Максима сжались в жесткую линию. Затем он надавил на педаль газа.

Мигающие огни, лента, ограждающая место преступления, и запах дыма становились мне все более знакомыми. Мы были на парковке за квартал от оцепленной улицы, на которой жил Адриан. Хотя я и не могла разглядеть номера домов с такого расстояния, я была уверена что тот, который тушили пожарные, был домом Адриана.

— Сукин сын, — выплюнул Максим.

— Тот, кто за этим стоит, замечает следы, — ответила я, выругавшись про себя. Я сомневалась, что бомба детонировала случайно, пока Адриан с ней возился. Но я была уверена, что выглядеть все будет именно так.

Мы по-прежнему могли увидеть то, что произошло на самом деле, но нам нужно было спешить. Даже если убийца был все еще в этом районе, он не задержится здесь надолго.

— Максим, иди туда и принеси мне кость от тела.

Замешательство промелькнуло на его лице. Потом он улыбнулся. Это было последнее, что я увидела, прежде чем он умчался, напоминая мне большого энергичного льва. Меньше чем через минуту я услышала выстрел и вопль полицейской сирены. Он вернулся с обугленным куском чего-то в своей руке.

— Идем, — сказал он сразу же.

Я поморщилась от запаха горелого мяса. Если я переживу все это, я могу стать вегетарианцем. Запах, похоже, не беспокоил Максима. Когда раздалось еще больше сирен, он сунул кусок в карман и повел меня обратно в машину. Полицейские, вероятно, не видели того, что только что произошло, но судя по звукам, они знали достаточно, чтобы встревожиться.

Я села в машину, заставляя себя не дышать в закрытом пространстве, быстро заполнившемся вонью. Максим быстро набрал скорость. Через несколько минут он вытащил почерневший кусок из своего пальто и кинул его мне на колени, пробормотав:

— Вот.

Я ничего не могла с собой поделаться, я закричала. Он нажал на тормоза, в результате чего эта штука врезалась в лобовое стекло в виде восклицательного знака. Я снова вскрикнула, когда она упала назад мне на колени, размазывая по штанам сажу и рассыпая плотные грубые кусочки.

Он огляделся вокруг, одна рука на руле, в другой — большой серебряный нож.

— Что случилось?

— Что случилось? — повторила я. Дни отложенного горя и стресса сделали мой голос пронзительным. — Ты кинул на меня тлеющую часть тела, даже не предупредив, вот, что случилось!

Его бровь приподнялась.

— Но ты же попросила меня добыть ее.

— Знаю!

Расстроенная, я откинула волосы со своего лица. Лишь для того, чтобы почувствовать нечто слизкое. Взгляд на мою руку в перчатке был последний каплей. Я лишь размазала почерневшую слизь взрывателя по своей щеке.

Я отбросила часть тела в направлении Максима и вышла из машины. Когда я подбежала к ближайшему тротуару, прочь полетели мои слизкие перчатки. Затем пришел черед куртки, но, прежде чем выбросить, я скомкала ее и яростно вытерла щеку. Рубашка также была в отвратительных мазках, поэтому она тоже была сброшена, оставляя меня без ничего, кроме лифчика, джинсов и кроссовок. Я бросилась вниз по тротуару, не имея реального представления, что собираюсь делать или куда направляюсь. Все, что я знала — я не могла больше ни секунды стоять покрытой вонючей слизью пытавшегося меня убить, человека.

— Лейла!

Я проигнорировала крик, но это не имело значения. Со следующим ударом сердца Максим поймал меня, развернув к себе лицом.

— Не трогай меня, — огрызнулась я, рациональные мысли сменили инстинкты раненного животного. — Ты весь в нем!

Его пальто и рубашка оказались на земле прежде, чем я успела моргнуть. В этот час магазины вокруг были закрыты, но уличные фонари освещали каждый дюйм верхней части его тела, создавая яркий контраст. Как и у Влада, у Максима было много следов от старых шрамов, но, в отличие от Влада, грудь была гладкой. Никаких выделяющихся темных волос, лишь бледная, упругая кожа натянута мышцами, сжавшимися, когда он окружил меня своим объятием. Он не вздрогнул, когда ток стрельнул в него от прикосновения к моей оголенной плоти. Вместо этого он привлек меня ближе.

— Все в порядке, — сказал он тихо. — Теперь ты в безопасности.

Я не понимала, как мне нужно было это услышать, пока он не сказал этих слов. Вся боль, одиночество и горе, накопившиеся за последние две недели, вырвались, ища утешения, которое они никогда не смогут найти. Я не знала, он ли это наклонил свою голову или я подняла свою. Все, что я знала — это то, что он поцеловал меня, и в первый раз с тех пор, как началось это ужасное испытание, я не чувствовала себя одинокой и отверженной.

Когда его язык проскользнул мне в рот, я приветствовала его. Он целовал меня и раньше, месяц назад, и тогда я ощущала мягкое удовольствие, но никаких реальных эмоций. Но на этот раз я была так переполнена болью одиночества, что изучала его рот также тщательно, как и он мой. Не имело значения, что он был не тем человеком, которого я

любила. Все, что было важно — это то, что он здесь.

Через несколько секунд Максим отстранился.

— Мне жаль, что я плохо о тебе позаботился.

— Что? — спросила я, задыхаясь. Вампиры, возможно, и не нуждались в кислороде, но я не могла целоваться с ними без определенной платы.

Его глаза стали зелеными и напоминали светофор.

— Ты переоценила себя, сейчас ты переутомлена и эмоционально уязвима. Я не воспользуюсь этим, но если мы продолжим, Лейла, — его голос углубился, — мы прямо сейчас окажемся в ближайшем переулке, с твоими ногами, обернутыми вокруг моей талии.

Тепло должно было увеличиться от столь яркого образа. Вместо этого, меня окатило ледяным ведром стыда. *Что я наделала?* Несмотря на мои действия, я не хотела начинать всего этого с Максимом. Я хотела найти убийцу Марти, — *который, надеюсь, не окажется Владом*, — убить этого человека, а затем горевать о лучшем друге, отложив личную жизнь в сторону. Интимной связи с правой рукой моего бывшего парня в моем списке не было.

Максим, должно быть, почувствовал изменение во мне, поскольку отпустил меня, а его взгляд изменился от светящегося изумрудного к дымчато-серому.

— Я был прав, — сказал он, и сухость отравляла каждое его слово.

Я скрестила руки на груди, жалея, что выбросила куртку и рубашку.

— Извини. Это не значит, ээ...

— Прибереги слова, — перебил он решительно. Затем его голос смягчился. — Я понимаю. Тебе нужно было почувствовать что-нибудь хорошее посреди всей разрухи вокруг тебя, даже если это было всего лишь на мгновение. Это свойственно не только людям, Лейла. Вампирам тоже иногда нужно это.

Он взял свою рубашку и пальто, одарив меня единственным жестким взглядом, прежде чем отвернуться.

— Но сейчас нам нужно вернуться в машину, а затем выяснить, кто убил изготовителя бомбы.

Поиски образа, который был мне нужен, не заняли много времени. В костях человека не существовало никакого более сильного воспоминания, чем смерть, перекрывавшая все другие события. Жаль только, что картинки будут воспроизведены как кадры киноплёнки, а я буду в голове Адриана, когда к нему придет его убийца.

— Кто там? — Адриан ответил на стук, как будто не посмотрел по другую сторону двери через глазок.

— Тебе там не скучно, дорогуша? — раздался ответ.

Мои брови поползли вверх. Убийца Адриана — женщина. У нее не было акцента, лишь веселые нотки в голосе, но я все же сомневалась, что она американка.

Адриан плотно прижался к глазку, прежде чем открыл дверь. Вошла женщина в темных очках и шарфе, обмотанном вокруг головы. Хуже всего то, что я могла видеть лишь ее лицо, казавшееся размытым. Пора бы уже добавить в свое психическое видение настройку резкости.

— Чувствуй себя, как дома, — протянул Адриан, закрывая за ней дверь. — Выпьешь?

— Конечно, — промурлыкала она.

Даже сам ее тон кричал, — ОПАСНО! — как по мне, но Адриан, казалось, не замечал этого.

— Что будешь? — спросил он.

— Когда мы закончим с этим, твою кровь, — ответила она приятным голосом.

Он обернулся, вздрогнул, а когда она сняла свои очки, замер. Хотя ее лицо все еще было размытым, нечеловеческий свет ее глаз был заметен ясно. Я почти могла видеть, как волю Адриана изгнали в небытие этим гипнотическим взглядом. Если бы он не сделал бомбу, которая убила моего лучшего друга, я бы пожалела его.

— Ты удалишь все записи о нашей связи, от банковских операций до камеры наблюдения у своей двери, — скомандовала женщина.

Нет! Подумала я, но, конечно же, это не изменило действий Адриана. Он пошел к своему компьютеру, загрузил кучу файлов, а затем методично удалил. К моему великому ужасу, он даже стер резервные копии и скрытые файлы.

— Сделано, — сказал он одеревеневшим тоном, как только закончил.

Женщина сняла с себя шарф. Я уловила взмах пышных темных волос, прежде чем все снова стало размытым.

— Время выпить, дорогуша.

Затем она дернула голову Адриана в сторону и прокусила его шею. Когда образ его смерти закончился, мое разочарование усилилось.

Мне ни разу не удалось хорошенько разглядеть ее лица.

— Четыре-пять футов, весом примерно в сто двадцать фунтов, темные волосы, с легким акцентом, может быть из Уэльса, Англии, Шотландии или Ирландии.

Максим нахмурился.

— Это все что есть? Вампирша, вероятно, родом из Великобритании?

Я знала, как бесполезна была эта информация.

— Я постараюсь снова с ней связаться, разглядеть получше, если удастся.

Несмотря на мое отвращение, я во второй раз потеряла сожженный кусок, который

Максим оторвал от тела Адриана. За вспышкой света последовало ощущение качки, но когда я сосредоточилась чуть сильнее, эти образы исчезли, и я почувствовала головокружение.

— Лейла? С тобой все в порядке?

— Все хорошо. Просто немного укачало, — пробормотала я, снова пытаюсь установить связь. Через несколько минут я увидела женщину, одетую в ту же одежду, что и убийца Адриана, с такими же как у нее пышными волосами орехового цвета, так что никаких сомнений — это она. Черты ее лица были совершенно неразличимы. Крошечная голубая комната, в которой ее покачивало, казалась странной. Затем все мое внимание сосредоточилось на том, что она говорила.

«...нет, никакого риска... Я позаботилась об этом, дорогуша. Он мертв, никакого шанса, что он сможет привести к нам».

Судя по манере, она, должно быть, говорила по телефону. Я посмотрела на размытое пятно, которое было ее лицом, концентрируя свое внимание, но вместо того, чтобы проясниться, туманность лишь усилилась.

«Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, — продолжала она. — Даже если появятся подозрения, они приведут их в никуда. Все было бы так, если бы она осталась в живых, но она не опасна для нас мертвой».

Я попыталась сосредоточиться на ней еще сильнее, но от этого голова закружилась с удвоенной силой. В ушах звенело, и я почувствовала, как что-то мокрое засочилось из них.

Максим выругался. Затем машина резко повернула, завизжав, добавляя еще одну в мой список проблем.

Я никак не могла пожаловаться, единственным, что теперь видела, было большое черное пятно. *«Что не есть хорошо»*, подумала я, правда это было до того, как что-то тяжело ударило в лоб.

Я провалилась на несколько минут в небытие, пока не осознала, что задыхаюсь от дегустации медной жидкости. Я попыталась ее выплюнуть, но рука зажала рот.

— Глотай, черт возьми!

Не имея другого выбора, я поморщилась, распознав вкус. Кровь вампира. Пюре за копейку и то было бы менее отвратительным. Я открыла глаза и увидела Максима, присевшего надо мной. Мой ремень безопасности был отстегнут, и теперь я полностью лежала. По крайней мере, он сразу становился, хотя совершенно не обращал при этом внимания на дорогу.

— Фу, — высказалась я, когда он, наконец, опустил руку.

Он не выглядел обиженным, скорее посмотрел с облегчением. Лишь тогда я заметила, что его руки измазаны красным, как и перед моей рубашки. Это не могло произойти от того, что Максим заставил меня пить его кровь. В целом отсутствие пульса означает, что вампиры не особо кровоточат, даже если их порезать. Плюс сорванный руль — я явно пропустила что-то важное.

— Что случилось?

Он отбросил руль за спину и сел обратно на сиденье водителя.

— Ты начала истекать кровью из глаз, ушей и носа. Затем сердце остановилось. Мне пришлось дать свою кровь, чтобы вернуть тебя.

Услышав, как близка была к смерти, я должна была бы прийти в ужас, но чувствовала лишь усталость.

— Этот день просто ужасен.

От недоверчивого выражения лица Максима мне захотелось рассмеяться, мой ответ не мог быть еще более иррациональным, но что еще я должна была сказать? Я не могла заплакать, поскольку это ничего не исправит. И у нас не было времени на остановку для встряски от медленно наступающего меня рока, что было единственной вещью, которая звучала действительно заманчиво.

— Мне пришлось воспользоваться слишком большим количеством силы в течение довольно короткого промежутка времени, — сказала я. — Кроме того, я больше не огнеупорна, но остатки ауры Влада все еще могут возиться с моей иммунной системой. С учетом этих двух проблем, мне стоило догадаться, что тело может с этим не справиться.

Максим по-прежнему смотрел на меня, как будто не мог поверить в мое безразличие к тому, что я почти умерла. Я проигнорировала это, направляя внимание на более важные проблемы.

— Что случилось с рулем?

— Он встал у меня на пути, когда тебе потребовалась помощь, — оправдался он.

— Хорошо, — я выдавила из себя улыбку, которая в лучшем случае могла быть однобокой. — Спасибо. Жаль, но теперь нам придется достать другую машину.

Его зубы сверкнули сквозь невеселую усмешку.

— Это наименьшая из наших проблем.

Боже.

— Что может быть хуже?

Максим достал сотовый телефон и показал его мне. Он не звонил, но экран светился, показывая входящий вызов.

— Это уже третий раз, когда Влад пытается со мной связаться. Я должен ответить, или он что-нибудь заподозрит.

— Ты не...!

Максим поднял палец.

— Не дыши громко, — пробормотал он, прежде чем ответить на звонок своим коротким: — Да?

Услышав голос Влада, я замерла. Такой знакомый, со свойственной его народу ноткой, он подействовал на меня так сильно, что в течение некоторого времени я не могла дышать.

— Максим, — холодно сказал мой бывший. — Я не помешал чему-нибудь?

Серый взгляд впился в мои глаза, когда Максим ответил: — Нет, с чего бы? — таким беспечным тоном, что я моргнула.

Хороший лжеец, отметила я, *стоит запомнить на будущее.*

— Потому что это мой третий звонок, — прозвучал неумолимый ответ Влада.

— Я оставил телефон в машине, пока искал кого-нибудь перекусить, — сказал пылко Максим. — Все в порядке?

Даже если бы я не была с ним в замкнутом пространстве в пару метров, я все равно услышала бы ответ Влада.

— Нет, не все в порядке. Когда ты в последний раз видел Лейлу?

Я ничего не могла с собой поделаться, я резко и со звуком втянула воздух. Глядя на меня, Максим нахмурился, прежде чем ответить:

— На той неделе, когда высадил ее у прицепа Марти в Атланте.

От Влада так долго ничего не было слышно, что я подумала, он говорит слишком тихо, чтобы его не мог услышать не вампир.

Затем Максим спросил:

— Ты все еще тут?..

— Да.

От одного лишь этого слова, очень резкого, я вздрогнула. Что-то привело Влада в ярость. Я хотела схватить телефон и потребовать ответа, он ли пытался меня убить, но конечно же этого не сделала. Я ждала, дыша настолько неглубокими вдохами, насколько могла, несмотря на то, как билось сердце.

— Почему ты спрашиваешь о Лейле? — спросил Максим, по-прежнему отлично изображая бесхитростный тон.

Еще одна тяжелая тишина. Затем Влад ответил:

— Она мертва, — таким беспечным тоном, что мне на глаза навернулись слезы.

Даже если он не был заказчиком, его это нисколько не заботило. От апатии, услышанной в его голосе, меня разорвало в тех местах, о которых я даже не подозревала.

Должно быть, я издала какой-то звук, поскольку Максим нахмурился, прижимая палец к губам в универсальном жесте. Затем он спросил:

— Что? Как? — с таким правдоподобным шоком в голосе, что я мысленно повысила его статус хорошего лжеца до фантастического.

— Взрыв газопровода вблизи прицепа Мартина. Мне сказали, оба умерли мгновенно в результате взрыва. Я приеду в Америку сегодня вечером, чтобы вернуть останки Лейлы ее семье.

Вот дерьмо! В разгаре всего я забыла, что Гретхен и отец тоже думают, что я мертва. Я стала жестикулировать Максиму, что нужно остановить Влада, но он захлопнул рукой мой рот, от чего я хмыкнула.

— Это ужасно, — сказал он, опуская окно машины другой рукой. Шум движения скоро объединился со звуками моей борьбы, тем самым заглушая ее. Если бы он не спас мне жизнь, дважды за прошедшую неделю, я бы стянула свою перчатку и ударила его током достаточным, чтобы тот засветился, но я только одарила его злобным взором.

Ну, и еще укусила его. Он это заслужил.

— Да, трагично, — сказал Влад, теперь это прозвучало скучающе. — Встреть меня завтра в Атланте. Мы отправимся оттуда к Гретхен.

— С этим могут возникнуть проблемы, — ответил Максим, сверкая мне клыками, когда я продолжила грызть мясистую часть его руки. Я восприняла это «как прекрати, или я укушу тебя в ответ», поэтому еще раз со злостью его укусила и остановилась.

Холодность вернулась в голос Влада.

— Почему?

— Я уже говорил тебе, что хочу проверить некоторых своих людей, пока буду в Штатах. Кажется, парочка мальцов стали питаться в открытую. Мне нужно с этим разобраться.

— Конечно, — ответил Влад, словно промурлыкал. — Если ты не накажешь их за неповиновение сейчас, кто знает, как они предадут тебя в будущем?

Судя по тому, как застыло лицо Максима, он тоже думал, что этот комментарий был больше похож на предупреждение.

— Передай мои соболезнования семье Лейлы, — сказал он, делая мне знак, не издавать ни звука.

Я и не могла, так как его рука все еще зажимала мне рот, но взглядом обещала, что мы еще поговорим об этом.

— Передам, — ответил Влад.

Затем повесил трубку. Вампиры не были большими поклонниками прощаний, как стало мне известно после многих лет жизни с Марти. Только дважды проверив, что звонок завершен, Максим убрал руку от моего рта.

— Мы не можем позволить моей семье поверить в то, что я мертва, — были мои первые слова. — Это слишком жестоко.

— Что важнее? Их безопасность, или их временная скорбь? — ответил он, пригвоздив меня жестким взглядом.

— Безопасность? Они не имеют ничего общего со всем этим!

— Пока нет, — возразил он беспощадно, — но станут, если ты расскажешь им, что жива. Ты думаешь, они смогут обмануть Влада? Один вздох — и он поймет, что они лишь разыгрывают горе.

Несмотря на логичность его слов, я была сломлена. Мой отец был сильным, но я не знала, сколько сможет вынести Гретхен. Она все еще носила эмоциональный шрам от того, как нашла меня десять лет назад после неудавшейся попытки самоубийства, когда новая способность чуть было не сломала меня.

— Я все еще не думаю, что это Влад устроил взрыв. Его, возможно, и не волнует то, что я мертва, но если не обращать внимания на гордость, он был бы адским союзником, когда мы встретимся лицом к лицу с ответственным за это.

Взгляд, которым одарил меня Максим, был не столько раздраженным, сколько жалостливым.

— Он также может быть худшим врагом, если это не так, и что станет тогда с твоей семьей?

Я ударила кулаками о сиденье машины. Да знаю я. Влад будет использовать их против меня. Даже если он не стоял за этим, это сделает настоящий убийца, если узнает, что я жива. Лучшим способом защитить семью, было позволить им думать, что я мертва, и надеяться, что однажды они простят меня за этот обман. Я вздохнула.

— Они возненавидят меня за это.

— Но они будут живы, чтобы ненавидеть тебя, — возразил Максим, и это было самым главным.

Я бросила на него мрачный взгляд, когда меня осенило кое-что еще.

— Даже если Влад не несет за это ответственности, что ты собираешь делать, когда он узнает, что ты ему лгал все это время?

Судя по отрешенному выражению лица Максима, он уже об этом думал.

— Мне придется убедить его не убивать меня, — сказал он, и голос звучал так, словно он обсуждал какую-то игру.

Я закрыла глаза, пораженная внезапным иррациональным желанием помолиться. Это было легче сказать, чем сделать, и мы оба об этом знали.

Глава 12

Зеленый взгляд Максима заставил водителя отвезти нас в мотель на границе штата Индиана. Оказавшись там, я заставила себя съесть пищу, которую захватил по дороге Максим, но путешествие с частью тела убило мой аппетит. Затем я устало упала во вторую незанятую кровать.

Несмотря на то, что за прошедшие пару дней я спала всего лишь несколько часов, я не могла заснуть. Максим же, наоборот, казалось, заснул сразу же, как только голова коснулась подушки. Я взглянула на пластиковый мешочек на столе между нами. По крайней мере, он сдерживал запах от сожженного Адриана... всего, что там было. Я не могла рисковать и воспользоваться этим для того, чтобы снова связаться с вампиршей, в течение нескольких следующих дней. Мне нужны были регулярные дозы крови вампира, чтобы просто оставаться в живых. Даже тогда, когда не злоупотребляла своими способностями, и не имела дело с сохранившейся после примененного ко мне пирокинеза аурой.

Я снова обнаружила в себе зависть к вампирам с их мгновенным исцелением. Если бы я не была человеком, я могла бы сейчас отслеживать убийцу Адриана, а не ждать несколько дней. Быть ограниченной своей хрупкой смертностью было неприятно, но я отказалась от своего шанса перейти на другую сторону. Марти ушел, и Влад тоже, я была сломлена, и не было никакого другого вампира, которому я доверяла бы достаточно, чтобы тот стал для меня «отцом». Влад был прав про неразрывную связь. Я сомневалась, что когда-либо почувствую себя достаточно близкой к другому вампиру, чтобы захотеть с ним постоянной связи.

Тем не менее, немного отдыха с регулярным питанием и кровью вампира — и я восстановлюсь в достаточной мере, чтобы разыскать свою потенциальную убийцу, не рискуя при этом очередным кровоизлиянием и инфарктом. Даже если все пойдет не так, я все равно попробую еще раз через несколько дней. Красивое лицо темноволосой вампирши промелькнуло у меня в голове. Марти и Дон заслуживают того, чтобы за них отомстили, и моя семья тоже заслужила быть в безопасности. Поиск женщины — и тех, кто ее послал — стоил риска.

Я плыла внутри роскошного частного самолета, сразу узнав, где нахожусь. Собственность Влада. Он был всего в нескольких футах от меня, в черном пальто с черными брюками и черной рубашкой. В этом же наряде я видела его в морге, но сейчас он никому не угрожал. Его глаза были закрыты, волосы раскинулись по плечам, смешиваясь с темной одеждой.

Это, наверное, был еще один сон. Все было настолько реальным, и я могла сделать все, что тайно хотела в последние пару недель. Я подплыла к Владу и опустила себя вниз, оказавшись рядом, так что могла дотронуться до его лица.

Прильнув к его щеке, я почувствовала себя мертвой. Вместо касания моя рука исчезла в его лице. Но желание прикоснуться к нему было полно необходимости, которая вцеплялась в меня днем и ночью с тех пор как я ушла от него. Даже если все катилось к черту, и Влад мог оказаться тем самым человеком, я не смогла остановить себя и погладила его щеки, брови, и, наконец, губы. Часть меня ненавидела его за черствость, но остальная часть все еще скучала так сильно, что мне было больно.

— Вижу, твои способности вернулись, Лейла.

Я дернулась, убегая на другую сторону самолета. Глаза Влада все еще были закрыты, но его рот, изогнувшийся в ухмылке, ясно показывал, что мне не послышались эти слова.

— Это лишь сон, — сказала я больше себе, чем ему. — И мы на твоём самолёте, потому что ты сказал Максиму, что прилетел в Америку. Именно поэтому мое подсознание восстановило эти детали.

Видишь? Ничего страшного, успокоила я себя. Жаль, что это не могло продлиться дольше и подарить еще несколько мгновений утешения. Даже во сне Влад не мог поддержать меня.

— Так ты с Максимом, — утверждение, а не вопрос.

Я пожала плечами, хотя он и не мог этого увидеть.

— Это не твоё дело.

Пламя поползло вверх от его рук к плечам.

— О, но это так.

Он открыл глаза и сел, оглядываясь вокруг, как будто пытаюсь точно определить мое местоположение. Я помахала рукой туда и обратно — хорошо, что он ничего не мог сделать, кроме как посмотреть в мою сторону. Раньше Влад, казалось, всегда знал, где я находилась, так что то, что он не видел меня — еще одно доказательством нереальности происходящего.

— Это перестало быть твоим делом, когда ты ушел от меня без оглядки, — сказала я, смакуя возможность выпустить небольшую часть боли. Спасибо моему подсознанию!

— Я ушел? — его фырканье вышло одновременно и презрительным и элегантным. — Я предложил тебе все, но ты это отвергла. Мои враги — и те были менее беспощадными в отношении ко мне.

Я схватила его за плечи, но руки прошли насквозь. Так хотелось встряхнуть в нем некоторые мысли!

— Я беспощадная? Все, что я хотела — чтобы ты любил меня, но, по-твоему, этого было слишком много.

Его пламя погасло. Хорошо. Мне не хотелось, чтобы мой сон случайно взорвался.

— Слова, — его тон был колким. — Я разделил с тобой свой дом, свою постель и свою кровь, а также предложил тебе вечное место в моей жизни. Что значат любые слова по сравнению с этим?

Я вздохнула, мой гнев быстро угасал, как и его пламя.

— Ох, Влад, неужели ты считаешь, что сказать то, что я хочу услышать, нужно лишь затем, чтобы успокоить меня. Ты не сделал ничего, что было бы доказательством: «Я люблю тебя больше, чем все остальное».

Его брови сжались вместе, словно гроззовые облака.

— Хватит об этом. Скажи мне, где ты.

Я чуть не сказала: «Саунт-Бенд, штат Индиана», ведь что было плохого в том, что я скажу это Владу во сне? Но я остановилась. С чего это я должна удовлетворять желания Влада, даже во сне?

— Я на углу «Не ваше дело и Пошел ты».

Его кулак со стуком опустился вниз, сталкиваясь с подлокотником.

— Не испытывай меня. Ты знаешь, что взрыв газопровода не был случайным.

— А еще я знаю, кто может за этим стоять, — возразила я дерзко, хотя сама и не верила в это. Его кулаки сжимались и разжимались. Если бы это был не сон, но клянусь, я

словно почувствовала запах дыма.

— Ты не могла подумать, что это был я.

Еще одно пожатие плечами, которое он не мог увидеть.

— Максим говорит, твоя гордость могла побудить тебя к слегка опрометчивым поступкам.

Звук, вырвавшийся у Влада, был слишком громким, чтобы его можно было назвать рычанием.

— Он дважды подписал себе смертный приговор.

Даже с мнимым им невозможно было разговаривать.

— Мне нужно проснуться. Этот сон отстой.

— Ты спишь? Вот почему твой голос такой слабый, и я не могу уловить большую часть твоих мыслей?

В моей голове начали звонить колокольчики. Лучше бы моему сознанию оказаться весьма творческим.

Должно быть, он расценил мое молчание как согласие. Влад улыбнулся, выражение предчувствия сменилось на бешеное удовлетворение.

— Ты не станешь связываться со мной, когда бодрствуешь, но ты приходишь ко мне во сне. Это должно сказать тебе, кому ты в действительности доверяешь.

Я начала щипать себя за руку. Грубо. Сон или нет, но было слишком ужасно продолжать с ним говорить.

— Подумай об этом, когда проснешься, — продолжил он, и подслащенная сталь пронизывала каждое его слово. — Максим всегда хотел тебя. После этого взрыва он заставил тебя поверить, что он твой спаситель, и ты не можешь доверять больше никому. Какое счастливое совпадение, не так ли?

Проснись! Проснись! Повторяла я мысленно. Вслух же я сказала:

— Максим не мешает мне, а ты делаешь это всегда, даже когда не прилагаешь усилий.

Улыбка Влада исчезла, хотя его губы все еще были раскрыты, обнажая большие клыков, чем я когда-либо видела раньше.

— Я иду к тебе, Лейла. Если ты волнуешься о Максиме, то оставишь его, а потом сообщишь мне свое местоположение. Это даст ему шанс сбежать. В противном случае ты будешь наблюдать, как я убью его, когда догоню тебя.

Ты не посмеешь! слова задрожали на губах, но я не сказала их вслух, потому что слишком хорошо знала, что он сделает это.

— Не знаю, почему я никогда не думала, за что тебя полюбила, — пролаяла я вместо этого, страх и гнев сделали мой тон жестким.

Что-то промелькнуло на лице Влада. Будь на его месте любой другой человек, я бы сказала, что это боль. Но это было невозможно. Даже во сне я не заботила Влада настолько, чтобы могла причинить ему боль.

Это подтвердилось, когда выражение его лица снова изменилось.

— Скоро увидимся, — сказал он, взмахнув рукой, словно прогоняя меня.

Всплеск ярости поднял меня с постели и заставил сесть. Мои резкие движения поразили Максима, который поднялся с гораздо большей осторожностью. Я все еще осознавала тот факт, что сна больше нет передо мной, когда массивные руки схватили мое лицо.

— Ну вот, опять, — пробормотал он, перерезая себе запястье клыком.

— Стоп, — запротестовала я, когда он поднес кровавое запястье к моему рту, но мои попытки отмахнуться от его руки ничего не изменили.

— Глотай, — сказал он строго.

Я проклинала вампиров за их произвол все это время. Когда он отнял, наконец, руку, я оттолкнула его, но это было все равно, что мухе пытаться пробить кирпичную стену.

— Какого черта? — отрезала я.

Он щелкнул меня по носу, прежде чем показать окровавленные пальцы.

— Ты начала кровоточить. Я решил не дожидаться, пока твое сердце снова остановится.

Еще одно кровотечение из носа? Но я не использовала свои силы...

Мой взгляд метнулся вниз. Да, перчатки все еще на мне, плюс существовал фактор невозможности связаться с кем-либо во сне. Тем не менее, совпадения накапливались.

— Позвони Владу, — сказала я, охваченная почти отчаянным желанием опровергнуть это. Обе его брови взмыли вверх.

— Зачем?

— Чтобы убедиться, что он... — *не будет угрожать твоей жизни, сказав, чтобы ты передал мне трубку, или что-то в этом роде...* — что его голос не будет странным, — закончила я неубедительно.

Максим посмотрел на меня, в его лице ясно читался скепсис.

— Это важно, — сказала я, сжимая его плечо.

После очередного пронизывающего взгляда он пошел туда, где бросил пальто, и достал из кармана телефон.

— Влад, — сказал он после короткой паузы. — Извини. Я, должно быть, нечаянно набрал повторный набор последнего номера, который мне звонил...

Я ждала, затаив дыхание, ожидая услышать свое имя среди взрыва угроз. Но хотя и слышала голос Влада на линии, он говорил слишком тихо для слов, которые были бы такими ясными. Спустя минуту Максим повесил трубку и пожал плечами.

— Его голос был нормальным.

Я выпустила воздух со вздохом, который, казалось, вышел из самой души. *Это лишь сон!* трубил во всю мой разум. Независимо от того, каким он ощущался, или что у меня возникло спонтанное кровотечение из носа — если бы сон было реальным, Влад разорвал бы Максима, как только услышал его голос. Я замерла, нотки сомнения скребли позвоночник. Или же он это сделал? Влад велел мне уйти от Максима, а затем связаться с ним. Если бы Максим узнал, что вероятность моей предполагаемой смерти стала выше, он не позволил бы мне скрыться из виду. Влад также намекнул, что Максим может стоять за взрывом газопровода. Или он считает, что сможет получить от меня что-то через мою способность связываться с ним во сне?

Влад хитер до такой степени, что практически стал социопатом. Он никогда не раскроет такое преимущество, пока не окажется слишком поздно.

Конечно, у меня тоже был один козырь. Влад может и не знать, что я могу связываться во сне только с ним.

— Скажи мне, зачем я только что провернул это с моим названным отцом?

Подозрительный голос Максима прорвался сквозь мои размышления. Хотя я и не считала, что нашептывания сна с Владом реальны, мелочное сомнение все же удержало меня от правдивого ответа.

— Мне, эм, приснился сон, что его самолет разбился, — сказала я, сумев вынести его взгляд, несмотря на то, что ощущала, как на лбу загорелась неоновая вывеска «Лгунья!».

Раздалось хмыканье.

— Тебе нужно забыть о нем. Если ты этого не сделаешь, то попросту сойдешь с ума.

Сойду с ума? Подумала я мрачно. *Все признаки указывали, что давно уже сошла.*

Под промокшей одеждой мышцы кричали, но я продолжала поднимать и опускать ноги в четком равномерном темпе. Сто тридцать девять... сто сорок...

— Ты должна остановиться. Это ненормально.

Руки Максима были скрещены, красивое лицо сильно нахмурилось. Я проигнорировала его слова, продолжая поднимать ноги.

Прохладные руки охватили лодыжки, не позволяя сделать еще один заход.

— Я сказал, Лейла. Остановись.

Я посмотрела на него.

— Отпусти меня.

Его хватка лишь усилилась.

— Нет, пока ты не скажешь мне, что съела за последние несколько дней.

Смех вышел рваным от напряжения.

— Мне начать с моего лучшего друга, которого разнесло вдребезги, или перейти к той части, где ты предположил, что его убийцей может оказаться мой бывший парень?

Или, быть может, даже ты? Добавил мой противный внутренний голос.

Я старалась не обращать внимания, что голосок этот становится все громче. Максим утверждал, что не знал о моей огнестойкости, но он мог услышать об этом, пока я жила у Влада. Он помог мне найти изготовителя бомбы, но что если только потому, что знал, что Адриан мертв? С тех пор он был против продолжения поисков вампирши, опасаясь за мое здоровье. Но что если сердечного приступа не было? Что делать, если кровотечение из носа не было следствием злоупотребления силой?

— Тебя беспокоит что-то еще, — сказал Максим, отпуская мои лодыжки. Я села и стала тщательно подбирать слова.

— Упражнения помогают оставаться сильной, мне это нужно, чтобы завтра связаться с вампиршей. Я ждала уже достаточно.

Максим хмыкнул.

— В эти несколько дней ты очень напоминала мне Влада.

— То есть? — спросила я резко.

— Твоя навязчивая идея мести. Потом ты помчишься через континенты к этой вампирше, стоит только тебе ее найти.

Мысль была привлекательной, но...

— Это не просто месть. На спинах моей семьи нарисуют цели, как только убийцы выяснят, что я жива. — Затем я сменила тактику. — Кроме того, мне постоянно снятся кошмары о том, как Влад находит нас. Упражнения помогают мне нормально спать.

Все верно. Я позволила себе расслабиться прошлой ночью, и пожалела об этом, когда сон с Владом рассказал мне о его близости ко мне. Это было нереально, но я проснулась с носовым кровотечением и предчувствиями, оба из которых скрывала от Максима.

Его серый взгляд приобрел оттенок зеленого.

— Есть и другие способы успокоить тебя перед сном.

После нашего поцелуя на тротуаре он впервые завел об этом речь; довольно поджентельменски, если учесть, что мы были заперты в одной комнате в течение последних трех дней. Я собиралась быть с ним мягкой, как вдруг внутренний голос вырвался на

поверхность.

Вот он твой шанс! Сними перчатки и дотронься до него. Если на нем хоть где-нибудь есть сущность той брюнетки, то он виновен, это будет ясно как ад.

Я остановилась. *Могла ли я быть такой безжалостной?*

Ты плаваешь с акулами, отозвался мой безжалостный внутренний голос. Либо отрасти зубы, либо тебя съедят.

Взгляд Максима стал ярче. Он не знал, почему я рассматривала его предложение. Вина боролась с холодной практичностью. Максим не делал мне ничего, кроме добра, но насколько хорошо я его знала на самом деле? Впрочем, Влад знал его многие столетия, но теперь Максим действовал у него за спиной.

Лицо Марти промелькнуло в голове после лиц отца и Гретхен. Кто-то убил моего лучшего друга и мог навредить семье, чтобы заманить меня. Я не могла позволить себе быть наивно доверчивой, когда имела возможность удостовериться в этом.

Очень медленно я сняла перчатки. Глаза Максима замерцали ярче, озаряя номер мягким изумрудным блеском. Он подошел и опустил на колени, каждое движение было осторожным, словно он боялся спугнуть меня внезапным рывком.

Может и так. Сердце билось так быстро, что голова немного закружилась. Я собиралась сыграть в чувственную версию русской рулетки с почти тысячелетним и шести-с-половиной-футовым вампиром, подходившим ко мне.

Между выживанием и безрассудством была слишком тонкая грань, и прямо сейчас я не была уверена, на какую сторону упала.

Максим с медленной львиной грацией подошел еще ближе. Когда до меня оставались всего лишь несколько дюймов, он остановился и нахмурил лоб.

— Что случилось?

Чертовы вампиры и их способность расшифровывать эмоции по запаху. Я посмотрела на свои руки, а потом обратно на него. Ложь более убедительна, когда ее подают вместе с истиной.

— Я не хочу причинить тебе боль, но не хочу, и надевать перчатки обратно. — Я проглотила комок, который целиком состоял из нервозности. — Я... я хочу прикоснуться к тебе.

Низкое рычание послало холодный и одновременно обжигающий озноб по спине. Со следующим своим вздохом я уже была в его руках. Он поцеловал меня с такой силой, что на мгновение я забыла свою цель. Затем потянул меня на колени, передвигая, пока я его не оседлала.

Большая выпуклость упиралась мне между ног. Он схватил меня за бедра и стал покачивать напротив себя, отчего его длина потиралась о мое самое чувствительное место. Я ахнула, но с оттенком отчаяния. Чувствовать его было хорошо, но и... неправильно. С внезапной ясностью я осознала разницу между похотью и любовью. Если бы у меня был секс с Максимом, я наслаждалась бы им также, как поглощением китайской еды, понимая, что слишком быстро снова почувствую себя опустошенной.

Чертов Влад! Даже в объятиях другого мужчины воспоминания о бессердечном вампире мучили меня. Я оторвалась от мужчины прочь.

— Максим, остановись.

Его руки замерли, но он продолжал касаться моей шеи, жадно ее целуя.

— Что случилось?

Для начала, ты не тот мужчина, в которого я до сих пор влюблена. Кроме того, я не уверена, что могу тебе доверять.

— Я... это слишком рано.

С этими словами я опустила голову, позволив своим пальцам, словно извиняясь, поиграть с его плечами. На нем не было чужой сущности. Со вздохом я села, опуская руки вниз по его рукам. Слишком знакомая суть выскочила навстречу, заставляя меня снова тихо проклясть Влада. Он был не только на моей коже, но и на Максиме тоже.

Его руки скользнули по моим бедрам.

— Быть может, слишком рано для секса, но есть и другие вещи, которыми мы могли бы заняться.

Я остановила его руку, поймав ее своей, опущенной вниз.

— Прости. Это, ох, для этого тоже еще слишком рано.

Его разочарованный вздох заставил меня почувствовать себя виноватой. *Лгунья!* Издевалась надо мной моя совесть. Мой хитрый внутренний голос это не волновало. Он призвал меня поднять руки к Максиму в предполагаемой озабоченности, пока я искала следы компрометирующей его сущности.

— Хорошо, — усмехнулся он, — что я не старею.

Еще одна суть отпечаталась на его правой руке, но она не относилась к темноволосой вампирше или Владу. Кто бы это ни был, прикасаясь к Максиму, он или она чувствовал себя очень виноватым перед ним, но поскольку это не была женщина-убийца, это было не моего ума дело.

— Спасибо за понимание, — сказала я, прежде чем опустить руки и продолжить. — Я, ээ, думаю, что я сейчас словно попала под душ.

Мне даже не нужно было охлаждаться. В третий раз я прокляла Влада. Это несправедливо, что он единственный мужчина, способный разжечь мое сердце и тело. Где бы он ни был, я надеялась, что воспоминания обо мне все еще горели внутри и снаружи и у него тоже.

Максим тоже встал. После чего склонил голову, словно прислушиваясь — и меня уложили на пол, его большое тело заслонило меня от разбившегося стекла. Я ощущала, как сильно он содрогнулся, отчего его хватка стала болезненной, но прежде чем я успела закричать, он перешел к действиям. Он схватил несколько ножей и вскочил.

Я тоже вскочила, от двойного действия страха и адреналина на моей правой руке возросло напряжение. Влад, должно быть, нашел нас! Он точно также ворвался в гостиничный номер, когда мы встретились впервые. Я ожидала охватывающего нас огня в самое ближайшее время, но этого не происходило. Вместо этого прозвучал еще один залп выстрелов. Максим сбил меня с ног и снова заслонил собой, но на этот раз после прекращения огня не вскочил. Он упал вперед, следы агонии на лице были такими же яркими, как и кровавые отверстия по всему телу.

— Пули с жидким серебром, — прохрипел он. — Беги!

Я была в ужасе. Даже с регенеративными способностями вампира не было возможности этого избежать, и не только. Это почти парализовало Максима, он будет ощущать себя так, словно кислота прожигает все внутри него. Я столкнула его с себя, но не убежала. Я собиралась разрезать электрическим кнудом того, кто попытается выстрелить в него ядом еще раз. Я стянула перчатки, мрачно радуясь неземному свечению, наполнившему правую руку. Затем я подняла ее, позволяя рычанию вырваться из себя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Хочешь убить его, Влад? Тебе придется пройти через меня!

Это заявление встретил дразнящий смех. Дверь не открылась, она пролетела через всю комнату, приземляясь на кровати напротив. В дверном проеме появился плащ, лицо в тени, но я мельком разглядела черные волосы. Я напряглась, сердце скручивалось, даже потоки энергии, циркулирующие по руке, стали более интенсивными.

Смогу ли я убить мужчину, которого любила, чтобы защитить мужчину, которого не любила?

— Если хочешь, чтобы он остался жив, не двигайся.

Лунный свет упал на лицо в плаще, открывая мне короткие черные волосы, гладкую челюсть и широко улыбающийся рот. Это не Влад, поняла я, или кто-либо еще, кого я знала. *Кто, черт возьми, это был?* Незнакомец улыбнулся, обнажая клыки.

— У тебя есть вопросы, но у нас есть время лишь на один вопрос и ответ. Итак, он будет жить или умрет? — он кивнул на Максима, корчившегося в агонии. — Если хочешь, чтобы он умер, начни со мной драться. Ты потерпишь поражение, поскольку я пришел не один, а затем мы все равно тебя схватим и убьем его. Идем со мной по своей воле, и я позволю ему жить.

— Не слушай его, — удалось выговорить Максиму.

Я не посмотрела на него, поскольку тогда потребовалось бы отвести глаза от этого незнакомца, что стало бы ошибкой, которую я не собиралась допускать.

— С чего вдруг я должна вам поверить? — спросила я с тяжелым сарказмом.

Его глаза вспыхнули зеленым.

— Потому что я не стану уничтожать свой лучший рычаг воздействия на тебя.

Это единственное предложение говорило о многом. Кем бы он ни был, он не был глуп. Также он не был одним из людей Влада. Влад не стал бы пытаться использовать Максима в качестве рычага. Он знал, что это бессмысленно, поскольку уже и так сообщил мне, что убьет его.

Вдали зазвучали сирены. Незнакомец вздохнул.

— Время вышло, маленькая пташка. Каков твой ответ?

Моя рука зудела от перегрузки токами, бегающими по ней, но я все же медленно ее опустила. Сейчас не время. Максим выругался между рваными стонами боли. Незнакомец улыбнулся.

— Я слышал, что ты умна. Будем надеяться, что твой друг тоже.

Что-то тяжелое ударило меня в грудь. Я взглянула вниз, увидев нечто, напоминавшее дротик, торчащий из меня. К тому времени как я посмотрела на незнакомца, зрение уже стало размываться, и мои ноги ощущались так, словно их заменили на желе.

— Убедись, что ты надела перчатки, — последнее, что я услышала, прежде чем все померкло.

Когда я очнулась, я не открыла глаза и не меняла темпа дыхания. Вместо этого, я проверила свое состояние, делая вид, что все еще без сознания. Головная боль не удивляла, но кроме этого я чувствовала себя хорошо. Руки были одеты в резиновые перчатки, надежно скрывающие запястья, и связаны за спиной, чтобы ограничить мои возможности.

И само собой — неудобный кляп во рту.

Закончив с проверкой своего состояния, я перешла к обстановке вокруг. Поверхность подо мной качалась, видимо, на волнах — значит, я на лодке. Судя по звуку голосов, несколько моих похитителей были наверху, а один — со мной в комнате. Он не сказал ни слова, но после долгого проживания с вампиром я стала хорошо улавливать едва заметные звуки, которые они издавали. Так что, когда я открыла глаза, мой взгляд безошибочно нашел черноволосого вампира, вломившегося прошлой ночью в отель. Если он и был удивлен, то это выразилось, лишь в одном. Он моргнул.

— Не ожидал, что ты уже проснулась, — протянул он.

Я взглянула на свой кляп, а потом на него и подняла бровь.

Он перевел мой безмолвный знак.

— Стоит ли говорить тебе, что кричать бесполезно? — Я закатила глаза. *Это что, день любителей?* Он улыбнулся, прежде чем встать со стула. — Я так и подумал.

Вампир выглядел как мой одноклассник, но я дала бы ему не больше чем сто лет как нежити.

Действительно старые вампиры имели... некий вес во взгляде, словно прошедшие столетия оставляли в нем ощутимую тяжесть. У моего безымянного похитителя такого не было, и если мне повезет, ни у одного другого на этом корабле тоже.

Молодых вампиров легче убить.

— Воды, — попросила я, как только исчез кляп. От кляпа и наркотиков во рту так пересохло, что язык казался шерстяным носком.

Вампир исчез, а затем вернулся с банкой кока-колы. Еще лучше. Кофеин поможет моей головной боли, и возможность проследить за тем, как открывают содовую, означала, что он не сможет изменить содержимое, так что меня не опоят снова наркотиками.

Когда вампир поднес банку к моим губам, я начала жадно глотать — однозначно, из меня выйдет длинная отрыжка, когда я прекращу пить. Если уж так выйдет, что она будет направлена в лицо похитителя — ну, это будет не моя вина. Я была связана.

— Мило, — сказал он сухо.

— Я перестала заботиться о приличиях в тот момент, когда ты выстрелил в моего друга жидким серебром, — ответила я таким же тоном. — Кстати говоря, я хочу его видеть.

Рот вампира изогнулся.

— Ты не в том положении, чтобы выдвигать требования — но да, он все еще жив.

— Не хочешь отвести меня к нему — хорошо, — сказала я, быстро соображая. — Полагаю, ты знаешь, что я улавливаю психические воспоминания через прикосновение, поэтому сними перчатки и позволь коснуться тебя. Тогда я буду знать, говоришь ли ты правду.

Вампир усмехнулся, его глаза цвета торфяного мха заблестели ярко зеленым.

— Прикоснуться ко мне? Ты имеешь в виду, что хочешь воспользоваться смертоносным

электрическим кнутом, чтобы разрубить меня пополам?

Я напряглась. *Как он узнал об этом?* Помимо Влада, Максима, и нескольких охранников Влада, все, кто видел, как я пользовалась своей силой, были мертвы.

— Именно поэтому на тебе эти резиновые перчатки, — продолжил он, не смущаясь. — На всякий случай.

— Как тебя зовут? — спросила я, радуясь тому, как беспечно прозвучал вопрос.

Его широкая улыбка стала еще шире.

— Зови меня Ганнибал.

Я вернула ему улыбку.

— Хорошо, Ганнибал, что ты хочешь от меня? Использовать мои способности, чтобы найти одного из твоих врагов? Сказать, предал ли тебя кто-то? Или тебе нужно узнать прошлое предмета?

Ганнибал рассмеялся, и хотя его смех был больше похож на улыбку Доктора Зло, от него повеяло холодом. Это заставило меня почувствовать, как по телу побежали мурашки.

— Я не хочу, чтобы ты что-нибудь делала, пташка. Я лишь курьер. Я даже не знаю, кому тебя доставляю. Все, что мне известно — ты стоишь в три раза больше живой, но если ты выкинешь что-нибудь, за мертвую тоже неплохо заплатят.

На этой веселой волне Ганнибал покинул комнату. Я ничего не сказала, пытаюсь придумать, как выбраться из затруднительного положения. Я не собиралась позволить себе или Максиму быть доставленной к неизвестному злодею. Я найду выход из этой ситуации, если это не убьет меня.

Дело в том, что даже смерть меня не остановит. После всего случившегося я бы предпочла раннюю смерть в сражении, чем жизнь с еще большим сожалением, чем оно у меня уже было.

Каждые десять минут один из похитителей заходил меня проверить. Я увидела еще четыре лица в дополнение к Ганнибалу. Судя по панелям на стенах, двуспальной кровати, занавешенным окнам и размерам комнаты, тот, кто их нанял, был весьма богат. Если бы меня не привязали к перилам, я бы наслаждалась путешествием на таком хорошем судне.

Единственное окно было закрыто шторами, но судя по недостатку проникающего через них света, все еще была ночь. Если предположить, что Ганнибал сказал правду, то прошло не так уж и много времени. Озеро Мичиган было ближайшим к отелю большим водоемом, и оно было крупнее, чем многие из морей, а это может значить, что скоро подойдет время прибытия в пункт нашего назначения. Или мы могли прибыть туда за считанные минуты.

Поэтому я сосредоточилась, стараясь направить все токи в теле в правую руку. Я начала чувствовать себя похожей на шип, потому что через несколько мгновений стал формироваться разряд энергии. Он ударился о перчатки, ища малейшую трещину, чтобы высвободиться из своей сильно прорезиненной клетки.

Никакой трещины не было, но моей целью было сделать одну. Лучше быть убитой при попытке к бегству, чем покорно доставленной тому, кто хотел получить меня живой или мертвой. Я бы никогда не сдалась Ганнибалу, но он был слишком хорошо осведомлен о моих способностях, да и жизнь Максима висела на волоске.

Он, вероятно, уже мертв, зашептал мой противный внутренний голос. *Ты отдала себя ни за что!*

Мои зубы сжались вместе. Как же я ненавидела эту темную часть себя, которая постоянно предсказывала мои провалы или бесполезность. Это довело меня до попытки

самоубийства в шестнадцать лет, но уже не сможет победить сейчас. Был хоть малейший шанс или нет, я все равно это сделаю.

Я сконцентрировалась на правой руке, желая направить ток в нее. Если этот всплеск энергии будет резким и достаточно сильным, он сможет пробиться сквозь резину, и я смогу освободиться. *Давай, молча, призвала я себя. Вперед, детка, не подкачай!*

Было ли это мое воображение, или слой резины в месте, где я ощущала всплеск энергии, действительно... вздулся?

Сердце заколотилось как от волнения, так и от чрезмерного напряжения. Мне не нужно было идти к врачу, чтобы тот сказал, что накопление столь большого количества энергии опасно для здоровья. Но я все равно продолжала концентрироваться, заставляя внутренний ток в себе расти и укрепляться. Пот бисером стекал с верхней губы, зрение размылось, и все тело стало дрожать, но я продолжала фокусироваться, когда белый свет кратко осветил комнату, и я услышала «вззз!» прямо перед зловещим ударом по ногам. Я посмотрела вниз, как в приподнятом настроении, так и слегка перепуганная, увидев небольшое, но уже различимое отверстие. Хорошая новость: я прорвалась через свою перчатку. Новость плохая: я уже успела пробить дыру в корпусе корабля.

Я не слышала шагов, но отметила какие-то странные звуки, остававшиеся неизвестными. Через несколько секунд, когда в дверях появился охранник с густой бородой и длинными черными волосами, я закрыла появившееся отверстие ногой.

Конечно же, если из этого отверстия начнет бить вода, я умру.

— Ты должен выпустить меня! — импровизировала я, ударив по полу и создавая еще больше шума. — Я, эм, хочу писать!

Охранник, которого я из-за его внешности прозвала Капитаном Морганом, с отвращением покачал головой.

— Люди, — пробормотал он. Затем исчез.

Я ждала, втягивая воздух, но он не появлялся, и вода не начала подниматься под ногой.

Потом я с облегчением и безжалостной решимостью выдохнула. Еще десять минут до следующего охранника, который придет меня проверить. К тому времени я уже должна освободиться, и как только я это сделаю, я убью их всех.

К счастью, мне удалось освободиться без проделывания новых дыр в полу, но с трудом удалось успеть до появления темного пятна за дверью — следующего охранника, пришедшего меня проверить. Я проклинала свое сердце, когда услышала приближение его шагов. Мог ли охранник слышать, что я уже не привязана к перилам? Если да, то мой смертный приговор подписан. Предупреждение Ганнибала эхом отдавалось в мыслях. *За мертвую тоже хорошо заплатят...*

Нервы и страх добавили заряда к энергии на моей руке, выпускающей дождь из крошечных искр. Воздух стал плотнее, и я уловила запах озона. Охранник замер в дверях, и, прежде чем броситься вперед, пробормотал:

— Что?

Мое запястье щелкнуло, выкинув дугу разряда, словно у него была своя собственная воля. Светловолосый охранник не проронил больше ни слова, но его рот все еще двигался, когда голова ударилась о пол. Остальная его часть оставалась в вертикальном положении в течение нескольких секунд, размахивая оружием, словно пытаюсь сохранить баланс.

Я тоже перешла к действию. Страх был топливом захлестнувшего меня адреналина, действуя в качестве перемычки кабеля для моей энергии. Я выглянула в коридор, никого не увидела и сразу же решила заманить в комнату еще одного охранника, не вызывая при этом подозрений.

— Что ты делаешь? — спросила я пронзительным голосом. — Остановись! Убери от меня свои грязные руки!

Я переместилась, издавая хлопающий звук, а потом закричала, словно мне причинили боль. После этого, я издала рваный звук хныканья вперемешку с криками *«Не надо, нет, остановись!»*

Спустя несколько мгновений Ганнибал пробормотал:

— Я ведь сказал вам не повредить товар, Стивен. Трахать можно только людей в трюме вместо...

Мое запястье выстрелило, как только Ганнибал переступил порог, но он, бросив единственный взгляд на тело, захлопнул дверь обратно. Кнут коснулся его талии, а не сомкнулся на шее, однако задел его недостаточно глубоко. Он все еще стоял.

— Сука, — зарычал Ганнибал, когда что-то красное упало на пол.

Часть меня кричала в ужасе отвращения, но инстинкт выживания сделал все остальное. Ганнибал бросился на меня, и я ударила его еще одним шипящим разрядом. Этот прорвался через все его плечо, вплоть до бока, покрыв меня завесой алого, когда рывок повалил его на меня. Я оттолкнула Ганнибала. Он упал, но половина, на которой осталась его голова, повернулась ко мне. Лишь небольшая часть плоти осталась на левой части туловища, *но он все еще не был мертв?*

— Сука, — прохрипел Ганнибал.

Мои глаза сощурились. *Он еще и говорить мог?*

Я не хотела ждать, чтобы узнать, что еще мог сделать Ганнибал. Я направила еще одну волну энергии, проведя ею словно по пунктирной линии его большого Y-образного выреза, но у меня не было времени вздохнуть с облегчением. Еще больше шагов послышалось в прихожей.

— Не пригласили меня на вечеринку? — раздался веселый голос.

Я не стала дожидаться, чтобы увидеть его — эту «партию» тоже ожидала смертельная очередь. Как только шаги раздались совсем рядом, я выкинула кнут в коридор, ударяя по двойнику Капитана Моргана. Он посмотрел на меня с самым странным выражением на лице. Затем его челюсть соскользнула, падая на пол с глухим стуком, а моментом позже и тело тоже.

— Какого хрена.

Меня пронзил новый всплеск адреналина. Четвертый охранник с неверием тарашился на останки Капитана Моргана. Затем он со скоростью вампира исчез вверх по лестнице. Я побежала за ним, чувствуя, что сердце от отчаяния и перенапряжения могло лопнуть. Вампир уже был у электронного замка, набивая по кнопкам, а когда он оглянулся, кнут разрезал его по лицу, но я была слишком далеко, чтобы это его убило. Я сразу же выбросила еще один кнут, так быстро пересекая палубу, что упала. Сразу же что-то тяжелое врезалось в меня, прижимая, прежде чем меня начали колотить головой об толстое стекловолокно.

Пятый охранник вступил в бой.

Зрение расплылось, в то время как боль обжигала глаза, но если я сосредоточусь на этом, то умру. Вместо того чтобы защитить голову, что мне инстинктивно хотелось сделать, я положила правую руку на вампира, разрезая все, чего удалось коснуться.

Его вес сразу же исчез. Я поползла обратно так быстро, что чуть не вывалилась за борт, но успела вовремя ухватиться за перила. Затем я осмотрелась вокруг с неистовой решимостью уничтожить любого злоумышленника.

Никто не набрасывался на меня. Ничего вообще не двигалось. Я воспользовалась перилами, чтобы поднять себя на ноги, голова продолжала кружиться, а тошнота и качка волн словно нашли друг друга. Я сделала один шаг и споткнулась, проклиная свою неуклюжесть. Затем я посмотрела вниз... и посмотрела на то, что сделала, после чего пришлось иметь дело с последствиями ударов головой о корпус.

Я споткнулась, потому что палуба была покрыта чем-то вроде лазаньи. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы прояснить зрение.

Не лазанья. Останки вампира, который на меня прыгнул. Наверное еще один вампир потерял контроль, медленно увядая, как это делали все вампиры, когда действительно умирали. Я ударила, напавшего на меня, таким большим количеством энергии, что он взорвался.

Я разрывалась между желанием посмеяться над оказанием чрезвычайной помощи и желанием поползти обратно к перилам и упасть, пока не потеряла сознание. Я хотела убить своих похитителей и сделала это. Но не была готова в полной мере узнать о своих способностях. Как обычно, жизнь не собиралась ждать, пока я буду готова к такому, и показала, что имеется у нее в запасе.

Звуки тяжелых ударов оторвал мой взгляд от страшного зрелища вокруг. Они доносились с палубы, и к настороженности прибавилась надежда. *Может, это Максим? Или еще один охранник пытается заманить меня в такую же смертельную ловушку, которую я использовала для его приятелей?*

Я пошла по узкой лестнице, с опаской прислушиваясь к себе. Тело ослабло, но я не прекращала бороться. Плохие парни не делали перерывов, и я тоже не могла себе этого позволить.

Я не стала ползти вниз по лестнице. С таким шарканьем я не смогу подкрасться к

вампиру, который уже знает, что за этим последует. Моей единственной защитой была правая рука, а она сейчас ощущалась, как лампочка, которую разок переключи — и та сгорит. Удары продолжали доноситься из-под пола, несмотря на то, что я уже была под палубой. Мог ли этот корабль иметь еще один уровень?

Я вздрагивала при каждом покачивании и наклоне судна, ожидая, что шестой похититель набросится на меня.

Лишь вдали открытые двери узкой прихожей были заполнены телами, но я не была одинока.

Продолжающиеся звуки доказывали это.

Я дошла до конца коридора, когда удары начали вибрировать прямо под ногами. Я отпрыгнула обратно, слабая искра выстрелила из руки, прежде чем я заметила защелку в полу.

Грузовой отсек был заперт снаружи. Это исключало готовящегося к нападению шестого охранника. Раздался еще один удар. *Максим*, подумала я, падая на колени. Я вытащила засов, распахнула люк... и посмотрела внутрь.

— Пожалуйста, — пробормотала пестро-красная девушка. Глаза ее были закрыты, а рядом с было еще более окровавленное тело.

Я хотела ее вытащить, но не могла дотронуться. Даже если слить остаток энергии, токи во мне навредят ей, а она и так уже выглядела как на грани смерти. Указания Ганнибала Стивену теперь стали понятными. *Трахать можно людей в трюме вместо этой*. Я не была единственным грузом Ганнибала.

— С тобой все будет хорошо.

Ярость заставила мой голос звучать сильнее, чем я себя чувствовала. Глаза девушки распахнулись.

— Кто ты? — пробормотала она.

— Я человек, который убил всех до последнего вампира на этом судне, — сообщила я ей. После знакомства с содержимым грузового отсека я не стану отказываться от своих способностей. На самом деле я была рада, что взорвала пятого охранника вдребезги.

Она рассеянно улыбнулась, словно потерялась, и ее глаза снова закрылись. Чтобы привлечь ее внимание я загремела дверью.

— Не надо. Ты должна бодрствовать, и если там есть еще кто-то живой, тебе нужно разбудить и их тоже. Скажи мне что-нибудь.

Ее глаза открылись, их синева напоминала мне о Гретхен. Они выглядели так же, как у нее.

Мой гнев нарастал.

— Есть, — и она начала трясти ближайшее к ней тело.

— Вставай, Дженис. Помощь уже в пути.

Я встала, сосредоточенная на свежей цели. *Да, черт возьми, она у меня была*.

Затем я открыла все двери в крошечной прихожей. Две из них оказались шкафами, одна ванной комнатой и четвертая...

Я бросилась вперед. Максим лежал на полу в маленькой спальне, с клейкой лентой на губах, связанный от лодыжек до шеи чем-то вроде серебряной колючей проволоки. Она была обернута вокруг тела так туго, что шипы исчезали в коже, словно его борьба загоняла их все глубже. Попытайся я распутать провод, порезала бы пальцы, но хотя бы с кляпом помочь могла. Я сорвала кляп и стала хлопать по лицу, но он все еще не открывал глаз.

— Максим, очнись!

Без ответа. Если бы не тот факт, что вампиры, умирая, превращались в сухую шелуху, я бы поклялась, что уже слишком поздно. С мучительной медлительностью он открыл глаза.

Я уставилась на него в ужасе. Его белые волосы покрылись прожилками темно-серых линий. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что под засохшей кровью его кожа покрыта похожими полосами.

— Они не извлекли из тебя жидкое серебро, — прошептала я.

Никакого ответа от Максима. Его глаза закатились, и он вздрогнул так сильно, что сорвал проводом куски своей плоти. Марти говорил мне, что будет с вампиром, если жидкое серебро будет оставаться в нем достаточно долго. Это не убило бы Максима. Но сделает что-то похуже: мозг будет отключаться, пока он не сойдет сума, и как только он достигнет этой стадии, пути назад уже не будет. Даже если я перережу на нем колючую проволоку, настоящий яд по-прежнему будет уничтожать его изнутри.

Максим не мог помочь мне в спасении умирающих людей в грузовом отсеке. Он даже не мог спасти себя.

Я обыскала останки мертвых вампиров. Лишь у Ганнибала был мобильник, но он оказался разрезан надвое вместе со всей верхней частью его тела. Затем я провела несколько минут, бесполезно пытаясь воспользоваться системой связи судна, но я уничтожила ее вместе с вампиром, упавшим на меня. Даже если существовал номер 1-900-телефон-доверия-вампинов, у меня не было способа его набрать. Я не видела огней соседних катеров, да и того, что могла бы послать в их сторону. Двигатель сторел, как и система коммуникаций.

Мне хотелось закричать от чистейшего разочарования. Должно быть что-то, что я могла сделать.

Затем, когда логика во мне взяла верх, разочарование стало исчезать. Я могла подождать пока нас, в конце концов, вынесет к земле или на путь другого судна, но тогда будет уже слишком поздно для остальных. Однако, был один вампир, которого я могла достать без помощи технологий. И, несмотря на множество причин не желать этого, если я не хочу, чтобы Максим сошел с ума, а люди умерли, то у меня нет иного выбора. Я села на участке палубы, который не был покрыт частями тел. Прохладный ветерок развеивал волосы, я провела правой рукой по коже, найдя след знакомой сущности, и пошла по нему. В следующую секунду палуба исчезла, и я обнаружила себя смотрящей на мотель со стоянки в Саут Бенд.

Мигалки трех полицейских машин отбрасывали красное и синие свечение над разрушенной облицовкой моего бывшего гостиничного номера. Большинство окон не было, а наружные стены были покрыты пулевыми отверстиями. После всех тех выстрелов внутри, наверное, все тоже выглядело как швейцарский сыр. Затем я заметила на краю стоянки темноволосую фигуру, яростно лаявшую на румынском языке в свой мобильный телефон.

Увидеть его на месте моего похищения ничего хорошего не сулило, но если я обреку Максима и бедных людей, не воспользовавшись этим шансом, то не смогу жить с таким грузом.

— Повесь трубку, Влад, — не медля, попросила я. — Нам надо поговорить.

Улыбка мелькнула на его лице. Кладя трубку, и не говоря больше ни слова, он обернулся, словно пытаясь определить мое местоположение.

— Лейла. Где...

— Ты пришел сюда, чтобы полюбоваться делом рук своего лакея? — прервала я, перейдя в наступление. — Если это так, можешь гордиться. Ганнибал разнес это место с полным пренебрежением к жизням невинных людей, и можешь быть уверен, Максима накачали достаточным количеством жидкого серебра, чтобы он едва ли мог теперь двигаться.

Огонь охватил его руки.

— Я не имею ничего общего с этим, так что скажи мне, где ты находишься. Прямо сейчас.

Он мог бы попытаться найти меня, если поймет, что мне удалось освободиться, но, как я уже говорила Максиму, если Влад хотел меня убить, я бы ожидала, что он будет действовать менее трусливо. Однако меня по-прежнему терзал наиболее очевидный вопрос.

— Тогда почему ты здесь? И твои руки в огне, а полицейские ползают повсюду.

Словно чтобы подтвердить мою точку зрения, к нему подошел полицейский, глядя на Влада с подозрением, как и любой здравомыслящий человек.

— Вы. Что с вашими руками...

— Заткнись и уйди, — сказал Влад со вспышкой в глазах, но все же потушил пламя.

Офицер направился обратно в отель и Влад продолжил, как если бы нас не прерывали.

— Я здесь, потому что отследил мобильник Максима, но я не стою за этим нападением.

— Тогда у нас возникает другая проблема, потому что вампир, который схватил меня, знал о моих способностях то, что знали только ты и несколько твоих охранников.

Черты Влада напряглись, становясь резкими и твердыми, как алмаз.

— Да?

— Точнее не бывает. Ты не удивлен, что я жива, значит, я действительно связывалась с тобой во сне чуть раньше, не так ли?

Его руки не загорелись снова, но на некоторое время стали оранжевыми. Если огонь и пытался освободиться, то он загнал его обратно.

— Да. Возможно, для связи со мной тебе нет нужды физически дотрагиваться до чего-то потому, что мы разделили с тобой одну кровь. Может быть, поэтому твои силы стали больше, чем ты могла предполагать. В любом случае, твои «сны» были реальными.

Я вздохнула. В глубине души я всегда знала это, и даже отчаянно хотела, хоть и отрицала. Конечно, это означало, что моя сделка с ним перешла к действию.

— Обещай мне, что не убьешь Максима, и я скажу тебе все, что знаю о своем местонахождении.

Влад прорычал что-то на румынском. Я не могла перевести все, но узнала несколько ругательств.

— У нас нет времени на игры, — закончил он.

— Знаю, — парировала я. — У меня тут несколько людей, которым нужна медицинская помощь и вампир, который может сойти с ума от отравления серебром, но ты сказал, что собираешься убить Максима. Так что если ты не поклянешься именем своего отца и могилой сына, что не станешь этого делать, я не выдам, где нахожусь. О, и ты также не станешь никого пытаться, — добавила я, вспомнив обратную сторону сдержанного им обещания не убивать Марти.

Глаза Влада из медных превратились в зеленые, горя так ярко, что я поймала себя на мысли — если драконы правда существовали, то должно быть их глаза были такие же, как у него. Моей следующей мыслью было отступить, потому что когда он улыбнулся, в этом проскользнуло что-то смертоносно гениальное, такое же выражение я видела у него, прежде чем он сжег человека дотла.

— Могилой своего отца и сына, я, Владислав Дракула, клянусь не мучить и не убивать Россала де-Пайна, мужчину, которого ты называешь Максимом. — Он остановился на мгновение, как будто давая этим словам утонуть внутри себя. — Теперь, Лейла. Где ты?

Влад был печально известен своей честностью, но эта улыбка заставила меня почувствовать, что я что-то упустила из виду. Тем не менее, я сделала все, что могла, и Влад был единственным шансом Максима, как и тех людей.

— Я на судне, и так как недолго была без сознания, мы должно быть на озере Мичиган...

Солнце взошло три часа назад, но я до сих пор не видела другого судна. В некотором смысле это было хорошо. Я никогда не смогла бы объяснить беспорядок на палубе береговой охране, и еще это означало, что босс Ганнибала пока не обнаружил, что его «посылка» убила всех его мальчиков.

Я была под палубой, чередуя проверки Максима и усиленную помощь критически осуженным жертвам. Она не шла дальше спуска им одеял, клейкой ленты и ткани для бинтов, а также чашек с водой для тех, кто был в сознании. Я бы попыталась помочь Максиму, дав ему немного крови, но в последний раз, когда я была рядом с ним, только быстрый скачок назад спас меня от откусывания им кусочка от моей ноги. То ли боль заставила его инстинктивно напасть, то ли безумие стало брать свое.

Я обнаружила, что стала молиться всем, кто мог меня услышать, лишь бы помощь не пришла слишком поздно.

Я направлялась обратно в трюм, когда вдруг не смогла пошевелиться. словно невидимые массивные руки сжали меня с ног до головы, перекрывая дыхание так мгновенно, будто меня заморозили на месте.

Паника, охватившая меня, заставила мысленно закричать, но я не могла даже дернуться или выдохнуть. Я даже почувствовала, как энергия во мне замерла.

Жужжание нарастало в моих ушах, становясь все громче, растягивая секунды. Затем, также внезапно, как появилось, это страшное ощущение сдавливания исчезло. Я упала вперед, втягивая огромный глоток воздуха. Мне пришлось несколько раз моргнуть, чтобы прогнать слезы и черные пятна с глаз. Как только я снова смогла видеть, я взглянула наверх и застыла — на этот раз по другой причине.

Влад навис надо мной, его темные волосы дико спутались, густая щетина окрасилась громовой смесью ярости и триумфа. Штаны и рубашка промокли, их светло-голубой цвет сделал его почти видимым — до конца. Я моргнула, соображая, не потеряла ли сознание, даже не поняв этого.

Слабая улыбка скривила его рот.

— Я реален, Лейла. Понимаешь?

Он схватил меня за руки и поднял. Ноги дрожали, но я встала и, с кусками разорванной резины, все еще болтающимися на руках, коснулась его голого запястья. Тепло опалило мне плоть в тот же момент, когда моя энергия зацепала его.

О, да, он определенно был реальным.

Единственная мысль в моей голове в этот момент была, *он выглядит даже лучше, чем я запомнила*, и это было последнее, что я хотела, чтобы понял Влад. Но это уже не имело значения. Его широкая улыбка ясно говорила, что он все услышал. Я отпустила его, хватаясь за более важную тему.

— Что только что произошло? Я не могла двигаться.

— Менчерес со мной, — сказал он вместо объяснения.

Мои брови поднялись.

— И?

Он отпустил меня с одной стороны, подхватив с другой.

— Пойдем.

Я последовала за Владом по узкому проходу. Как только мы оказались наверху, я увидела египетского вампира, такого же мокрого, рассматривающего останки моего похитителя с отстраненным восхищением. Затем Менчерес, казалось, притушил свой взгляд

на фоне яркого полуденного солнца.

— Приношу извинения за использование моей силы на тебе, Лейла. Мы решили, что необходимо обездвигнуть все судно на случай, если некоторые из похитителей выжили.

Ты думаешь, я не заметила бы, если бы кто-то еще пытался меня убить? подумала я саркастически.

— Он мог выпрыгнуть за борт и ждать, чтобы застать тебя врасплох, — ответил Менчерес, напоминая мне, что Влад не единственный читатель мыслей на борту. — Вот почему мы плыли последние несколько миль. Менее заметно, когда мы под водой.

— Так это ты причина того, что я чувствовала себя, словно заключена в невидимый карбонит? — вампир пожал плечами.

— Я могу контролировать вещи на свое усмотрение, — сказал он тоном, давшим понять, что это не было большим делом.

С такой невероятной способностью у Влада и Менчереса на миссию спасения ушло бы немного времени. Как и на нападение.

Рычание заставило меня взглянуть наверх. Выражение лица Влада было закрытым, напоминая мне, что у нас не счастливое воссоединение.

— Спасибо обоим, что пришли, — сказала я, перейдя на деловой тон. — Раненые находятся в грузовом отсеке, а Максим в одной из комнат ниже.

От Влада послышался еще один зловеющий звук.

— Знаю. Я почувствовал его запах.

— Людям нужна кровь для исцеления, — сказала я, игнорируя это. — И Максиму необходимо, чтобы из него извлекли серебро. Он уже демонстрирует признаки... психической нестабильности.

С этими словами я направились вниз, убедившись, что пока иду — пою первое, что пришло в голову. Быть рядом с Владом оказалось гораздо труднее, чем видеть его во сне. Я с безжалостной интенсивностью пыталась подавить всплески каждой эмоции, и это его влияние лишь на мое сердце. Руки все еще дрожали от краткого контакта с его кожей, и если его промокшая одежда не примет свою нормальную форму, то для любого вампира на расстоянии его обоняния я вскоре начну пахнуть, как шлюха.

Он скоро уйдет, утешала я себя. Затем я смогу вернуться к похоронам этих предательских эмоций, занявшись охотой на убийцу Марти. Ганнибал сказал, что не знал, кто его нанял, но поиск по воспоминаниям на его костях покажет, лгал ли он мне.

Я вошла в комнату Максима, не думая об этом. Он лежал точно так же, как и раньше, с лишь одной заметной разницей. Глаза были открыты, под ними, словно отвратительные вены, образовались серебряные полосы, и они тянулись вдоль всего его плеча.

Я обернулась. Влад стоял в дверях позади меня. Он смотрел на Максима, его лицо было ледяным и невыразительным. Затем, почти беспечно, он извлек нож.

Глаза Максима дрогнули, закрываясь либо от бессилия, либо для принятия неизбежного. Даже не нуждаясь в моей концентрации, энергетический кнут выстрелил из рук.

— Ты обещал!

Влад взглянул на светящиеся нити, и его глаза стали зелеными.

— Ты угрожаешь мне?

Его голос был масляно-гладким и смертельно опасным. Мои кишки скрутило от смешанных чувств страха и решимости. Он мог сжечь меня до смерти прежде, чем я щелкну

кнутом, но я не собиралась отступать.

— Да, если ты собираешься нарушить слово.

Мои запястья внезапно схватили в железные тиски. Любой другой вампир уже был бы нокаутирован и отброшен при прикосновении к моей правой руке, когда та полностью заряжена, но Влад поглощал напряжение как простое статическое электричество. Затем он наклонился, убирая мои волосы свободной рукой. Той, в которой все еще держал нож.

— Я говорил тебе раньше — мне не нравится, когда меня называют лжецом. — Дыхание его слов напротив моей шеи ощущалось, как мягчайшие удары. — Но более важно, что если бы я решил взять слово назад, ты бы не смогла меня остановить.

Также ослепительно быстро он встал на колени перед Максимом, с жесткой эффективностью рассекая колючую проволоку. Энергетический кнут, вызванный мной, свернулся калачиком и исчез в руке, словно черепаха, ищущая убежище внутри панциря.

Нет, он доказал, что я не могу остановить его, даже если его пирокинез будет исключен из уравнения. В тот момент я ощутила, кем на самом деле была: женщиной, которая пробивает себе путь по головам среди существ вокруг. Мгновенно меня переполнило одиночество. Я не принадлежала миру вампиров, но, благодаря своим собственным странностям, не вписывалась и в человеческий.

Я повернулась на пятках и вышла из комнаты. Я не могла ничего сделать с тем, что я изгой в любом существующем обществе, но я могла, по крайней мере, дать знать перепуганным выжившим, что помощь, наконец, прибыла.

Менчерес и Влад стояли близко друг к другу и разговаривали слишком тихо, лишая меня возможности подслушать. Тем не менее, они прервались, как только я вернулась на палубу.

Усталость помогла мне сдержать фыркание. *Они что, даже не попытаются быть более вежливыми?*

— Мой человек скоро прибудет сюда, чтобы отвезти нас, — заявил Менчерес.

Хорошо. Я снова проверила Максима, потому что он был в худшей форме, чем люди, которые мне что-то сейчас говорили.

— Просто сообщите об их состоянии, когда позаботитесь о них, — сказала я, пробегая взглядом по мертвым телам. Я не обращала на них внимания, пока искала мобильный, но судя по всему, лишь у немногих из них были деньги. Мне нужно было выйти на след в моей охоте на вампиршу.

— Нет необходимости с ними расставаться. Ты пойдешь со мной.

Недоверие подняло мою голову вверх. Влад одарил меня улыбкой, очаровательной и грубой одновременно, а выражение его лица почти просило с ним поспорить.

Я приняла этот вызов.

— Я не пойду с тобой, поскольку мои проблемы больше тебя не касаются. — Лед был теплее, чем мой голос. — Так что благодарю за высокомерное предположение, но спасибо, нет.

— Но они меня касаются, — ответил он, и его тон был приятным настолько же, насколько мой холодным. — Если я ничего не сделаю, когда кто-то пытался взорвать, а затем похитить мою бывшую любовницу, враги подумают, что я слаб, и нападут на мой народ.

— Я не одна из твоих людей, и мне не нужна твоя защита, что доказывают все эти тела на судне.

Очаровательная улыбка так и не сошла с лица Влада. Я напряглась, вспомнив, что когда улыбался, он был более опасным.

— Как пожелаешь, — он взглянул на дверь, ведущую в грузовой отсек. — Их сердцебиение слабое, и они не проживут достаточно долго, чтобы успеть доставить их в больницу. Жаль.

Сжатые кулаки были единственным признаком охватившего меня бешенства.

— Ты обещал их исцелить.

— Нет, — мгновенно ответил он. — Ты взяла с меня клятву, что я не убью, и не буду пытаться Максима, но ты не просила за них. Их доставка в больницу бесплатна, но моя кровь имеет свою цену.

Я не думала, что стоило просить и за них, поскольку Влада, как правило, не нужно было упрашивать помочь невинным жертвам. Но, судя по выражению лица, он не станет делать больше, чем их доставка в больницу, если я не пойду с ним, а может быть и этого будет недостаточно. Только кровь вампира могла гарантировать их выживание.

Я взглянула на Менчереса, но другой вампир отвернулся, увлекшись волнами, ласкающими судно. *В самом деле?* Подумала я с отвращением.

Его косое пожатие плечом было мне ответом. Я не получу от него никакой помощи. Я снова обнаружила, как проклинаяю ограничения своей человечности. Влад загнал меня в

угол, и мы оба это знали.

— Исцели их и убедись, что они будут в безопасности, и я пойду с тобой, — сказала я, сжимая челюсть так плотно, что едва могла говорить.

Его зубы сверкнули как-то уж слишком дико, чтобы это можно было назвать улыбкой.

— Мудрый выбор.

Наверное, нет, но поскольку я не хотела собственноручно убивать тех людей, у меня не было какого-то другого выбора.

Я устала с вертолета на судно. Мы поднялись достаточно высоко, так что вода уже не была белой, ударяясь о роторы. Влад сел впереди с Менчересом, а я села сзади с людьми, пытаясь убедить их не плакать, и что эти вампиры их не съедят.

Мои попытки принести комфорт были прерваны, когда жуткий синий свет озарил все судно. В течение нескольких секунд я не могла понять, что это было. Затем вспышка света привлекла мое внимание к Владу. Он сидел, как будто полностью расслабившись, полуулыбка изгибала рот, но руки его были охвачены пламенем.

Мой взгляд вернулся обратно к судну. Теперь я знала, чем был этот синий свет. Огнем. Влад ни разу не напрягся, даже когда судно взорвалось с захватывающим — бум!.. — которое сотрясло вертолет и разлетелось над озером горящим облаком.

— Теперь можем лететь, — сказал он пилоту, мускулисту светловолосому вампиру, которого Менчерес представил как Горгона.

Я закрыла рот с различимым шлепком. Влад не стал устраивать уничтожение судна взрывчаткой. Он разрушил его своей силой, и, хотя я и видела раньше, как он сжигал людей на смерть, я не знала полной меры его способностей. С тем, что он сейчас с высоты в сорок футов мгновенно сделал из судна римскую свечу, — я полагала, мне стоило быть польщенной, что он не смеялся, когда я угрожала ему чуть раньше. Взрыв судна был столь же разрушительным, как и газовой линии.

— Черт, — выругалась я, когда кое-что пришло мне в голову. — Мы не захватили с собой костей этих вампиров.

Я также потеряла и обугленную часть тела Адриана. Не то чтобы Ганнибал взял ее с нами, даже если бы я его попросила. Похитители заведомо отказывались от сотрудничества.

— Они были наемниками, сомневаюсь, что их кости могли содержать что-либо полезное, — заявил Влад. Он не попросил объяснить подтекст моей мысли об Адриане. Он, должно быть, понял, зачем Максим и я возили с собой часть тела.

— Я взорвал судно, чтобы скрыть свидетельство того, что ты сделала, и чтобы отправить сообщение тому, кто нанял Ганнибала, что теперь ему придется иметь дело со мной. Или тобой, — добавил он задумчиво.

Он, должно быть, прочитал что-то в моих мыслях. Затем Максим издал протяжный стон, обращая мое внимание на себя.

— Почему ты не начал извлекать из него серебро?

Улыбка Влада осталась, но черты лица затвердели.

— Это потребует обширных порезов. Если я это сделаю, то буду виновен в его пытках. Горгон управляет вертолетом, и даже если Менчерес удержит его, у тебя нет опыта, чтобы удалить все должным образом.

Я сплотилась. Несмотря на то, что я ненавидела мысль о продолжении страданий Максима, я не хотела освободить Влада от клятвы не мучить его. Тогда придется подождать.

— Куда мы летим? — *Пожалуйста, не говори, что обратно в твой замок, пожалуйста, не говори обратно в замок...*

— Отлично, — отблески изумруда проявились в его глазах цвета полированной меди. — Я не стану этого говорить.

Уже во второй раз за десять минут из моих уст вылетело слово «дерьмо». Влад лишь усмехнулся, этот звук был таким же заманчивым и беспощадным, как и сам этот мужчина.

Менчерес и его жена Кира жили недалеко от Чикаго, что объясняло, как он так быстро встретился с Владом. Мы зашли в его дом первыми, что я сделала по нескольким причинам. Во-первых, несколько людей Менчереса сразу же принялись работать над Максимом. Во-вторых, я хотела принять душ и сменить негабаритный гидрокостюм, который одел на меня Ганнибал, на то, что Кира любезно одолжит из своих нарядов, и, судя по величию их дома, она не станет спешить с требованием, вернуть их обратно.

Едва я успела одеться, как пришло время уходить. Горгон отвез нас с Владом в соседний частный аэропорт, где для нас был приготовлен самолет Влада. Максим... Ну, Влад сдержал свое слово, но он, очевидно, не простит его. Я даже не получила шанса попрощаться, но если бы я стала на этом настаивать, то сделала бы только хуже. Я не хотела быть причиной раскола между ними, но, тем не менее, и так была ею.

И только когда мы сели в гладкий Лирджет Влада, полный вес обстоятельств навалился на меня. Второй раз в своей жизни я попадала к Владу, поскольку некий неизвестный пытался использовать меня или убить, в любом порядке, как уж получится. И Влад защищал меня лишь потому, что это было в его интересах. Кстати о дежавю.

Когда он сел и протянул руку, как он это делал при моем первом перелете в Румынию, что-то внутри меня оборвалось.

— Нет.

Его брови поднялись.

— Ты предпочитаешь случайно вызвать короткое замыкание электроники самолета? Не будь ребенком, ты знаешь, что либо так, либо перчатки, а у тебя их нет.

— Мне все равно. — К моему ужасу, слезы навернулись на глаза, но я потратила все силы, чтобы освободиться, а затем убить похитителей, так что у меня не было сил с ними бороться. — За прошедший месяц меня отвергли, взорвали, обстреляли, накачали наркотиками и похитили, но я лучше пройду через все это снова, чем возьму тебя за руку, делая вид... что все то, что произошло между нами, не имеет значения. — Мой голос сорвался. — Может быть, для тебя это и так, но мне больно даже быть рядом с тобой, и я не могу притворяться, что касаться тебя не будет в тысячу раз хуже.

Когда я вытерла предательские слезы, я приготовилась к издевательствам. Или к еще одному хладнокровному практическому наставлению о моем состоянии, о необходимости этого действия, но Влад ничего не сказал. Он смотрел на меня, выражение его лица медленно изменялось от циничного до почти патологически заботливого.

— Я тоже не хочу прикасаться к тебе.

Слова ударили меня, как пощечина, но прежде чем я успела ответить, он продолжил.

— Я не хочу чувствовать, как ты это делаешь, поскольку каждый раз, когда твоя рука касается моей кожи, это становится жестоким напоминанием о том, что я потерял. Я могу лишь стоять и смотреть на тебя, поскольку ты намного красивее, чем я позволял себе вспомнить. А когда я резал проволоку на Максиме и почувствовал твой запах по всему его телу, я возжелал убить его так сильно, как никого раньше в своей жизни, но не мог сделать

этого из-за клятвы тебе. — Его голос стал жестким. — Теперь сядь и возьми меня за руку, Лейла. Летчик ждет моей команды, чтобы взлететь.

Слезы медленно продолжали стекать по щекам, но на этот раз по другой причине.

— Тебе не все равно.

Эти слова прошелестели как отчаянного рода чудо. Он не хотел клясться мне в любви, это очевидно, но я была не права по поводу его апатии, которую, как я думала, он ко мне чувствовал. То, что он признал все выше сказанное, было достаточно удивительным, но то, что он сделал это в пределах слышимости своих пилотов, было не менее шокирующим.

Влад хмыкнул.

— Не волнуйся на счет этого. Я намерен убить их, как только мы коснемся земли.

Я рассмеялась, что считала невозможным пять минут назад.

— Нет, ты этого не сделаешь.

— Сделаю, если они повторят услышанное.

Я поверила ему, и хотя он только что подчеркнул все причины, почему мне стоит бежать от этого смертельно высокомерного и безумно сложного мужчины, я все же села и взяла его за руку. Я могла притворяться, что у меня нет выбора, но это было бы ложью. Он мог послать одного из пилотов за перчатками. Черт возьми, да он мог послать, чтобы кто-то сделал это, еще когда мы приехали к Менчересу. Впрочем, я и сама могла принести с собой резиновый костюм, в который меня одели похитители, хотя, похоже, эта сложность не была для меня неожиданной. Но ни один из нас ничего не сделал. Наверное в глубине души мы оба хотели этого, и неважно, насколько это было больно.

Его руки сжали мои, и ток потек в него, словно тоже скучал по нему. Я встретила с ним взглядом, и что-то еще вспыхнуло между нами, не материальное, как энергия, бегущая из моей плоти в его, но такое же реальное. Я едва заметила его команду пилоту взлетать, раздавшийся грохот двигателей не мог сравниться с моим сердцебиением, когда он откинул мои волосы назад, чтобы погладить лицо.

— Тебе никогда не стоило оставлять меня.

Я протянула руку, проследив пальцами края его челюсти, прежде чем подняться выше к гладкой скуле.

— А ты не должен был меня отпускать.

Его губы скривились в нечто, бывшее не совсем улыбкой.

— На самом деле ты не хочешь, чтобы я тебя любил, Лейла.

Я выдала мягкую издевку.

— Вот как ты себя успокаиваешь?

— Я знаю это, — сказал он, капелька гнева окрасила его тон.

— Помнишь сон, который постоянно мне снился? — прошептала я. — Тот, с водопадом огня? Я наконец выяснила, чей голос предупреждал меня, чтобы я уходила. Это был мой голос, и твоё пламя, которое я не могла поймать, и не важно, как сильно старалась. Вот почему мне пришлось уйти, Влад. Если бы я осталась, твой отказ даже рассмотреть вероятность меня полюбить, меня бы окончательно уничтожил.

Я закрыла глаза, приложив палец к его губам, когда он приоткрыл их, собираясь ответить.

— Я не хочу спорить. Прямо сейчас я хочу сделать то, что пыталась, когда сон принес меня сюда несколько дней назад.

С этими словами я положила голову на стиб его плеча, кладя другую руку на его грудь.

Он напрягся, но не сдвинулся, чтобы меня оттолкнуть.

— Это то, что ты пыталась сделать, когда пришла ко мне в тот вечер? — его голос был грубым.

Я кивнула, интересуясь, был ли он зол. Правда, это было нарушением его личного пространства, а Влад был придирчив к людям, касавшимся его, но, в свою защиту, я думала, что сплю...

Его свободная рука обхватила меня и крепко обняла. Затем что-то коснулось верхушки головы, слишком ненадолго, чтобы я могла сказать, был ли это его подбородок или губы. Где-то глубоко внутри меня скрученный узел боли начал ослабляться.

Мне сразу же захотелось лететь в Румынию чуточку больше, чем двенадцать часов назад.

Либо препараты Ганнибала имели длительный эффект либо я даже не догадывалась насколько была истощена.

Как бы там ни было, все закончилось тем, что я проспала почти весь полет. Когда я проснулась, Влад вернулся к своей обычной отчужденности, что было к лучшему, сказала я себе. Ничего не изменилось, кроме осознания, что я была не единственной, кто был расстроен нашим расставанием, но это, ни придало успокаивающего комфорта, ни моей гордости, ни моему все еще израненному сердцу. Мы провели последние пару часов в напряженной тишине. Как только мы приземлились и пересели в машину, я с нетерпением ожидала приезда к его дому, чтобы можно было проложить между нами некоторую дистанцию.

Конечно же, как и все мои желания, когда оно сбылось, все оказалось увенчано вонючей бомбой, вместо вишни.

Я видела его дом множество раз, но когда мы подъехали, и я вышла из машины, мое дыхание снова замерло. Четыре века истории из блестящего белого и серого камня возвышались надо мной, выглядя еще более внушительно с треугольными башнями с каждого угла. Богато украшенная резьба украшала каждый столб, балкон, и наружные окна, в то время как каменные горгульи дежурили на вершине парящей башни. Лимузин мог бы проехать в дом через дверь высотой в пятнадцать футов и шириной в двенадцать футов с этими древними на вид молотками-драконами, не то, что в них была необходимость. Как только наша машина остановилась, двери широко открылись и оставались открытыми, так как с каждой стороны появилось по охраннику.

Я стала любоваться всеми зелеными деревьями, когда миниатюрная девушка с черными волосами до плеч начала спускаться по лестнице.

— Гретхен, — сказала я, и удивлено, и радостно от того, что увидела свою сестру. — Что ты делаешь у не...?

Мой вопрос был отрезан звонкой пощечиной. Ошеломленная, я уставилась на нее, прижимая руку к щеке.

— Как ты могла? — закричала она. — Позволить нам думать, что ты умерла! Папа и я планировали твои поганые похороны, когда он, — она дико кивнула на Влада, — появился, сообщая, что ты жива, и мы должны поехать с ним сюда для собственной же безопасности! Ты даже ни разу не позвонила, и никто нам не говорил ничего, пока десять минут назад нам не сказали, что ты скоро будешь здесь!

— Папа тоже здесь?

— Да, я здесь, — раздался стальной голос позади Гретхен.

Я сглотнула, ощущая себя так, словно время перемоталось и вернуло меня в детство, когда я ожидала наказания. Худощавый мужчина с седоватыми волосами появился в дверях, он был все таким же, несмотря на то, что он еще больше опирался на свою трость, чем тогда, когда я его видела в прошлый раз.

— Ты сдержал свое слово, — сказал мой отец, но он не смотрел на меня. Он смотрел на Влада.

— Я всегда держу свое слово, — ответил он, проходя мимо моего отца и входя в главный зал дома.

— Что ты можешь сказать в свое оправдание? — потребовала Гретхен, демонстративно повернувшись ко мне спиной.

Я открыла рот... и ничего не сказала. *Что я могла сказать?* То, что я не сказала им, что жива, потому что боялась, что Влад мог использовать их против меня, что он мог стоять за взрывом? Тогда это казалось жизни необходимым, но не сейчас, учитывая то, что Влад вместо этого доставил их в безопасное место.

Вина ударила меня сильнее, чем пощечина сестры минуту назад. Я не просто позволила поверить своей семье, что мертва. Я также чуть не позволила поверить в это Владу, и в то время как Максим зародил во мне сомнения на счет него, он убедился, чтобы моя семья была в безопасности, пока сам он искал меня.

Слово жаль даже слегка не могло покрыть всего этого.

— Я не хотела тебя обидеть, — было тем, что я сказала, и это прозвучало так неадекватно, как и было на самом деле.

Гретхен одарила меня испепеляющим взглядом. Затем она развернулась на каблуках и затопала прочь. Спустя несколько мгновений, я подумала, что услышала, как захлопнулась дверь.

Мы остались с отцом и двумя вампирами, которые продолжали удерживать массивные передние двери открытыми с все тем же выражением на лице. Хью Далтон одарил меня долгим бессловесным взглядом, а затем он вздохнул.

— Влад сказал, что ты, вероятно, думала, что защитишь нас этим обманом. Это так?

— Да, — сразу же вылетело из моего горла. Он знал и то, зачем я это сделала. Я не могла почувствовать себя еще более стыдно.

— Хорошо, — мой отец одарил меня холодной улыбкой. — Я бы сказал больше, но думаю, пощечина Гретхен покрыла все это. Попробуй в следующий раз принимать более верные решения, ладно?

Я сглотнула, сожалея о многих вещах, я даже не знала, с чего начать свои взаимные обвинения к себе же самой.

— Постараюсь.

Вампир по имени Оскар сопровождал меня в ту же комнату, где я останавливалась прежде до того, как начала встречаться с Владом. На втором этаже, на два уровня ниже комнаты Влада. Вид кружева кровати с балдахинном, мраморного камина, огромного антикварного шкафа и стен цвета индиго не должен был быть столь угнетающим, но это было так.

Несколько месяцев назад, я назвала ее Голубой Комнатой из-за ее цветов и психического образа, который я видела о плакавшей женщине, останавливавшейся здесь до меня. Ее проблемы в отношениях были решены, как я узнала после встречи с ней самой и ее мужем. Мои же были непоправимыми.

Сейчас было десять утра, по румынскому времени, но если перевести это время на вампирский Гринвич, то была практически середина ночи. Поэтому я не стала предпринимать никаких попыток поговорить с Владом. Я, возможно, и спала весь перелет, но он мог и не спать все это время, следя за тем, чтобы моя рука не устроила короткого замыкания.

Кроме того, я не была уверена в том, что собиралась ему сказать.

Я приняла душ и переоделась в одежду, которую выбрала из упакованного гардероба, не удивляясь, что она была моего размера. Дом Влада всегда был снабжен всеми удобствами.

Затем я спустилась на первый этаж, проходя мимо нескольких великолепных комнат в поисках одной в дальнем восточном углу.

Оказавшись на кухне, я была рада увидеть знакомые лица.

— Привет, Иша, — поздоровалась я с пухлой седой женщиной, которая была одной из нескольких поваров в доме. Охранники Влада были вампирами, также как и все его люди, но он делал все, чтобы их человеческие доноры крови, жившие здесь, всегда ели как короли. Так же как и его гости. Я могла бы заказать обслуживание в комнату, но мне не хотелось важничать.

Иша прекратила резать.

— Мисс Далтон, — ответила она с сильным румынским акцентом. — Чем я могу вам помочь?

Я моргнула. Прежде она называла меня «Лейла», и, может это мое воображение, или она действительно смотрела на меня с учтивостью?

— Не обращай на меня внимания. Я пришла, лишь взять несколько фруктов и сыр.

Иша встала перед огромным холодильником, прежде чем я успела сделать и два шага по кухне.

— Мисс Далтон, прошу вас, скажите, где вы хотите позавтракать, и я буду рада отправить вам все туда.

Теперь я посмотрела на нее с недоверием. Я не могла сосчитать, сколько раз я помогала ей, когда жила здесь, обычно ведя приятную беседу с Ишой или одним из других поваров.

— Не беда, я возьму сама, — попробовала я еще раз.

Взгляд Иши сузился, даже когда она улыбнулась, сморщив линий, которые явно указывали, что ей было за шестьдесят, когда ее изменили.

— Ерунда, это будет мне в радость. Мне передать поднос в вашу спальню или в гостиную на втором этаже?

Ее тон не мог быть более сдержанным. То же самое с ее словами, и все же, я чувствовала себя так, словно мне сделали выговор.

— В гостиной будет прекрасно. Э, спасибо, госпожа... — Дерьмо, я не знала ее фамилии. «*Зови меня Ишой, дорогая!*» сказала она, когда мы встретились, и до сих пор мы обращались друг к другу только по имени. Она отвернулась, не сказав ни слова, возвращаясь к своей разделочной доске. Быстрее, чем машина, она кромсала кучу овощей, утренний свет сверкал от ее ножа.

Я ушла, но решила выбрать длинный путь, ведущий обратно в комнату. Было кое-что, что я хотела проверить в первую очередь.

Когда я бродила по лестнице, я останавливалась, чтобы поприветствовать каждого человека, которого знала. Все они были безупречно вежливыми, но люди, которых я когда-то считала друзьями, сейчас были как Степфордские жены, которые и, то казались теплее в сравнении с ними. Если бы у меня было обоняние нежити, запах неодобрения уже давно бы забил мои ноздри.

И не нужно большого ума, чтобы выяснить, почему. Угадайте-ка, я сделала непростительную ошибку, расставшись с их Мастером.

Даже если бы они выслушали все мои доводы, очевидно, они думали, что я должна была с благодарностью принимать все крохи любви, которые предлагал мне Влад.

Теперь я знала, как себя чувствовали в машине для пинбола, все, чего я касалась, казалось, отскакивалось от меня так быстро, как только могло. Холодность его людей не

должна была меня беспокоить, но все же это было так. Мой желудок заурчал, напоминая мне, что я не ела ничего в течение дня, но вместо того, чтобы пойти на второй этаж, я пошла к небольшой лестнице позади внутреннего сада. Затем я последовала по закрытому каменному коридору, и открыла вторую дверь бывшей часовни.

Спортзал. Я провела большую часть своего детства в одном из таких, так что шкивы, коврики, навесы, батуты, и брусья значили для меня больше, чем любое физическое упражнение. Они были машиной времени уводящей меня в беззаботное прошлое, прежде чем я коснулась той электролинии, подарившей мне силу. Я подошла к батуту и начала серию сальто, но они напомнили мне слишком многое из нашего шоу с Марти. Я спрыгнула и пошла к мату, борясь со всплеском горя.

Там я начала делать обычные движения, которые я усовершенствовала годы назад, когда мне было еще тринадцать, и я пробивалась в олимпийскую сборную по гимнастике. Мое тело не было готово, так же на мне не было подходящей одежды, но я все равно выполнила полный набор упражнений. Затем еще один раз, и еще. Вскоре мои джинсы и футболка покрылись потом, но я не останавливалась. Еще немного, если я приложу достаточно усилий, и я почти смогу услышать голос своей матери.

Кто моя маленькая чемпионка? Я так горжусь тобой, дорогая...

— Лейла! — раздался голос не из моего воображения. Он исходил от клубничной блондинки через всю комнату.

— Кто еще не знает, что Лейла вернулась! — отозвалась в коридоре Сандра. Затем она бросилась вперед с улыбкой на лице. — Почему ты не сказала нам?

Ее истинное счастье было как бальзам на язвительный ожог. Если бы не удар током на смерть, я бы ее тот час обняла бы.

— Я, ээ... — боялась, что на меня снова накричат или продинамят, — не была уверена, что вы не спите, — закончила я неубедительно.

Сандра засмеялась.

— Час назад я спала, но это же прекрасно. Почему ты вернулась? Ты и Влад...

— Она здесь! — вклинился Джо, отрезая вопрос Сандры. За самое короткое время, я обнаружила, как здороваюсь со своими старыми друзьями и завожу новые знакомства с утренними донорами, у которых сдвинулся график кормления дома.

— Ну же, расскажи нам все, — командовала Сандра. Затем она улыбнулась. — Я действительно хочу все знать.

Я не могла рассказать ей обо всем, но я могла выдать некоторые детали. Кроме того, кухня была выше и здесь, и в отличие от той, что была наверху, здесь не было вампиров, затаивших на меня обиду.

После пары приятных часов с Сандрой и другими, я поднялась наверх. Там я провела пару неприятных часов с Гретхен и моим отцом, пытаюсь объяснить им, что кто-то подложил бомбу в газопровод и тот же человек может посчитать мою семью отличной приманкой, если он или она поймут, что я выжила. Мой отец, подполковник в отставке, понял меня, и казалось, готов был простить. *Что, подумала я, никогда не будет с Гретхен.*

В конце концов, я вернулась к себе в комнату и приняла еще один душ. Как только я вымылась и оделась, я стала всматриваться за окно на темнеющее небо и старалась не думать, что Влад уже проснулся. Из всех людей, злившихся на меня, он имел на это право. Несмотря на то, как холодно он закончил наши отношения, и как тяжело было находиться рядом с ним, я все еще должна была ему извинения за предположение, что он мог устроить взрыв на карнавале. В следующий раз, когда я его увижу, я выплачу этот долг.

До тех пор я отвлекала себя мыслями о том, что делал Максим. Я не собиралась спрашивать о нем персонал или Влада, который мог взорвать его, как жидкость для зажигалки. Тем не менее, у меня был и другой способ увидеть, выздоровел ли Максим.

Я провела рукой по своей коже, находя сущность Максима. Затем я сосредоточилась на ней, пока Голубая Комната не исчезла, и меня не окружила полная темнота. На секунду меня это смутило. Но потом я увидела зеленый свет и услышала голос Влада.

— ...я бы предпочел иное. Я бы лучше тебя убил.

Тяжелый вздох.

— Тогда почему так и не сделал? — спросил голос Максима.

Я все еще не могла его видеть, но он был в здравом уме, с моей огромной помощью. Где же он был, что единственным светом были лишь глаза Влада?

— Лейла, — мое имя повисло в накаленном воздухе. Влад испустил короткий смешок. — Она отказывалась сказать мне, где она, пока я не поклянусь, не мучить и не убивать тебя.

Максим тоже засмеялся, но он звучал не так же весело.

— Она упустила кое-что, как вечное лишение свободы.

— Она молода, — сказал Влад, — и не может помнить об этом вечно. В этом веке или другом, я смогу испустить на тебя свой гнев.

Что-то лязгнуло, а затем еще одна вспышка зеленого заполнила темноту. Глаза Максима осветили достаточно, чтобы я смогла увидеть его лицо прижатое к толстой металлической решетке.

— Тогда она уже давно будет мертва, — прохрипел он.

Взгляд Влада заблестел ярче.

— Будет ли?

Теперь я знала, где были эти двое, и меня пронзила ярость. Максим не остался в доме Менчереса. Он был примерно в сотне футов ниже меня в подземной темнице Влада!

— Лейла отказалась от твоего предложения превратить ее в вампира, — тон Максима был жестким. — Она сделала это с тобой, помнишь?

Смех Влада был столь неустанным, как гром во время весеннего шторма.

— Если бы ты так считал, тебе бы не пришлось лгать ей обо мне. Ты, вероятно, догадался, что я позволил ей отпустить меня, но я не отпускал ее. Вот почему ты не давал ей связаться со мной, убеждая ее, что я мог устроить взрыв.

— Ты и так мог, — зарычал Максим.

Влад сверкнул рукой, накрывая руку Максима. Лишь толстые металлические стержни разделяли его лицо, когда он наклонился к нему на дюйм.

— Тебе должно быть хочется в это верить, — сказал он тихо. — В противном случае, ты предал меня ни за что.

Оба светящихся взгляда показывали каждый нюанс их каменных выражений. Наконец, рот Максима искривился, и он выдернул свою руку из-под руки Влада.

— О, я бы не сказал, что ни за что.

Моя челюсть отвисла. Его намек был очевиден, а когда руки Влада покрыл огонь, это было еще и доказано. Часть меня обиделась на ложные намеки, в то время как другая часть аплодировала Максиму за сказанное, несмотря на его беспомощное положение.

Я должна была что-то сделать. Закрытие его глубоко в подземелье считается пытками в моем понимании, особенно учитывая то, что Влад сказал Максиму, что тот останется там, навек или два.

Влад рывкнул что-то в ответ, но комната расплылась вокруг меня, темнота уступила лавине синего, когда я потеряла связь. После того, как я вернулась, я почувствовала головокружение, и мне не было нужды в зеркале, чтобы узнать, что такое теплое текло из моего носа. Ярость, охватившая меня, не придала этому значения. Влад может думать, что он взял надо мной верх, но я собиралась доказать ему обратное.

Я вытерла кровь с верхней губы и выбежала из своей комнаты, почти сбежала по лестнице во внутренний сад и по лестнице вниз позади него. Я делала шаги, беря по две за раз ступеньки, поворачивая налево от туннеля вместо моего обычного пути. Мои шаги отдавались эхом в замкнутом пространстве, но я замедлила их на последних двадцати метрах. У меня был план, как пройти мимо охранников, и, просто подбежать к ним этому бы не помогло.

Коридор изгибался и сужался, заканчиваясь на двух вампирах перед железной дверью толщиной в один фут.

— Мне очень жаль, Мисс Далтон, вы не можете войти сюда, — сказал светловолосый. Затем он нахмурился. — У вас кровотечение.

Я одарила его своей лучшей беспомощной женской улыбкой, надеясь, что он ошибочно расценил веявшую от меня ярость.

— Знаю, поэтому вы и должны позволить мне пройти. Мне нужен Влад для исцеления. Это может быть серьезно.

Охранники обменялись настороженными взглядами.

— Он не разрешал, чтобы вы сюда спускались, — заявил мускулистый рыжий охранник. — Однако я буду рад дать вам своей крови.

— Разве это не разозлит его? — прервала я его с расширенными глазами. — Если я буду пить вашу кровь, когда он так близко?

Охранники обменялись еще более встревоженными взглядами, а я внутри улыбнулась. Верно. Подумайте об этом, о территории вампира, и о том, что я пила лишь кровь Влада, когда жила здесь раньше. Для пущего эффекта, я покачнулась, и хотя светловолосый охранник и поддержал меня, я сразу же выпрямилась, когда он убрал руки прочь, выглядя при этом виноватым.

Шах и Мат.

— Я спрошу разрешения, — сказала рыжий охранник. Его было не так легко обмануть.

Должно быть он женат.

В ответ я позволила себе упасть. Как и ожидалось, я не ударилась об пол, меня подхватили сильными руками. Затем меня подняли, ветер обдувал меня от того, как быстро тот, кто схватил меня, бежал вниз по узкой лестнице, ведущей к темнице. Я держала глаза закрытыми, опустив голову, пока мы проносились через другие контрольно-пропускные пункты. Ни один из охранников Влада не хотел быть ответственным за мою смерть, но они все еще слишком боялись, чтобы дать мне свою кровь.

К тому времени, как четвертая и последняя дверь со скрипом отворилась, я села и скинула руки придерживающие меня. Не было нужды, чтобы меня и дальше несли.

— Опустите меня, — сказала я охраннику, который оказался блондином, а не рыжим. Ничего удивительного.

Мои ноги едва ударились о землю, как голос Влада прогремел через каверзную темноту вокруг нас.

— Что, черт возьми, она тут делает?

Оранжевый свет предшествовал его появлению, показал, что каменный монолит в центре не был пустым, как тогда, когда я была последний раз в подземелье. Двое вампиров свисали с серебряных цепей с шипами встроенными в скалу, пронзавших их. Когда Влад подошел ближе, еще больше света отразилось от его пылающих рук, показывая часть длинного деревянного шеста, на котором был еще один вампир.

— Это больно, — выдохнула я, временно отвлекаясь.

Он не обратил на меня внимания, тыкая пылающим пальцем на охранника.

— Думаю, ты купил себе немного болезненного времени, Джеймс.

— Но она истекает кровью! — запротестовала охранник, давая мне небольшой толчок вперед.

— И поэтому ты решил принести ее сюда, — сказал Влад ледяным тоном. Пламя на его руках исчезло, когда он схватил меня за челюсть, поворачивая мою голову и насильно мешая мне смотреть на его заключенных. — Ты больше никогда не принесешь ее сюда без разрешения, — продолжил он, все еще говоря с Джеймсом, в то время как сам смотрел на меня. — Через неделю на коле, я напомню тебе об этом.

— Я бы не стала винить его в этом, учитывая твое обыкновение тут исчезать, поэтому мне пришлось его обмануть, сделав вид, что упала в обморок, — огрызнулась я, пытаюсь безуспешно вырваться из его руки. — Хочешь наказать кого-то? Накажи меня.

Он схватил горсть моих волос. Между этим и хваткой на моей челюсти, я не могла двигаться, затем он наклонился ниже, приставив свои губы прямо у моего уха.

— Я накажу тебя, — прошептал он. — Ты будешь страдать от чувства вины за каждый его день на пике. Затем, возможно в следующий раз, ты подумаешь дважды, прежде чем обманешь моих охранников.

Я толкнула его в грудь, и в тот же момент он отпустил меня, так что я толкнула лишь воздух. Влад стоял в нескольких футах, почти невидимый во тьме с его темной-серой рубашкой и черными брюками. Если бы не свечение, исходящее от его изумрудных глаз, я бы не знала, где он.

— Теперь извинись за вторжение.

Это было произнесено не шепотом. Вместо этого команда эхом отразилась от помещения. Несмотря на это, я не смогла сдержать свое фырканье.

— Я бы предпочла лучше истечь кровью до смерти.

— Если бы ты была кем-нибудь другим, это были бы твои последние слова.

Внезапно, я вспомнила, что темница была местом, куда большинство людей спускали не за просто так. Если рассматривать мой штурм с моей точки зрения: я собиралась рвать и метать на своего экс-бойфренда, что тот обходным путем нарушил свое обещание, и я должна была это сделать перед несколькими его друзьями в первую очередь.

С точки зрения же вампиров, я обманула высококвалифицированных охранников, чтобы те предали своего Мастера, ворвавшись туда, где должно быть было самое безопасное место в его доме. То, что я сказала перед его врагами, вероятно, было еще хуже. Я предполагала, что меня можно было назвать в человеческом эквиваленте сукой хлопавшей на свадьбе бывшего парня, рассказывающей всем, что у того маленький пенис, хоть это и возымеет лишь кратковременный эффект. От страха перед феодальной системой, по которой жили

вампиры на этой земле, и того, что последствия произошедшего здесь могут отразиться на протяжении многих веков, я не могла больше требовать освободить моего друга.

— В итоге ты стала понимать, — сказал Влад, ирония сквозила в его тоне.

Я больше не видела светловолосого охранника, которого я заставила обманным путем отнести себя сюда, но даже если Джеймс ушел, он все еще слушал. Все охранники, которых я обманула, могли нас слышать, и они бы повторили мой следующие слова остальным людям Влада, которые бы повторили их другим вампирам, которые в конечном итоге повторят их уже его врагам. Возможно, я не могла потребовать возмездия за действия Влада, но я вынуждена была извиниться.

Однако это не значит, что я смирюсь с тем, что он сделал с Максимом. *Я буду играть по правилам, но если ты откажешься прийти ко мне после этого, я заставлю тебя пожалеть о брошенном мне вызове*, подумала я вызывающе. Затем я прочистила горло и произнесла извинения, которые не собиралась давать.

— Пожалуйста, прости за вторжение. Я не должна была приходить сюда, и я сожалею. — Мой тон был хорошим, но если крошечные искры и выстрелили из моей правой руки в знак протеста, я не могла ничего с этим поделать.

Улыбка скользнула по лицу Влада.

— Я прощаю тебя, но только потому, что ты сказала «пожалуйста».

Умник, подумала я. Затем я застонала от хора «*Пожалуйста!*» смешавшихся с криками мольбы об освобождении заключенных Влада. Неудивительно, что он настолько устал от слов.

— Я могу быть милостивым лишь к одному человеку за день, — бросил он через плечо. — Как говорится, сегодня не ваш день, и завтра не выглядит иным.

Затем его взгляд опустился к моей спине.

— Теперь попроси меня исцелить тебя.

Ты серьезно это потребовал, подумала я, глядя на него.

Он обнажил зубы в очаровательно свирепой улыбке.

— Мое подземелье, мои правила.

Мысленно я прокляла его на английском и румынском, но вслух сказала:

— Не пожелаете ли вы дать мне немного вашей крови, чтобы исцелить меня?

Еще одна вспышка зубов, теперь уже с клыками.

— Подойди и возьми.

Я подошла к нему с крайней осторожностью кобры. Быть в непосредственной близости с Владом было опасно, тем более что мы оба все еще имели чувства друг к другу. Но странный «тайм-аут», который мы испытали в самолете закончился, прикасаться к нему теперь было все равно что буквально играть с огнем, и он специально удостоверился, чтобы у меня не было другого выбора.

Да ты сама это делаешь, зашипел на меня мой внутренний голос. *Возьми и ударь его вместо этого!*

Я остановилась, задумавшись над этим, но Влад дернул меня к себе. Несмотря на мой гнев, я единственная, кто ощутил сотрясение энергии зашипевшей во мне, когда его тело коснулось моего. И кратко, во-вторых, я закрыла глаза, наслаждаясь этим ощущением. Затем я открыла их и посмотрела на него с вызовом.

— Ты собираешься дать мне свою кровь или нет?

Его улыбка исчезла, сменившись на мгновение, на дикое желание. Затем он поднес свое

запястье вверх, немного надкусил его и поднес к моему рту.

Я не отворачивалась, когда раздвинула свои губы, принимая эту теплую резко ароматизированную жидкость. Я никогда не думала, что смогу не заметить вкуса крови, но сделав первый глоток, я знала, что не почувствовала его. Мои веки ощутили странный род блаженства, но я отказывалась их закрывать. Держать их открытыми казалось почти также предательски как взглянуть в его глаза, когда он запечатал своими губами проколы и облизал их, посылая тепло прямо к моему основанию.

Ничего не пропустила? Прошептала темная часть меня. Это был не мой ненавистный внутренний голос, он исходил откуда-то из другого места. Места, которое вспыхивало к жизни лишь, когда Влад был рядом.

Его губы показали кончики его клыков.

— Попроси меня снова, и я дам тебе это.

Угроза? Чувственное обещание? Оба? Я облизала свои губы. Что принесло мне еще больше удовольствия, чем я могла вынести...

— Нет, — сказала я, повторяя это слово со всем пылом.

Его объятие было моей дозой наркотиков, и как любой наркоман, я знала, одной дозы будет слишком мало — и даже тысячи раз мне не хватит.

Затем я оттолкнула его. Что-то опасное тлело в его взгляде, но он не сделал ничего, чтобы остановить меня.

Несколько факелов вспыхнуло в жизнь, позволяя мне найти путь к выходу без ударов или шествия на ощупь.

Как только я достигла его, я повернулась к нему спиной.

— Я имела в виду то, что сказала. Нам по-прежнему нужно поговорить.

— Будь в моей частной гостиной в десять вечера. В противном случае, я буду считать вопрос закрытым.

Его актовый зал, его же я пересекала каждое утро, поскольку он пролегал между его спальней и моей старой комнатой. Я скорее столкнулась бы с расстрелом, чем пошла бы туда, но если я откажусь, Максим может остаться запертым в этом подземелье на протяжении веков.

Улыбка промелькнула на лице Влада, прежде чем он исчез в темноте, что ясно говорило, он уже знал, что я выберу.

Я вошла в зал ровно в десять, Влад сидел на диване, на обсидиановом столе перед ним стояли два бокала и бутылка. Телевизор был выключен, а свет от камина отбрасывал мягкое рыжее свечение на ковер.

Воспоминания овладели мной, так беспощадно, как я и боялась. Влад и я провели много вечеров, распивая бутылку вина на этом диване. Мы делали на нем и другие вещи. По мне прошло непрошенное тепло, которое не имело ничего общего с пылающим огнем.

Я попыталась подавить его своей прямоотой.

— Ты разве не понял, зачем я хотела с тобой увидеться?

Он засмеялся, наполовину рыча, наполовину весело мурлыкая, играя тем самым злую шутку над моими чувствами, даже в столь разъяренном состоянии.

— Думаешь, я пытаюсь тебя соблазнить? Как самонадеянно, учитываю то, что я никогда не беру обратно в свою постель экс-любовниц.

Я взглянула на бокалы, романтическое освещение, и, наконец, обратно, на него. Если Влад не пытался соблазнить меня, значит, он дразнил меня тем, что я не могла получить. Я была одета в простое платье длиной чуть выше колен. Его черные брюки облачали нижнюю часть его тела, а его белая рубашка контрастировала, как снег, с его пиджаком черного дерева. Эта рубашка открывала все его горло и несколько дюймов его груди. Платиновые манжеты сверкали, когда на них падал свет от камина, а его длинные темные волосы были зачесаны назад, что еще лучше выделяло его стройные чувственные черты и приковывало к глазам цвета меди.

Не хватало разве что медленно стекающего шоколада по голому пространству его груди. Тогда любой суд в мире рассмотрел бы это как сексуальную провокацию.

Его улыбка стала еще шире. *Вот дерьмо, я забыла петь, чтобы держать его подальше от своих мыслей.*

— Отлично. Мы оба здесь не по платоническим причинам, так что оставим все как есть, — сказала я, ненавидя себя за то, каким хриплым стал мой голос.

— Прекрасно.

Вдруг он оказался в паре сантиметрах от меня, в результате чего мои глаза оказались на уровне его открытого ворота и кусочка кожи, который я представляла со стекающим шоколадом. Я сглотнула. *Думай о подzemелье и нарушенном им обещании, а не о том, насколько опьяняющий его вкус, даже если он и не был десертом!*

Образ подземелья помог.

— Нужно поговорить о Максиме, — заговорила я с уже более сильным голосом.

— Нет. Вина?

Я моргнула, гнев перебил мое желание.

— Ты обещал, что не станешь его мучить, но заключение в подземелье на протяжении веков считается пыткой.

Влад протянул бокал, а затем сам же из него и выпил, когда я отказалась резким мотанием головы.

— Нет, нет, — сказал он, все еще тем же чертовски невозмутимым тоном. — Поскольку я лично испытывал и то, и другое, уверяю тебя, пытки и тюремное заключение разные вещи.

— Ты все перевернул на свой лад. Ты точно знал, что я имела в виду, когда просила

твоего обещания.

Он пожал плечами.

— Я честно сдержал данное мною слово. Если хотела большего, тебе стоило указать на это.

— Я была под воздействием наркотиков!

— И меня тоже принудили к этому, — ответил он, сузив взгляд. — Многие посчитали бы это достаточной причиной для отмены обещания. Я этого не сделал, и Максим понимал, чего ему будет стоить предательство. Из-за тебя, это не встало ему во столько, во сколько должно было.

— Тоже ты сделал и с Марти, — закипела я. — Дал мне бесполезное обещание, заканчивай уже играть в игры со словами, а потом еще и обижаться, когда я называю тебя лжецом!

Влад поставил бокал вниз так сильно, что я была поражена, что тот не разбился. Затем он пошел к двери. Когда он открыл ее, я подумала, что он собирается выгнать меня. Вместо этого, он ушел.

— Куда ты идешь? — воскликнула я.

— Убить Максима, — ответил он, оглядываясь назад. — Если я лжец, я с такой же легкостью могу наказать его по максимуму.

— Подожди!

Он уже дошел до конца коридора, когда я выбежала за ним, но на мой безумный зов, он все же повернулся.

— Ты не можешь ожидать и то и другое, Лейла. Или я лжец, или нет, и если нет, то у тебя нет причин жаловаться на то, что я сделал с Максимом.

Разочарование ударило меня прямо по яремной вене.

— Он единственная причина, почему я выжила после взрыва газопровода. Разве это ничего не стоит?

Он пошел ко мне неторопливой походкой истинного хищника, отчего, казалось, словно коридор сужается, вокруг меня. Чем ближе он становился, тем больше я инстинктивно отодвигалась. Это продолжалось, пока я не увидела красные деревянные панели на стенах, понимая, что он передвинул меня обратно в гостиную.

— Да, это так. И поэтому я простил ему слова о том, что он проверял свой народ, когда в действительности преследовал тебя. Однако я не стану прощать ему повторную ложь после взрыва. Это было не ради твоего спасения. Это было для того, чтобы держать тебя подальше от меня, поскольку он хотел, чтобы ты была с ним.

— Он действительно думал, что ты стоишь за этим, — пробормотала я. Влад закатил глаза.

— Ты поверила в это, но Максим знал, я не стал бы убивать невинную женщину из чувства злобы.

— Он думал, что твое уязвленное самолюбие может сделать тебя более смертоносным, чем обычно.

— Нет, он просто хотел тебя трахнуть, — его ровный тон исчез, сменяясь на тот, который звучал как бритва, скользящая по осколкам стекла. — Если он верил в то, что говорил, это все равно не смягчает его вину за измену мне. — Его глаза сменились с медного на изумрудный за один миг. — Он возжелал тебя с самого первого взгляда. Когда я узнал, что ты жива, я подумал, что он преуспел, и вы оба сфальсифицировали взрыв, чтобы

исчезнуть вместе.

— Ты думал, что я бы убила кучу людей, чтобы подстроить свою собственную смерть, дабы сбежать с Максимом?

Если бы мой голос стал бы хоть на октаву выше, все близ находящиеся стекла разбились бы вдребезги.

— Ты же поверила, что я пытался убить тебя из-за раненной гордости, поскольку ты меня оставила, — его взгляд стрельнул по мне. — Не претендую на потерпевшую сторону, учитывая, что ты тоже сделала неправильный вывод.

С этим мое терпение лопнуло.

— Из нас двоих, кто более вероятней был способен убить тех людей?

Его улыбка была жесткой, показывая все зубы, без тени юмора.

— Я, но тебе все равно стоило знать меня лучше. Мартин, которого я подверг пыткам в первый день нашей встречи, связался со мной после взрыва, потому что он знал, я этого не делал. Но ты, когда-то моя заветная любовница, была настолько убеждена, что я мог пойти на такое, что позволила мне поверить, что ты мертва.

Я едва услышала последнюю фразу. Мой разум ухватился за другое, смещая мой гнев в сторону.

— Марти связывался с тобой после взрыва? Но тогда он... он не...

— Не был убит при взрыве, — закончил Влад, его губы скривились. — Жестоко с моей стороны, позволить тебе верить, что тот, кто заботился о тебе, был мертв, не так ли?

Ярость смешалась с прилившей волной радости. Этих дико контрастных эмоции оказалось слишком много. Я набросилась на Влада, рыча, «*Да будь ты проклят!*», а слезы счастья навернулись на мои глаза.

Он поймал меня, поднимая на несколько дюймов над землей. На этой высоте мы были с ним на одном уровне глаза, и взгляд на его лицо мог бы заставить меня сделать шаг назад, если бы я могла.

— Нет, — сказал он, слова ударили, словно молоток. — Ты однажды уже ударила меня без возмездия, но ты больше не моя любовница так, что я не буду больше таким мягким.

Я не собиралась его ударить. Правда, хотела встряхнуть, пока его клыки бы не загремели, за то, что он позволил мне поверить, что мой лучший друг мертв, и ждать, пока он не скажет, что это была не шутка *о Марти!* но мое стремление иссякло, как только я посмотрела ему в глаза. Выражение его лица было таким громовым, что я должна была бы бояться, но нечто иное, не страх, начал заполнять меня. Не в силах сдержаться, я посмотрела на его рот. Было бы трудно, но если бы я наклонилась вперед на несколько дюймов, я знала, что он не стал бы вести себя таким образом...

Внезапно его рот наклонился, доказывая, что я была не права. Он действительно был зол. Щетина на его лице ощущалась более грубой, плюс у меня должно быть появятся синяки от того, как сильно он дернул меня к себе.

И ничего еще никогда не ощущалась лучше. Восторг вырвался, сжигая все остальное на своем пути. Я поцеловала его так сильно, что порвала губу от его клыков, но вкус не был замечен. Все, что я чувствовала, это его вкус, словно пряный глинтвейн из вина, из самых темных фантазий. Когда его рука притянула меня ближе, его тепло опалило меня через одежду. Со звериным чувством, его язык сплелся с моим, и меня охватило подавляющее желание дотронуться до него, немедленно. Мои руки сразу же стали бродить по всему его телу. Я нуждалась в нем столь же сильно, как вздохах сквозь зубы, которые я урывала между

поцелуями, но другая эмоция оказалась сильнее, давая мне силы, оттолкнуть его, несмотря на то, что каждая клеточка моего тела завывала в знак протеста.

— Что ты делаешь? — удалось мне выговорить.

Выражение его лица было не иначе, как свирепым, а его взгляд был таким горячим, что я могла бы сгореть под ним.

— Ты еще никогда не испытывала со мной грубого секса. Я собираюсь показать тебе, каково было твое исчезновение.

От этих слов пульсация у меня между ног стала мучительно интенсивной. Несмотря на это, я остановила его, когда он накинулся на меня, чтобы снова поцеловать.

— Ты же сказал, что никогда не берешь обратно своих экс-любовниц.

Его губы спустились к моей шее с разрушительным эффектом.

— Ты уже доказала, что ты исключение из моих правил.

Жжение от его губ оставляло прохладу от надавливания клыков, что считалась гораздо более эротичным. Тем не менее, боль глубоко во мне преодолела страсть охватившую меня.

— Не всех твоих правил.

Влад издал слишком резкий звук, чтобы это было рычанием.

— Ты не удовлетворишься, пока не заставишь меня опуститься перед тобой на колени, так что ли?

— А почему бы и нет? — он взглянул на меня со всем моим безрассудством и разбитым сердцем. — Ты же опустил меня к своим.

Он отпустил меня так резко, что мне пришлось ухватиться за диван, чтобы не упасть. Без его тела напротив моего, я ощутила холод, несмотря, на приятное тепло в помещении.

— Я уже говорил тебе, что ты не можешь иметь и то и другое, и для тебя это тоже верно.

Я что что-то пропустила?

— О чем ты говоришь?

— Я Влад Цепеш, — сказал он, выделяя каждое слово. — Я прожил более пятисот лет потому что, убил каждого, кто вставал на моем пути или предавал меня, я всегда мщу. Я говорил тебе об этом еще, когда мы только встретились, но ты все равно расстраиваешься, когда я так поступаю.

— О, нет нужды напоминать мне, как ты беспощаден, — сказала я, с вырвавшей наверх горечью.

— Очевидно надо, — ответил он. Затем он обхватил мое лицо своими руками, ощущать их тепло, было приятно. — Ты утверждаешь, что любишь меня, но человека, которого ты любишь, не существует. Тот человек не вынес бы годы избиений и изнасилований, пока был мальчишкой, лишь чистая ненависть удерживала его от разрушения. Этот человек не посадил бы на кол двадцать тысяч заключенных, терроризируя наступающие армии, поскольку страх был единственным его тактическим преимуществом, и тот человек не посадил бы в тюрьму одного из своих близких друзей из-за женщины, в которую тот влюблен. Я не такой человек.

Его руки опустились, и он отступил назад, его лицо все еще было пугающе интенсивным.

— Видишь, ты не хочешь, чтобы я тебе любил. Ты хочешь это от той версии, которую себе придумала. От рыцаря, но я дракон и всегда им буду.

Затем он ушел. На этот раз, несмотря на мой зов, он не остановился. Ему потребовались

доли секунд, чтобы добраться до коридора, и уйти, от чего две двери в дальнем конце завибрировали.

Я спустилась на второй этаж, расстроенная из-за обвинений Влада, и пошла прямо мимо своей семьи, даже не заметив их.

— Лейла, — гаркнула Гретхен, обращая мое внимание к гостиной, которую я только что прошла. — В чем проблемы?

— В чем мои проблемы? — из меня вырывался истерический смешок, но я затолкнула его обратно. — Не знаю даже с чего начать.

Взгляд моего отца осмотрел меня, замечая мои растрепанные волосы, опухший рот и искры на правой руке.

— Гретхен, мне нужно поговорить с твоей сестрой.

Она пожала плечами.

— Давай, я не буду вам мешать.

— Он имеет в виду, уйди, — сказала я устало.

Это было последним, что стоило говорить, но за последнее время я прошла через ад, и все знали, как тяжело это было.

Она встала, бормоча себе под нос:

— Тебе повезло, что Влад покрыл все мои расходы за год.

— Что?

— Гретхен, иди, — приказал мой папа.

Она оставила меня наедине с моим отцом. Я плюхнулась на диван напротив него, отмечая различия между этой гостиной и той, которую покинула я. Цвета, были легкими, и не было никакого оружия или варварского щита над камином. Я сразу же возненавидела абрикосовый и сливочный декор, и белый очаг с прекрасным масляным пейзажем над ним. В этой комнате не хватало сложности, ярости, страсти... не хватало всего, чем был Влад.

— Так он покрыл расходы Гретхен за год, — конечно же, он не сказал мне об этом. Влад редко упоминал о своей вдумчивости в таких делах. — Это очень великодушно с его стороны.

Мой отец многозначительно оглянулся.

— Он может себе это позволить.

— Он также может загипнотизировать ее, чтобы она забыла, что вообще когда-либо встречала его и отправить ее обратно в ее квартиру без цента, — сказала я горьким тоном. — Ну же, папа. Смотри на вещи реально.

Его солоновато-красная голова вздернулась.

— Я так и делаю. Он обещал благополучно вернуть тебя и сделал это. Он обещал, что мы вернемся к своим жизням, когда опасность минует, и я ему верю. Но он отказалась пообещать, что оставит тебя в покое, и, судя по тому, как ты выглядишь, он выполняет свое намерение не делать этого.

Я взрослая женщина, но не думаю, что я когда-либо буду чувствовать себя комфортно, обсуждая свою сексуальную жизнь с отцом. В данном случае, однако, он не имел ничего против, чтобы волноваться о подобном.

— Это не то, о чем ты подумал. Мы не вместе.

— Ты все еще влюблена в него, — сказала он наотрез.

Нет, если верить словам Влада! издевался мой внутренний голос. *Он думает, что я*

люблю его версию, которой не существует.

Я сделала глубокий вдох.

— С каких пор любовь может что-то решить? — ответила я.

Отец хмыкнул.

— Ты слишком молода, чтобы быть настолько измученной.

Я подняла свою правую руку с коротким смешком.

— Помнишь, что я вижу этим, верно? Все худшие грехи, так что может мне всего лишь и двадцать пять, но я уже давно не молода.

Он помолчал несколько мгновений. Наконец, он кивнул.

— Полагаю, что нет.

Затем он наклонился вперед, понизив голос до шепота.

— Но, детка, ты должна держаться подальше от Влада. За десятилетия в армии, я встречал все типы закаленных мужчин, но я никогда еще посмотрев в их глаза, не пугался. Когда я смотрю в его, это все равно, что кто-то прошелся по моей могиле.

Рациональная реакция, учитывая, что Влад был не обычным солдатом, наемником, военачальником, или кем-либо еще, с кем мог сравнить его мой отец. Во многих отношениях он был кусочком истории дикого прошлого среди нас, но у меня был лишь один на это ответ. В то же время это было последним, что хотел бы услышать мой отец, но это была правда.

— Я тоже не вижу ничего другого, смотря на него.

Затем я встала, наполненная новой решимостью. *Влад думал, что я любила выдуманную версию его, потому что не могла справиться с настоящим Дракулой? Я хотела доказать ему — и своему внутреннему ненавистному голосу — что он был не прав.*

— Спокойной ночи, Папа. Мне нужно кое-что сделать.

Я убедилась, что мысленно пела самую раздражающую песню, которую могла придумать, на тот случай если Влад вернулся. То, что я собиралась сделать, было рискованно, но, когда моя жизнь не была рискованной? Кроме того, в последние два раза, когда я пользовалась своими силами, у меня было кровотечение из носа. Но сегодня я выпила крови Влада, так что дальнейшая опасность снизилась. Короче говоря, сейчас или никогда.

Дойдя до первого этажа, я обошла столовую, библиотеку, зимний сад и комнату, которую я обычно избегала. Комнату оружия, как я ее называла.

Эта комната была на втором месте после подполья, которое содержало кровавые сувениры. Она была наполнена: кольчугой, доспехами, мечами, длинными изогнутыми ножами, молотками, щитами, копьями, арбалетами, и шипами, большинство из которых были с вмятинами, пятнами и другими доказательствами их использования. Даже находясь рядом с ними, я ощущала покалывания своей правой руки, словно сущности в этих объектах тянулись ко мне.

В последний раз, когда я была здесь, я держала свою руку поближе к себе, поскольку не хотела знать ужасных историй, содержащихся в этих предметах. Первым, чего я коснулась было длинное копьё.

Я подняла свое копьё с криком, чтобы поддержать тысячи солдат стоявших позади меня. Получится или нет, но мы скорее умрем, чем позволим Валахии быть завоеванной. Затем я направила свою лошадь на крутой холм, услышав грохот копыт, мои люди последовали за мной...

Этот образ исчез, и я пошла к следующему предмету — щиту, касаясь эмблемы дракона

выбитого на металле.

Туча стрел окрасила небо. Я подняла щит и приготовилась, ожидая, выживу я или умру. Как только мой щит прекратил содрогаться, я встала, срезая стрелы, торчащие из него, грубым ударом своего меча. Затем я усмехнулась, несмотря на кровь, струящуюся по моему лбу. Я все еще не умерла...

Мое сердце начало вторить эху боя, но я не собиралась останавливаться. Я прикоснулась к злу — ища следующим молоток.

Я сидела на своем троне, не проявляя никаких признаков гнева, охватившего меня. Мехмед думал взбесить меня, выбрав трех моих бывших тюремщиков, чтобы те сопроводили его посланника. Он ошибся.

— *Ваше благочестие не соизволит снять ваши тюрбаны в моем присутствии?* — повторила я. Затем я улыбнулась своим мучителям детства. — *Позвольте тогда мне помочь вам в том, чтобы они всегда были при вас. Схватить их.*

Мои охранники захватили посланников, а я достала молоток и несколько длинных гвоздей. Затем мой гнев охватила холодная решимость, и я прибила тюрбаны к их головам. После того, как третий безжизненно упал на пол, я отбросила кровавый молоток к ужасу посланника.

— *Вот мой ответ на условия султана.*

Я выскальзывала из воспоминаний лишь для того, чтобы переходить к другим, быстрее, чем я успевала замечать, что прикасалась к следующему предмету. Мои видения расплывались с каждым сменяющимся образом из прошлого, и переходов в настоящее. Затем я увидела женщину с пышными каштановыми волосами, но когда я попыталась увидеть ее лицо, она стала размытой. Затем она ушла, когда я коснулась чего-то другого, чтобы увидеть все то, с чем, как думал Влад, я не могла справиться.

Фантомная боль и эмоций разрывали меня с каждым новым предметом, наплывая так быстро и сильно, что я начала терять связь с тем, что было реальным. Я больше не была женщиной проверяющей чувства к своему бывшему любовнику.

Я была Владиславом Басарабом Дракулой, чей отец своим адским политическим решением лишил свободы своего мальчика, затем став постарше, я боролась в войне, после войны следила за тем, чтобы моя страна оставалась свободной, только лишь для того, чтобы быть преданной своей знатью, церковью и даже своим собственным братом. Затем меня обратили в вампира, сделали вдовцом женщины, избегавшей меня за мои поступки, и заключили в тюрьму к Михаилу Шилагаю, вампиру, который стремился править Валахии через меня. Предательство, боль и смерть были моими постоянными спутниками, но я не позволяла себе сломаться. Я хотела использовать их, чтобы сломать своих врагов.

— Лейла!

Как будто издалека, я услышала голос Влада. Чувствовала, как он схватил меня, но я не могла его видеть. Мое зрение заменилось красной пеленой.

Влад еще раз назвал мое имя, но его голос стал еще тише. Вскоре я не могла слышать или чувствовать его. Хорошо.

Не могу его видеть, потому что заснула?

Что-то налили мне в горло, и сознание стало возвращаться. Через красный туман, я разглядела лицо Влада.

Почувствовала, как его сильные руки обхватили меня, в то время как его запястье было прижато к моему рту.

— Лейла, ты меня слышишь? — спросил он, отодвигая запястье, чтобы я смогла ответить.

Я моргнула, но красная дымка не оставила мое зрение. Затем я протянула ему предмет, который все еще сжимала в своей руке, смутно заметив, что это была древняя на вид корона.

— Ты не прав, — прошептала я. — Я люблю реального тебя.

Если Влад и ответил, я этого не услышала. Всплеск головокружения сопровождался ослепительной болью взорвавшейся в моей голове, и затем я больше ничего не чувствовала.

Я спала так, что могла слышать некоторые фрагменты из того, что происходило вокруг меня, но я была слишком слаба, чтобы хоть как-то на это отреагировать? За прошедшие ближайшие несколько часов, я оставалась в этом странном полубессознательном состоянии, слушая фрагменты голосов Гретхен, моего отца, Влада, и даже Марти. По большей части они ругались, но как только все стало столь ясным, я снова впала в забвение. Когда я вернулась обратно, я остро ощутила две вещи: запах крови и звук барабанов.

Между этим запахом и раздражающим бу-бум, бу-бум, я никак не могла уснуть, что было отстой, поскольку я очень устала. С большой неохотой, я открыла глаза, увидев яркую, нечеткую белизну с серебряными ветвями надо мной.

— Заткните... барабаны, — прохрипела я.

Что-то темное появилось перед моим взором. Потребовались несколько морганий, прежде чем я поняла, что это было лицо Влада. Его щетина была толще, а волосы были густыми и местами спутавшимися. Я видела в столь же неопрятном виде людей после ночи запоя, но меня удивило увидеть таким Влада, словно он завершил бой текилой. И — запах — он был тем, кто так пах кровью? Что же произошло?

— Папа, Лейла пробудилась!

Возбужденный крик Гретхен разрезал воздух. Барабаны тоже стали громче, удары увеличивались, словно еще больше людей присоединились к их группе. Я застонала, закрывая глаза. *Кто-нибудь, пожалуйста, скажите им остановиться!*

— Вы оба, уйдите, — заявил Влад. — Вас слишком много для нее.

— Она моя дочь, это ты уйдешь, — закричал мой отец.

Это заставило меня открыть глаза. Хью Далтон редко повышал голос, и с чего вдруг эта проклятая группа стала звучать так, словно их барабаны были из стали?

— Идите. Сейчас же, — Влад слегка сверкнул своим зеленым светом.

Я бы упрекнула его за использование контроля сознания над моей семьей, но все три вопроса вдруг стали более очевидными. То, что я поначалу приняла за серебряные ветви, оказались столбиком с четырьмя вешалками, я была одета в новые резиновые перчатки, и как только мой отец и Гретхен молча, вышли из комнаты, те барабаны, что я слышала, исходили лишь из моей груди.

— Что происходит? — спросила я, морщась от того, каким громким был мой голос. — И почему ты похож на прибывших с поля боя? — добавила я, шокированная тем, что моя попытка шептать также вышла очень громкой.

Влад уставился на меня, выражение его лица сменилось от выражения назойливости, обращенного к моей семье, к чему-то, что я могла бы описать лишь как ласковая ярость.

— Я весь в крови, потому что ты до смерти кровоточила в моих руках, и я еще не успел сменить одежду.

Мой рот открылся.

— Я умерла? — закричала я.

Краткая улыбка скользнула по его лицу.

— Ты не кричала. В тебе столько моей крови, что теперь твои чувства гипер-повышены. Вот почему ты думала, что твое сердцебиение было барабаном, а когда раздалось сердцебиение твоей семьи, как еще большее количество барабанов.

Я снова взглянула на столб с четырьмя вешалками. На одной из них свисал пакет с прозрачной жидкостью, но остальные были заполнены густой красной жидкостью.

— Ты все еще даешь мне свою кровь? — спросила-закричала — я.

— Ты только вышла из комы, — было его ответом.

Я бы умерла, оставаясь в коме? Разве мог этот день быть еще более ужасным?

— Как долго? — спросила я, понизив голос, насколько было возможно.

Он сел в кресло, постукивая подлокотник, в то время как его взгляд перешел от полированной меди к ярко изумрудному.

— В коме? Три дня. Мертвой? Шесть минут сорок секунд.

Мне не нужны были супер чувства, чтобы услышать ярость в его голосе, или угадать ее причину.

— Влад...

— Нет.

Одно это слово эхом разнеслось по тому что, как я сейчас поняла, было похоже на очень грязную больничную палату.

Дефибриллятор с крестом стоял в углу, иглы для подкожных инъекций валялись на прилавке, а затемненная машина ЭКГ стояла около двери.

— В следующий раз, когда у тебя появится желание злоупотребить своими силами, помни об одном, — продолжил он тем же стальным тоном. — Я верну тебя обратно любыми средствами, поэтому, если ты так ценишь свою человечность, не делай этого снова.

Затем он встал, давая мне взглянуть на остальную часть размывшейся на нем крови — сильно сморщившиеся и вонючее облачение, надо заметить — после чего он наклонился вниз и поласкал мою щеку.

— А о том, почему ты это сделала, — сказал он, его голос стал ниже и более заботливым, — мы обсудим, когда ты выздоровеешь. Еще одного дня отдыха с кровью и кроватью должно быть достаточно. А теперь у меня есть дело, которым нужно заняться и у тебя тут еще один посетитель.

Марти появился в дверях, выражение его лица отражало как облегчение, так и робость.

— Эй, малышка.

Влад опустил руку, оставляя нас без лишних слов. Я хотела, чтобы он остался, но он, вероятно, хотел принять душ и переодеться, не то, что я могла его в этом винить. Кроме того, у меня было кого обнять... и потребовать объяснения.

— Иди сюда, Марти, — сказала я, надеясь, что во всем виноват мой сверхзвуковой слух, и мой голос не звучал так, словно я ему крикнула.

Он сразу же появился у изголовья, приблизившись ко мне. Я никогда не думала, что снова смогу увидеть этого коренастого человека, его четырехфутовые ноги или густые черные волосы, а когда он воспользовался стулом Влада, чтобы наклониться и обнять меня, я просто не смогла остановить поток слез.

— Я скучал по тебе, малышка, — пробормотал он, вытирая мои мокрые щеки. — И не могла бы ты уже бросить попытки получить предсмертный опыт?

— Это ты мне скажи, — возразила я, принимаясь. — Что случилось? Я видела трейлер. Никто не смог бы выжить после такого.

Он оперся на мое плечо, чтобы выпутать себя из трубок, и сел ко мне спиной.

— Ты права, но я не был в нем, когда взорвался газопровод. После нашего последнего выхода, я пошел обратно к прицепу. А потом увидел ту женщину через парковку, совершенно

одну, с почти доеденным мороженым...

Я начала смеяться даже, несмотря на укол скорби по Дон. Любовь Марти к сахару в крови была мне хорошо известна.

— Так твоё пристрастие к сладкому — и клыки — спасли тебе жизнь. — Мой смех исчез, и я не смогла удержать боль в своём голосе, когда спросила: — Почему ты не искал меня после взрыва? Я продолжала кричать твоё имя, но ты не пришел. Лишь Максим.

Он вздохнул.

— Я знал, что ты была в прицепе Молота, поскольку видел, как ты вошла в него. Затем взрыв... — его черты напряглись. — Все в пятидесяти ярдах было уничтожено. Даже в два раза большем расстоянии, женщина, из которой я пил, пострадала. Я знал, это должно было убить тебя, но я все равно пытался добраться до тебя. Жар расплавил мою кожу, прежде чем мне удалось добраться до прицепа Хаммера, поэтому мне пришлось вернуться обратно. Затем я услышал крики... люди были пойманы в ловушку, они кричали и бегали, натываясь на огонь. Я не мог спасти тебя, но я постарался спасти так много из них, сколько смог. После скорая помощь забрала более сильно раненных, и я ушел. Я не мог стоять и смотреть, как они выкапывают твоё тело.

Его голос сорвался на последнем слове. Я взяла его за руку, радуясь, что мои новые перчатки не позволяют мне ударить его током.

— А потом ты позвонил Владу, — закончила я, с долей колкости к себе.

Марти испустил хмыканье.

— Он не воспринял это известие хорошо. Заставил меня узнать, куда они отправят тела, а затем вскочил на самолет. Я говорил ему, что от тебя осталось не так много, чтобы тебя можно было поднять, но он не хотел меня слушать.

— Поднять? — повторила я, как меня осенило понимание. Упырей делали из людей пивших кровь вампира, человека сначала убивали и затем соединяли их сердце с сердцем Вурдалака. Поскольку я была на регулярной диете из крови вампира, и Влад знал, что я какое-то время была огнеупорной, он знал, что такое преобразование возможно, если конечно взрыв не разорвал меня на куски...

Вот, что он делал в морге, когда я связалась с ним во сне! Он не хотел увидеть мое тело, чтобы погоревать или позлорадствовать, как я подумала. Он отправился туда, чтобы вернуть меня.

— Превратить тебя в гуля, — сказал Марти, не зная, что я его поняла. Он пожал плечами. — Ты бы выглядела точно также, но тебе бы часто пришлось, есть кое-что другое, другое белое мясо.

Я ещё не оправилась от этого открытия. Что если Владу стало известно, как только он увидел мои кости, что я все ещё жива? Или он не понял этого, пока не «услышал», как я шпионила за ним? И самый главный вопрос: Почему его волновало это настолько, что он уехал за границу и бросился в морг, дабы поднять меня из мертвых, но действовал столь равнодушно, когда я покинула его?

— Ты выглядишь бледной, Лейла. Я пойду, дам тебе немного отдохнуть.

Это я услышала, но все, что он говорил до этого, было потеряно.

— Я спала в течение трех дней, не думаю, что от этого можно устать.

Однако я устала. Тем не менее, у меня было пару дел, которые нужно было сделать в первую очередь.

— Ты не мог бы найти моего отца и Гретхен? Влад отослал их, но теперь я смогу

справиться с их сердцебиением.

И их голосами. Я до сих пор помнила, как прозвучал тот крик, словно я слышала его прямо сейчас.

— Конечно. — Затем Марти прочистил горло. — Ты должна знать еще кое-что. Когда ты потеряла слишком много крови, твое сердце остановилось, и Влад воткнул трубки в твои артерии и наполнил тебя своей кровью. Затем он схватил дефибриллятор, пытался вернуть твое сердце к жизни. Если бы это не сработало, ты бы очнулась нежитью, и твой отец ничего не смог бы сделать, чтобы остановить его.

Я закрыла глаза. Так вот из-за чего была та ругань, что я слышала в полубессознательном состоянии? *Я верну тебя назад с помощью любых необходимых средств*, сказал Влад, и, видимо, он имел в виду именно это.

Значит, я заботила его гораздо больше, чем он мог признать.

Была ли у нас еще надежда?

Доктор Наталия Романова была врачом в доме Влада, и в отличие от других членов его клана, она, возможно, не была самой лучшей из них. Когда я в шутку спросила ее, не была ли я ее первым пациентом в этом году — предположив, что в доме, где в основном обитают вампиры, врача зовут не часто — Наталья ответила, что она следит за всеми людьми Влада, дабы те были достаточно здоровыми, чтобы накормить их, и она также помогала в пытках, поскольку была экспертом в нервно-мышечных манипуляциях.

Ну, я же сама об этом спросила.

Когда она ушла, вернулись мой отец и Гретхен. Я извинилась перед ними за влияние Влада на их разум, чтобы они ушли, что не очень-то смягчило моего отца. Гретхен, как ни странно, казалось, была скорее очарована этим, чем рассержена.

— Я не хотела уходить, но ноги, словно сами вывели меня из комнаты. Он мог заставить меня сделать хоть что, разве нет?

— Да, — сказала я, ненавидя то, что мой ответ ужесточил черты моего отца, словно он проглотил матовое стекло.

Затем он пробормотал что-то себе под нос, что без моих новых супер чувств, я бы никогда не услышала.

— Нет, он не использовал контроль сознания надо мной. Во-первых, кровь вампира, которую я пью, дает мне иммунитет к этому. Во-вторых, если бы он это сделал, мы бы не расстались, потому что он мог бы просто заставить меня поверить, что я была рада тому, что было между нами.

Мой отец взглянул на меня, подозрение сменилось на выражение неверия на его лице.

— То, что ты слышала меня, доказывает, насколько опасен этот мужчина для тебя. Он меняет тебя в нечто нечеловеческое. Оставить его было самым умным решением из всех, которые ты когда-либо делала.

Гретхен пожала плечами.

— Увидев, как он действовал, когда она чуть не умерла, я начинаю понимать, почему она с ним, — затем ее голос стал жестче. — И, правда, Лейла. Это уже во второй раз.

Я закрыла глаза, меня охватило чувство вины. Да, это был второй раз, когда Гретхен увидела меня балансирующей на краю смерти, но в отличие от моей попытки самоубийства в шестнадцать лет, этот был несчастным случаем. Не то чтобы это оставило менее эмоциональные рубцы. Во многих отношениях, авария линии электропередач провела Гретхен через столько адских дней, как и меня, только ее не наградили случайной льготой.

— Я сожалею, — сказала я, открывая глаза.

Она еще раз пожала плечами, словно это не имело значения.

— У твоего парня добавиться счет за мою терапию.

— Ты не примешь ничего от него, и он больше не ее парень.

Мой отец использовал свой голос подполковника. Обычно он приводил Гретхен в мгновенное повиновение, но в этот раз все было иначе.

— Я возьму их, и если он не ее бой-френд, то кому-то надо бы сообщить ему об этом. Ты сам видел, как он волновался, когда она чуть не умерла. И даже тогда он продолжал бороться за нее, пока она не очнулась.

— Влад был здесь целых три дня? — я была в шоке.

Она кивнула.

— Прямо, как одна из его каменных горгульи.

Мой отец взглянул на Гретхен так, что если бы она была кем-нибудь другим, клянусь, это могло бы послужить прелюдией к удару.

— Достаточно, — выдавил он.

— Нет, это не так, — сказала я резко. — Ты не имеешь права утихомиривать ее только потому, что тебе не нравится правда. Не смотря на проблемы у нас с Владом, даже в самом худшем случае он остается верным другом, спасшим мою жизнь, твою и Гретхен больше чем один раз, как говорила мама, если ты не можешь сказать ничего хорошего...

Затем я заткнулась, моя угрюмость исчезла.

Отец вскочил, его губы сжались в тонкую, тонкую линию, когда он захромал к двери.

— Рад, что тебе лучше, но я не хочу, чтобы твоя сестра попала в преисподнюю из ходячих мертвецов, и не важно, как это называется, на самом деле это именно она.

Я ничего не ответила, потому что мой гнев заставил бы меня сказать то, о чем я буду сожалеть. Я не просила свои способности, из-за которых я стала магнитом для похищений нежити, и из-за которых моя семья была в опасности, потому что они были отличной приманкой для плохих парней. Мой отец знал, что он все еще обвиняет во всем меня.

Гретхен ждала, пока он уйдет, прежде чем заговорила.

— Вау. Это было цинично с его стороны.

На этот раз, моя маленькая сестричка и я были полностью согласны.

С небольшой помощью Гретхен, я приняла душ, радуясь, что смогла, наконец, смыть остатки от трех дней с моим коматозным состоянием и краткой смертью. Затем я съела миску супа и задремала, пробуждаясь от еще одного обследования Доктором Романовой и еще большего количества посетителей таких, как Сандра, Джо и других людей, с которыми я подружилась. Вечером ко мне пришли снова Марти и Гретхен. Даже мой отец принес мне книгу, чтобы мне было чем заняться под капельницей, но больше всего я хотела не видеть этого человека и чтобы он не появлялся.

На следующее утро, доктор Романова сказала, что я достаточно неплохо выгляжу и могу покинуть лазарет. Я была в восторге.

Я застряла в маленькой комнате без окон, пока закупоренная-кровь-вампира втекала в меня из капельницы, что могло исцелить мое тело до начального состояния, но это было адом для моего чрезмерно стимулируемого разума. *Почему Влад не вернулся? Он провел со мной три дня, пока я была в коме, но теперь, когда мне стало лучше, он даже не удостоили меня своим визитом?*

Может быть, он беспокоился лишь о том, что потеряет свое психическое оружие, дразнил меня мой внутренний голос. Теперь, когда тебе лучше, у него нет никаких оснований, чтобы быть рядом с тобой, пока ему не понадобится что-нибудь.

Заткнись, отрезала я в ответ.

Влад не просил меня вытаскивать воспоминания от какого-либо предмета после моего возвращения. Правда, я провела большинство этого времени без сознания, но это не значит, что его волновали лишь мои способности. Мой противный внутренний голос мог выплеснуть весь яд, если захочет. Это не изменит того, что между мной и Владом еще что-то горело. А почему он избегал меня последние двадцать четыре часа, я собиралась узнать.

Когда я вышла из больницы, я пошла к себе в спальню и приняла душ, после того как выпустила энергию в громоотвод, который создал за моим окном Влад. Затем я пошла к антикварному шкафу, открыла двери и посмотрела внутрь.

Пусто. Даже не одной вешалки не осталось. Я пошла к следующему комоду, открывая каждый с увеличивающимся неверием.

Каждой до последней одежды не было. Если бы не было полотенца и халата в ванной, я бы осталась голой.

Я затянула халат вокруг себя, и потянула за длинную кисточку на двери. Через пару минут, появился вампир-альбинос по имени Оскар.

— Чем я могу вам помочь? — спросил он с поклоном.

— Вы знаете, что случилось с одеждой в этой комнате?

— Да.

Я ждала, но когда он ничего не сказала, я стиснула зубы и попыталась снова.

— И их здесь нет больше, потому что?

Медленное мигание.

— Потому что вы больше не живете здесь.

Что?

— Я не живу? — повторила я краткую версию сказанного им, словно мне это послышалось.

— Так и есть, — сказал он с еще одним поклоном.

Влад выгнал меня? Конечно, он был зол за злоупотребление моими силами, но я не могла поверить, что он сделает что-то столь резкое.

Говорила же, что на самом деле ты его не волнуешь! Закричал мой внутренний голос.

Выкуси! Заревела я в ответ.

— Где Влад сейчас? — спросила я, надеясь, что все это мой чрезмерно чувствительный слух, который сделал мой вопрос похожим на визг.

— В своей комнате.

Я попрощалась с Оскаром, пробормотав «Спасибо», и пошла к лестнице. Я шла, держа вместе нижнюю часть своего халата, поэтому я не обращала ни на кого внимания.

Но никто и не проходил мимо меня по лестнице. Длинный коридор на четвертом этаже также был пуст. Я повернула налево, мысленно готовясь к бою впереди. Я не позволю Владу это сделать. У нас было слишком много незаконченных дел между нами.

Я вошла в его комнату без стука. Он никогда не запирает дверь, вероятно, потому что никто не входил сюда без разрешения, поскольку это могло закончиться смертью. Я уже однажды умерла на этой неделе, так что меня это не остановит.

— Нам надо поговорить, — сказала я.

К счастью горел свет, так что он должен бодрствовать. Хотя я и была полна решимости, чтобы иметь с ним дело, Влад не был мистером Улыбочкой, когда только просыпался. Я закрыла дверь, оглядываясь вокруг. Его комната была разбита на четыре секции: мини-библиотека, которой я называла часть диванов и книжные полки от стены до стены, спальня, ванная и его гардероб.

Влад вышел из ванной, в штанах и рубашке цвета грозových облаков. Его шелковая рубашка имела бы несколько более светлые оттенки, будь она потолще, как это было с его длинным шелковым шарфом, свисавшим в непринужденной элегантности вокруг его шеи. Я, должно быть, застала его, прежде чем он закончил одеваться, потому что его ноги были босыми, что сделало его шаги еще более беззвучными, чем обычно.

Я подняла руку.

— Перед тем, как что-то сказать, выслушай меня.

Не дожидаясь его согласия, я сделала шаг вперед.

— Я знаю, что это ты, настоящий ты, и, хотя я и не люблю всю ту часть тебя со степенью магистра в области средневековых пыток, не говоря уже о нежелании признавать такие чувства как похоть или любовь, которые могли бы означать кое-какие обязательства, — я сделала глубокий вдох перед следующей частью. — Я все еще люблю тебя, Влад. Ты, дракон, а не мнимый рыцарь, и я не позволю тебе выгнать меня, потому что я... я думаю, что ты тоже меня любишь.

Я задыхалась от слишком большого количества слов со слишком малым количеством кислорода между ними. На протяжении всей моей тирады, словно лишившись дара речи, Влад подходил ко мне. Ароматы корицы, пряностей и дыма заполнили мой нос. Должно быть, это был его естественный запах, чего я раньше не замечала до того, как получила свое обновление.

Я смотрела на него, желая, чтобы в список моих способностей входило чтение мыслей, потому что по выражению его лица было ничего не видно. Все, что мне удалось почерпнуть из разглядывания его лица, это его щетина с восьмичасовой тенью от ее длины и его глаза цвета расплавленной меди посыпанные изумрудом.

— Ты права, — сказал он, наконец, его тон был покрыт чем-то, что я не смогла распознать.

— В чем? В чрезмерных пытках, приверженности в вопросах или что-то другое?

Его улыбка была дразнящей и пугающей, словно тебя высекли, и ты поняла, что тебе нравится эта боль. Я не могла остановить дрожь, которая побежала по мне, когда я посмотрела на мужчину, который все еще был опасностью для моего сердца.

— Во всем этом.

Он схватил меня, пока говорил, одной рукой запутавшись в мои волосы, а другой, опускаясь по моей спине. Их жар был ничем в сравнении с его губами, когда он прижал их к моему горлу.

— Знаешь, что случилось в прошлый раз, когда я любил кого-то?

Он зарычал напротив моей кожи с такой яростью, что мои мурашки превратились в дрожь. Я кивнула.

— Нет, ты не знаешь. — Еще одно смертоносное рычание. — Ты знаешь лишь о том, как она умерла. Позволь мне рассказать, как она жила — в страхе. Мои действия ужаснули ее, так как они уже ужасают тебя. Мои враги использовали ее, как они пользуются тобой, и когда она сбросилась с крыши, это было не из-за наступающей армии. Это было из-за меня.

Пока он говорил, его клыки задевали мое горло, словно я нуждалась в буквальном примере того, как неустойчива была жизнь с ним. В ответ я подняла руку, чтобы обхватить его шею. В этот же момент я стянула свои перчатки. Затем я погрузила свои руки в его волосы, испуская всплеск энергии и притягивая его ближе к своей шее.

— Я не она.

Я была рада, что эти слова завибрировали от моей страсти. Я хотела, чтобы он почувствовал их, а также услышал.

— Ты самый страшный человек из тех, кого я когда-либо встречала, но я не боюсь тебя. Что касается твоих врагов, пусть приходят. Я пережила их раньше, и сделаю это снова.

Его смех дразнил меня по шее горячо, жестко и мягко, чем любой дорогой материал на нем. Затем он поднял мою голову, и его взгляд взял меня в плен, словно он загипнотизировал меня.

— Ты должна бояться. Очень сильно. До этого я говорил тебе, что если ты захочешь закончить все между нами, я отпущу тебя, но, Лейла, — его голос стал глубоким, — я солгал.

Слова прозвучали как угроза, но я не смогла подавить улыбку, растянувшую мой рот.

— Означает ли это, что ты больше не пытаешься выгнать меня?

Он повернулся, взглянув на дверцу своего шкафа.

— Взгляни.

С вопросительным взором, я подошла к шкафу. Да, он был размером с трейлер, в котором я жила с Марти, и да, я все еще думала, что автоматическая система выдвижения его одежды по щелчку выключателя это круто. Так что же...

Мой втянутый вдох совпал с притяжением меня к нему, его руки окружили меня сзади.

— Я ответил на твой вопрос?

Он ответил, и я совершенно не поняла заявление Оскара «Вы больше здесь не живете». Я думала, он имел в виду дом Влада. А не ту комнату. Вся одежда, которая была в моем шкафу и на полках теперь была здесь, вплоть до бюстгальтеров, занимавших место, где когда-то лежали вещи Влада.

Даже когда я жила с ним в качестве его подруги, ни одной из моих вещей здесь не было. Они были в прилегающей спальне, где я тоже иногда спала. Влад не выказывал четко желания вернуть меня обратно, но в его обычной манере, он предположил, что если он чего-то хочет, то это уже его.

Если мы собирались это сделать, то нам нужно было притормозить.

Я обернулась, пытаясь обуздать охватившие меня эмоции.

— Ты не можешь перетащить мои вещи в свою комнату, предварительно не поговорим об этом со мной. Что если я не хочу делать такой шаг так быстро?

Из него вырвалось фырканье.

— Ты чуть не умерла, чтобы доказать, что я тот мужчина, которого ты любишь, но это для тебя уже слишком?

Я подняла подбородок.

— Достаточно одного человека, чтобы просто любить, но для того чтобы построить отношения нужны двое. Если мы попытаемся еще раз, то нужно больше чем один или несколько шагов, Влад.

Его руки скользнули вниз по моим рукам, в то время как он смотрел на меня так, что я невольно подумала о восторженных криках и крови капающей с клинка. Собственничество было настолько неправильным для сравнения с этим.

— Я не хочу чего-либо пытаться. Я хочу, чтобы ты вышла за меня.

Я думала, что удивилась чуть раньше. Теперь я действительно знала, что означает это слово. В течение нескольких секунд я была убеждена, что я не правильно расслышала.

Улыбка Влада была с тенью жестокости.

— Любовь это страшная слабость. Она дает вашим врагам идеальную цель, но небесам плевам на твое мнение, она делает тебя безрассудным... и все это только в хороший день. — Его руки продолжали ласкать меня, подбираясь к моей талии, их тепло едва уменьшалось от тонкого материала моего халата. — В плохой день, — продолжал он, и его голос становился суровей, — она может уничтожить тебя. Я никогда не хотел подвергать себя этому снова, так что да, я держал тебя на расстоянии вытянутой руки. Я даже позволил тебе уйти, чтобы доказать самому себе, что ты не значила для меня больше, чем все мои предыдущие

любовницы. И потом Мартин позвонил мне, сообщая, что тебя убили.

Прежде чем он отпустил меня, его руки до боли сжались на мне, а затем он сжал свои руки в кулаки. — Меня ничто тогда не волновало. Не нападки моих врагов, ни защита моего народа, и как бы не сводило бы меня сума твое ожидание, что я стану, вести себя как современный мужчина, словно я могу сбросить со счетов половину тысячелетия своей жизни, я уступаю твоей прихоти.

Это последнее замечание было несправедливым, но я скажу об этом позже.

— Потом я пошел в морг и увидел, что эти кости не были твоими, снова услышал твой голос в своей голове, — он закрыл глаза, — и снова все остальное перестало иметь значение. — Его рот скривился, когда он открыл глаза. — Затем, конечно же, я обнаружил, что ты сбежала с Максимом, поскольку думала, что я был единственным, кто мог пытаться тебя убить. Это взбесило меня, но я был полон решимости, найти тебя. Как только я это сделал, я обезумел от тебя не меньше, чем раньше, но за последние несколько дней, я понял, что уже слишком поздно.

Влад обхватил мое лицо, когда посмотрел на меня с такой интенсивностью, что мое сердце бешено заколотилось.

— Я люблю тебя, Лейла, и ничего нет важнее этого.

Никогда не знала, что радость может ощущаться физически, но я не могла объяснить ничем другим волну, охватившую меня с ног до головы. Мое горло сжалось, грудь распухла, а мои пальцы задрожали. Кроме того то, что уже давно было разрушено в моей душе, казалось, собралось воедино, и, хоть я не могла чувствовать это физически, это было столь же реальным и сильным.

— Я тоже люблю тебя, Влад.

Я бы сказала нечто большее, если бы его рот не заткнул меня страстным поцелуем, от которого я не могла сделать и вдоха.

Трудно думать было не только от страсти, но и от перемешавшейся мантры люблю-ты-нужен-мне-хочу-тебя!

Он поднял голову, и, невероятно, остановил меня, когда я начала расстегивать его рубашку.

— На это нет времени, — пробормотал он.

Я посмотрела на него с недоверием.

— У тебя есть более важные дела?

У меня их не было. На самом деле, если мои соски станут еще хоть чуточку тверже, ткань порвется в том месте, где их скрывал мой халат.

Он посмотрел вниз, как будто осуждал себя, а из его горла вырвался резкий рык.

— Не более важные, но мы оба будем очень заняты до церемонии сегодняшнего вечера.

— Церемонии? Какой церемонии?

Улыбка, которой он меня одарил, была отчасти радостной, отчасти дикой.

— Нашей свадьбы.

На долю секунды я подумала, что это все сон. Это должен был он быть, потому что он не мог вот так просто сказать, что мы женимся сегодня вечером.

— Я не согласна с этим.

Его улыбка исчезла.

— Ты говоришь, нет?

— Нет. Э-э, не нет, но, знаешь...

Я знала, что это не имело никакого смысла, но мой разум был охвачен вихрем радости, шока и неверия. В то же время, рациональная часть меня лопнула, *Возьми себя в руки, Лейла!* Еще одно потрясение и я волшебным образом превращусь в красавицу с Юга девятнадцатого века, раздувая в себе все это до тех пор, пока не начну, задыхаясь говорить «*Это все так неожиданно!*». Я дала себе мысленную затрещину и попыталась снова.

— Знаю, прежде чем мы расстались, с тем кольцом вышло недоразумение, но, как я уже говорила тебе тогда, я не собираюсь вытягивать из тебя предложение. Я хочу лишь, чтобы ты был открыт для любви.

Он засмеялся, останавливая меня на полуслове, поскольку это был не его чувственный смех и даже не пренебрежительный, этот смех превосходил все те, что я слышала раньше. Это было чем-то новым, и если бы мне пришлось его как-то назвать, я бы сказала, что он выходил из самого его центра.

— Как думаешь, что должно было произойти, когда ты заставила меня понять, что я влюблен в тебя? Разве мне не захотелось бы чего-то большего? Или просто заняться тем, чем мы только что занимались?

Еще один смех послал по моей коже гусиную рябь, несмотря на весь жар моего тела. Затем его смех исчез, и он наклонился, пока его рот не оказался в миллиметрах от моего.

— Как будто я бы согласился на что-либо меньшее, чем то, что сделало бы тебя полностью моей, и как можно скорее.

Он был так близко, что его лицо размылось, но его глаза никогда еще не блестели так ярко. Я закрыла веки и ничего не изменилось. Я все еще могла видеть его даже через защиту моих век.

— Я твоя, — прошептала я, и это было не просто заявлением. Это было обещанием.

Как я уже говорила, я прильнула к нему, желая больше, чем просто его руки на мне. Спустя несколько мгновений, он поцеловал меня с такой силой, что мои ноги подкосились. Когда я снова начала расстегивать его рубашку, он отстранился, его губы сжались в жестоко чувственной улыбке.

— Нет, если только ты выйдешь за меня.

Я улыбнулась.

— Используешь секс как шантаж?

Его улыбка стала еще шире.

— Кто сказал, что я буду играть по правилам?

Мои губы дрогнули, но мои слова были слишком серьезными, чтобы выдавать их как шутку.

— Я хочу выйти за тебя, Влад. Но сегодня это слишком скоро...

— Почему?

Ни намек на смех не окрасило этот вопрос. Слишком запоздало, я поняла, что он снова был серьезным. С этим знанием, моя внутренняя половинка Южной Красавицы вырвалась на поверхность.

— Потому что, это все так неожиданно!

После такого взрыва, даже Скарлетт О'Хара^[3] стала бы себя презирать, поэтому я попыталась все объяснить в более ясной форме.

— Я хочу, чтобы наша свадьба была особенной. У меня нет платья, у тебя нет лучшего друга, да и вместо цветов, у нас трупы на столбах, украшающие вход перед домом.

— Цветы в пути, как и мой лучший друг, три швеи готовы сделать тебе любое платье,

какое ты пожелаешь, и я прикажу снять трупы, — ответил он, не упуская ни одной детали. Если он уже нанял швею плюс цветы, а его лучший друг в пути, он не просто серьезно относился к желанию вступить со мной сегодня в брак. Он собирался это сделать.

Колоссальное перетягивание канатов начало борьбу внутри меня. Я любила Влада, и хотела провести остаток своей жизни с ним, у меня не было сомнений по этому поводу. Его высокомерие и сложный характер были по другую сторону, плюс мне никогда не удастся искоренить его привычку сажать на кол, в этом у меня тоже не было сомнений. Может ли измениться что-либо из выше сказанного? Нет, но поговорка «женился в спешке, пожалеешь на досуге» была известна по другой причине...

— Я уже говорил тебе, что уважаю традицию выкупа невесты? — спросил он небрежным тоном, как-будто его взгляд не сузился, прослушивая мои мысли. — На тот случай, если ты не слышала об этом, то выкуп невесты, это когда жених дарит своей новой жене подарок, — он отошел от нее. — Дар должен отражать стоимость места его невесты в жизни жениха. Ты ценна для меня настолько, что не важно, что бы ты не попросила, если это в моих силах, я сделаю это твоим.

Я застыла, услышав сначала его оскорбительное описание, будто Влад, думал, что мог преодолеть мои сомнения деньгами. Затем его слова стали такими ласковыми в последнем предложении, что они чуть ли не засветились так же ярко, как яблоко предлагаемое змеей Еве. *Чего как он думал, я хотела?* Он любил меня, это было моим самым большим желанием, и я не помню, чтобы хоть раз пела ему песенку в духе «продажной девочки»...

Меня осенило. Все, что в его силах, будет гарантированно сделано, независимо от того, чем это было. *Ты беспощаден, дьявольский ты мужчина,* подумала я, ошеломленная и восторженная им в одно, и тоже время.

— Дай угадаю, ты не заплатишь, пока я не выйду за тебя?

Лукавая улыбка растянула его губы.

— Правильно.

— Ты действительно не играешь по правилам, когда дело доходит до того чего ты хочешь, не так ли? — выдохнула я.

Его глаза заблестели.

— Ты даже не представляешь насколько.

Обещание и угроза. Это же описывало и мое решение, которое могло привести к невероятному блаженству, также как и потенциально неисправимому горю.

— Ты сказал мне, что хочешь жениться на мне, — сказала я, мой голос охрип от всех нахлынувших на меня чувств. — Но ты не спросил об этом меня.

Он, вероятно, даже не заметил. По его словам, между этими двумя предложениями не было разницы, и так было во многих вопросах в наших отношениях. *Понимаешь? Ты не можешь выйти за него замуж сегодня вечером или ночью, Вы двое никогда не будете вместе!* надрылся мой внутренний голос.

Влад уставился на меня, медь поглощала его взгляд, пока не осталось и капли изумрудного. Затем с тем же выражением смеси вызова и приглашения, он медленно опустился передо мной на колени.

— Лейла Далтон, моя единственная настоящая любовь, окажешь ли ты мне честь стать моей женой?

Я, наконец, смогла опустить Влада на колени, но во многих отношениях, он, никогда, не станет прогибаться. Я знала это так же, как знала, что всегда любила его, и все это оставляло

лишь один возможный ответ.

— Да, Влад, я выйду за тебя замуж. Сегодня вечером.

Мой ненавистный внутренний голос никогда не управлял моими действиями до этого. И я лучше буду проклятой, чем начну его слушать сейчас.

Теперь я знала, чем вчера был занят Влад, когда не пришел ко мне: готовился к свадьбе, о которой я даже не подозревала. Он не шутил о швеях, цветах, или всем остальном. Его люди со сверхъестественной скоростью устанавливали украшения, готовили еду, которой было бы достаточно, чтобы накормить целую армию, если судить по хаосу рядом с кухней, и зажгли столько свечей, что соседняя деревушка скоро пострадает от нехватки воска. В отличие от заиндигелости, что я испытывала раньше, теперь все люди Влада одаривали меня улыбками, и если еще один человек поклонится мне, я с полной уверенностью буду ожидать волшебным образом, выросшую на моей голове диадему.

Но прежде, чем выбрать платье или сделать что-либо из других пунктов в списке моих срочных дел, я должна была поговорить со своей семьей. Всей моей семьей, пусть с вампиром у меня и не было никакой кровной связи.

Влад сидел рядом со мной в Гобеленовой Комнате. Картины, отражающие средневековую жизнь, сражения, и природу были причудливо вплетены в огромные настенные покрытия. У потолка по краям были высеченные конструкции, отражающие сцены из гобеленов. Эффект был потрясающий, но не думаю, что мой отец в этот момент сможет это оценить. Он смотрел на меня с таким ужасом, который я видела на лицах людей, когда тем объявляли их смертный приговор.

— Ты выходишь за него замуж сегодня вечером? — На этот раз Гретхен была более вежлива. — Это объясняет беготню, словно их задницы в огне.

Лицо Марти было старательно пустым, но его взгляд скользнул между мной и Владом так, что вряд ли это можно было назвать радостью.

— К чему такая спешка? — спросила Гретхен. Затем она посмотрела на мой животик. — Ты же не беременна, да?

— Люди не могут зачать от вампиров, — ответила я. Это исказило черты лица моего отца, но для меня этот ответ был двойственным. Даже если бы Влад был человеком, я знала с подросткового возраста, что не смогу иметь детей. Ни один ребенок не сможет выжить в моем высоковольтном теле. Затем черты лица отца стали ещё жестче.

— Не ждите что я дам вам своё благословение на эту катастрофическую ошибку.

Слова были обращены ко мне, но ответил Влад.

— Я бы не стал вас оскорблять таким вопросом. Мы оба знаем, что вы не одобряете это, и мы оба знаем, что мне все равно. Решение Лейлы единственное, что имеет для меня значение, и она сказала да.

Мой отец бросил взгляд на расставленные предметы на серебряном подносе перед ним. Влад одарил его очаровательной улыбкой.

— Вам ни за что не добиться в этом успеха.

На секунду, я не понимала о чем это он. Но затем мой рот открылся.

— Папа! Ты же не думал заколоть моего жениха серебряным ножом!

Марти подскочил к моему отцу.

— Хью, успокойся, — пробормотал он, бросая осторожные взгляды на Влада. — Пойдем, прогуляемся, а?

— В этом нет необходимости, я не убью его, — сказал Влад в том же тоне, каким большинство людей привыкли говорить о погоде.

— Все слишком запутано, — пробормотала Гретхен. — У меня будет настоящий Дракула в шуринах.

Я не обращала на нее внимания, по-прежнему глядя на своего отца.

— Я, конечно, не ожидала, что ты будешь счастлив по этому поводу. Но и уж точно не ожидала, что ты пойдешь на убийство. Я жила с вампиром в течение долгих лет, помнишь? Они не так уж и отличаются от нас.

— Думаешь, я возражаю, потому что он вампир? — отрезал мой отец. — Если бы ты вышла за Марти, я дал бы свое благословение, потому что он хороший человек. Он, — его палец уткнулся в направлении Влада, — нет.

Я вздохнула.

— Ты видел те трупы на газоне, правда?

Мой отец испустил издевку.

— Как будто я не говорил тебе до этого. Я говорил тебе, Лейла, я могу читать людей, и без сомнения, Влад самый жестокий человек, которого я когда-либо встречал.

— Ты прав.

Влад не сменил расслабленной позы, и его гениальная улыбка не сходила с лица. Он махнул рукой в направлении Гретхен и Марти.

— Вы оба смирились с этой свадьбой, так что оставьте нас.

Гретхен встала, бросив взгляд на мою руку.

— По-прежнему нет кольца с бриллиантом. Вот что происходит, когда ты отдаешься слишком легко, сестренка.

Я закатила глаза.

— Если хочешь помочь мне с выбором фасона платья, давай встретимся в библиотеке через полчаса.

Марти посмотрел на меня долгим взглядом.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, малышка, — произнёс он. Затем он и Гретхен вышли из комнаты.

Я оглянулась на Влада, заметив, что он и мой отец смотрели друг на друга. Глаза Влада были нормального цвета темной меди, но даже без вампирской сущности, у Хью Далтона не было шанса.

— Папа, знаю, у тебя есть определенные сомнения по поводу Влада, но как только ты узнаешь его, уверена, что... — начала я, только для того, чтобы хихиканье Влада остановило меня.

— Это не поможет, ведь он прав. Я жестокий человек, и всегда им был. Когда я был вдвое моложе его и еще человеком, я пригласил к себе домой местную знать на праздник. И хоть я и убил их всех, пока они дожёвывали еду, я все равно считал тот вечер отличным.

— Заткнись, — пробормотала я.

Влад не обратил на меня внимания, встречаясь взглядом с суровыми голубыми глазами моего отца.

— Но кое-чего вы не знаете: я никогда не свершаю насилие без причины. Те дворяне предали моего отца, в результате его ослепили и похоронили заживо. Некоторые из них сами рыли его могилу, но все, же они пришли в мой дом без страха, потому что недооценивали меня. Вы этого не сделаете, что является одной из двух причин, за что я вас уважаю.

Затем он наклонился вперед, его улыбка угасла.

— Другая причина: лояльность. Вы видели, я богат, и у меня есть власть, но вы никогда

даже не думали воспользоваться вашими дочерьми, чтобы прихватить что-нибудь для себя.

— Это не лояльность. Это называется быть отцом, — вытиснул мой отец.

— Мой отец отдал меня и моего младшего брата своему злейшему врагу в обмен на политическую безопасность, — решительно сказал Влад. — С тех пор я прожил намного худшие века. Отцовство не та причина, почему вы цените своих дочерей больше, чем деньги, власть или даже исцеление вашей ноги, что я вполне могу сделать. Это верность, и я ожидаю, что вы будете соблюдать ее и впредь из-за той потери, после которой вы предали ее.

Я не знала, что потрясло меня больше — слова Влада, что он может исцелить покалеченную ногу моего отца, или его упоминание о прошлом прелюбодеянии моего отца. Влад знал об этом, потому что я до сих пор винила себя за смерть матери. Я рассказала ей о компрометирующем письме, которое обнаружила в сумке отца, лишь потому, что была зла на то, что она увозит меня от тренера, чтобы присоединится к отцу в Германии. В тринадцать лет меня заботило больше вступление в олимпийскую команду, чем страдания моей матери. Она оставила его, переехав к нашей тете, где она и умерла, пытаясь помочь мне, когда я коснулась линии вышедшей из строя.

Мой отец также выглядел ошеломленным, но затем он поднялся, тыча концом трости на Влада.

— Да, как ты смеешь.

Его голос дрожал от гнева. Но Влад даже не моргнул.

— Я смею, потому что не хочу, чтобы между нами возникло недоразумение. Я тот, кем вы меня считаете, но я люблю вашу дочь, а то, что я люблю, я буду защищать любым насилием, которое, как вы уже догадались, весьма значительно.

Наступила тишина, после того как Влад закончил говорить. Даже его персонал, должно быть, приостановился в своей лихорадочной подготовке, потому что я могла услышать даже, как летит муха в соседней комнате. Лицо моего отца было жестким, в то время как я вела внутреннюю дискуссию.

Он мог бы и не упоминать всех тех людей, которых убил...

Зачем? Поиск в Гугле показал бы тоже самое.

Прекрасно, но воспитывать отца...

Он был невежлив, высказывая свою точку зрения? Это же Влад Цепеш. Его споры обычно заканчиваются на конце длинного шеста.

Да, но эти двое станут семьей...

Ты слышала, как Влад описал свою семью? Он даже не добрался до той части, где его младший брат пытался его убить.

И так далее, и тому подобное. Как я и боялась, я превращалась в Голлума.

То, что я, наконец, сказала после длительной паузы, было следующим:

— Я не виню тебя за то, что ты расстроился, папа. Если бы моя дочь сказала, что выходит замуж за темного принца нежити, я бы тоже рассердилась. Тебе нет нужды его любить, или же давать свое согласие, но ты не сможешь остановить меня, и надеюсь... — Я сглотнула, пытаясь облегчить ком, внезапно образовавшийся в моем горле. — Я надеюсь, ты будешь на моей свадьбе.

Затем я подошла к нему и поцеловала в щеку, прежде чем покинуть комнату. Независимо от отца, Гретхен, или Марти, я приняла решение, у меня будет свадьба, и мне нужно к ней подготовиться.

В какой-то момент я почувствовала себя так, словно только что проснулась. Я не была девушкой в изысканном платье ручной работы, которое фея-крестная быстренько создала для моей свадьбы. Я была девушкой, потерявшей мать прежде, чем реально успела узнать ее, мечты которой разбиты, а семья на нее обижена. Я была той, кто не мог коснуться кого-либо без риска убить, кто утонул в темноте всех грехов, которые пришлось совершить из-за своих способностей.

Это не было похоже на девушку в зеркале. Лиф моего платья был сливочного цвета, шифоновая юбка — украшена кружевами и крошечными камушками измельченного жемчуга. Кружевной жакет-болеро оставлял декольте открытым, но закрывал шею и плечи, струясь по рукам, словно паутинка. Он доходил до пальцев, где вышивка скрывала длинный зигзагообразный шрам. Мои волосы были подняты и скреплены бриллиантовой заколкой. От заколки расходились свисающие жемчужные украшения, покрывающие прическу на затылке, свободном от вуали. Сейчас вуаль была отброшена для нанесения последних штрихов в макияже.

Нет, не было похоже, что девушка в зеркале страдает от одиночества, изоляции или видений худших людских делишек, которые те совершали друг с другом. Она выглядела счастливой. Можно даже осмелиться и назвать ее лучезарной. Было ли мое удивление моментом осознанием того, что она — это я?

В отражении зеркала появилась Гретхен.

— Даже не думай плакать во время клятвы. Ты испортишь свой макияж.

Комментарий сестры был возвратом к реальности от нереальности всей ситуации, но ведь это было прекрасно. Она была здесь, одетая в аметистовое атласное платье без бретелек, которое демонстрировало ее талию — мне не нужны были мои психические способности, чтобы сохранить в памяти ее образ. Ее черные волосы до плеч были распущены, добавляя образу сложности, а темный макияж на глазах, казалось, делал ее старше ее двадцати двух лет.

— Ты выглядишь потрясающе, — сказала я ей.

— Нет, — сказала смягчившимся голосом. — Это ты выглядишь потрясающе.

Она обняла меня и затрясла. Под слоем лака для волос и лосьоном для тела я уловила ее запах, лимона и морского бриза. Я вдохнула, зная, что никогда еще не сталкивалась с кем-нибудь, кто так думал о своей сестре.

Фыркнув, она меня отпустила.

— Ты что, только что меня понюхала?

Я глуповато кивнула.

— Кровь Влада, которую он мне дал, дает больше, чем мой экстра слух.

Еще одно фырканье.

— Ты знаешь, что с каждым днем становишься еще страннее? — затем она огляделась, но гениальные швеи уже уехали. — Ну и как я пахну, хорошо? Ты же не станешь просить меня прикупить или украсть духи ради этого места.

В доме, полном людей с супер обонятельными чувствами? Не стоит. Духи для вампиров все равно, что булава.

— Ты пахнешь хорошо, — заверила я ее.

Раздался стук в дверь. Гретхен открыла ее, на пороге стоял Марти. Он был одет в черный смокинг, должно быть сшитый недавно, поскольку у него не было ни одного, да и подходил он ему, как перчатка. Густые бакенбарды Марти теперь были аккуратно подстрижены, а черные волосы зачесаны назад, придавая его образу официальный вид.

— Пора, — произнёс он. Затем посмотрел на меня. — Ничего себе, малышка. Вы обе, — поспешно добавил он.

Я повернулась к Марти так, чтобы он смог увидеть весь мой наряд, делая это осторожно, чтобы не споткнуться о подол.

— Я все еще не могу поверить, как Синид, Фрэнсис и Бертис смогли сшить это за шесть часов. Эти вампирши шили так быстро, что едва ли не загорелись.

Мой голос затих, когда за Марти показался кто-то еще. На Хью Далтоне тоже был смокинг, и серо-черные волосы тоже были подстрижены. Черты его лица выглядели острее, но сжатые губы смягчились, когда он посмотрел на меня.

— Независимо от того, что я думаю обо всем этом, Лейла, ты моя дочь, так что ты не пойдешь к алтарю в одиночку.

Я сглотнула. Гретхен прошипела «Макияж на глазах!» и толкнула меня, но ее глаза тоже обрели новый блеск.

Прошло много времени с тех пор, как мы делали что-либо вместе, как семья. Марти взял Гретхен под руку.

— Давай, красавица. Я покажу тебе, куда идти.

Она напоследок подправила свои волосы, а затем подарила мне воздушный поцелуй.

— До скорой встречи, сестренка.

Эти двое ушли. Отец продолжал смотреть на меня. Затем он вздохнул, и этот вздох, казалось, вышел из самой его глубины.

— Ты уверена, что хочешь это сделать?

— Уверена, — подтвердила я ровным голосом.

Он взял меня за руку. Новые защитные перчатки цвета слоновой кости покрывали мои запястья, поглощая ток, но он скрыл свое ожидание удара током за натянутой улыбкой.

— Я боялся, что ты так скажешь.

Я с трудом узнала третий этаж. Обычная мебель исчезла, а темные стены были покрыты белым шелком. Еще больше шелка свисало с потолка, создавая эффект элегантного шатра. В коридоре были цветы, обернутые вокруг белого факельного камня, находившегося между полированными щитами. Эти щиты ловили блики огня и отражали их, озаряя весь коридор золотым сиянием. Аромат, который уловил мой недавно ставший чувствительным нос, сделал воздух тяжелее и слаще. Идти по этому месту было сродни прогулке по зачарованному туннелю.

Марти и Гретхен вошли в главные двери зала. Отец и я следовали за ними, и когда мы появились в проходе, заиграла органная музыка, и у меня перехватило дыхание.

Дыхание мое перехватило не из-за нового вида зала, хотя он и преобразился с возвышающимися столбами из белых роз и массивными антикварными люстрами с сотнями пылающих свечей, превращающих комнату в фантастическую готическую картинку. Дело было в лицах, выстроившихся на нашем пути. Там, должно быть, было около двух тысяч человек, море черных смокингов перемежалось всплесками ярких цветов вечерних платьев женщин.

Влад что, пригласил сюда весь город? в недоверии задалась я вопросом.

Эта мысль исчезла, как только я мельком увидела жениха. Влад стоял на белом помосте, в нескольких футах над ним висели переплетающиеся железные лозы. На нем не было смокинга. На нем было нечто более изящное. Его плечи покрывала плотно облегающая накидка цвета черного дерева, напоминая мне то, что носили короли на официальных церемониях. Она застегивалась на шее, высокий воротник обрамлял его волевою челюстью. Штаны были также черными, а плащ, накинутый на плечи и ниспадающий к ногам — алым. Края его были отделаны вышивкой, широкая золотая цепью скрепляла их вместе, а на груди висел золотой струящийся кулон размером с кулак Влада.

Короче говоря, он был великолепен.

Я шла по проходу, едва замечая кого-либо другого. Даже давление руки отца исчезло. Волосы Влада были полностью зачесаны назад, открывая его неширокий лоб. Отсутствие там темных волн придавало его образу сто-то особенное, его сильные брови, высокие скулы и, что было гораздо более поразительным, его медные глаза, которые, казалось, проникали в мою душу.

Иди ко мне, командовал он молча. Даже если бы я захотела отказаться, не думаю, что смогла бы.

Я была в двадцати футах от огня, когда стала подниматься вверх к железному куполу, проходя под всей этой сложной резьбой в виде виноградной лозы. Отец остановился и жестче сжал мне руку, удерживая меня.

— Лейла...

— Все в порядке, — сказала я. Я никогда не стану бояться огня рядом с Владом.

Затем я позволила своей руке выскользнуть из захвата отца и прошла последние несколько шагов в одиночку. Навес продолжал пылать, но ни одной случайной искры не упало на землю. К тому моменту, когда я поднялась на вершину и взяла руку Влада, железо озарило интенсивное пламя, и металлический навес над нами превратился в расплавленное золото.

Сказать, что я навсегда запомню этот момент, было бы преуменьшением.

Я была так ослеплена, что потребовалась секунда, чтобы осознать, что на помосте есть еще одна лестница. Седой мужчина в белой одежде поднялся к нам. Он перекрестился, начиная напевать что-то на латыни. Как только он закончил, все в унисон сели. Такая координация говорила мне, что большинство наших гостей, должно быть, вампиры.

Я понятия не имела, что у тебя так много друзей! пролетело в моей голове, прежде чем я поняла, как это прозвучало.

Рот Влада изогнулся. После чего магистр? священник? начал говорить на английском языке, поэтому я, наконец, стала его понимать.

— Дорогие друзья, — начал он с сильным итальянским акцентом. — Мы собрались здесь сегодня, чтобы наблюдать, как этот мужчина и эта женщина соединятся священными узами брака.

С моими способностями я пережила множество свадеб. Я также пережила достаточно разводов, чтобы вполне понимать, что те обеты, что мы собираемся сегодня дать, будут содержать в себе пятьдесят процентов неудачи, но это не запугает меня. Я сталкивалась с подобными шансами и раньше, и Влад в этом бою побеждал.

Он улыбнулся, так сложно и так чувственно.

— Не только этот бой, — пробормотал он. — Теперь мы вместе навсегда. Это лишь

первая церемония, которая нам предстоит.

Первая церемония? задалась я вопросом, но затем священник сказал:

— У вас есть кольца? — и я замерла. За всей суматохой этого дня я забыла, что у нас не было колец. *И что теперь?* К моему удивлению, Гретхен взошла на помост в сопровождении Менчереса. Длинноволосый египтянин, должно быть, был шафером Влада. Он передал что-то Владу, а сестра взяла мой букет, при этом положив что-то мне в руку.

Я посмотрела вниз, с облегчением увидев скрученную полоску золота, формирующую необычного вида кольцо. Затем любопытство взяло во мне вверх, и я взглянула на закрытую руку Влада. Какое кольцо ему дали для меня?

— Наденьте кольцо на ее руку, — указал священник. — Согласны ли вы, Владислав Басараб, взять эту женщину, Лейлу Далтон, в свои жены...

Слова размылись в белом шуме, когда я увидела широкое золотое кольцо, которое Влад одел на мой палец — оно было украшено драгоценными камнями с драконом, красующимся на поверхности. Мне не нужно было смотреть на Влада, чтобы получить какие-то пояснения. Я чувствовала пульсирующую сущность древних принцесс, носивших его до того, как Влад вручил его мне.

Он дал мне не обычное кольцо с бриллиантом. Он дал мне кольцо с королевской печатью линии Дракулы, изменив его размеры до моего пальца.

Я больше не слышала слов священника, но слышала слова Влада: *«Я согласен»*, сначала на английском, а затем на румынском языке. Мгновенный рев зрителей поразил меня, вырывая из охватившего меня шока. *Им было сложно не восхититься нашими обетами?*

Затем настала моя очередь, и я надела кольцо на руку Влада, когда обещала любить, уважать и лелеять его.

За моими словами никакого рева не последовало. На самом деле, когда священник заявил, что, если кто-нибудь возражает против нашего союза, то он должен заговорить сейчас или умолкнуть навсегда, воцарилось абсолютное молчание.

К моему облегчению, ни отец, ни Марти не заговорили. В противном случае кто-нибудь со стороны жениха, возможно, мог бы заставить их замолчать «навсегда» прямо на этом месте.

Затем прозвучали слова, которые я никогда не надеялась услышать — *муж и жена* — и последовал жгучий поцелуй, какого я никогда не смогу забыть.

На этот раз крики были оглушительными.

Я узнала, кем были девяносто пять процентов гостей, принимая от них поздравления. Первое поколение членов линии Влада — те вампиры, которых он обратил лично. Судя по всему, его линия настолько велика, что даже огромный дом не мог вместить всех вампиров, которых изменили его люди. Судя по разнообразию их акцентов, бессмертное потомство Влада было родом со всего мира. Они все должно быть спешили сюда сегодня вечером.

С другой стороны, они, возможно, просто боялись не сделать этого. Я не могла посмотреть на Влада, принимая все высказывания о том, как неприемлемо было бы пропустить его свадьбу.

Огромное количество гостей означало, что я провела первые три часа, протягивая свою руку в перчатке и улавливая имена, которые я никогда бы не запомнила. Следующий час прошел за праздничным столом, который был заполнен столь массивно, что соседний город мог бы питаться остатками в течение нескольких дней. Затем настала очередь лавины тостов, после которых я стала лишь делать вид, что пью, иначе был бы велик риск напиться на собственной свадьбе.

У Гретхен с этим проблем не было. Она выпивала все и уже перешла к стадии *это-я-или-комната-стала-кружиться?* Отец оставался с ней рядом, наблюдая за тем, чтобы любой бессмертный мужчина не посмотрел на нее дважды. Он не произнес тост, но продолжал тут оставаться.

Гигантские часы пробили два часа ночи, когда Влад поднялся и протянул мне руку. Я взяла ее, удивляясь хору ура, следовавшему за этим. *Это было сигналом того, что мы уходим отсюда?* Я надеялась на это. Запас сил начал увядать, и мне не хотелось тратить последние их толики здесь, на этом потрясающе щедром приеме.

Влад низко засмеялся.

— Поверь мне, тебе не придется.

Под аккомпанемент одобрений и довольно большего количества смешков он подхватил меня на руки. У меня даже не было шанса пожелать им спокойной ночи, как мы уже вышли из зала и поднялись по лестнице. Затем коридор размылся, завершаясь дверями, закрывающимися позади нас.

Не я пронесла кого-то около ста метров меньше чем за пять секунд, но мое сердце билось так, словно было иначе. Забывая о своей скорости, Влад позволил моему телу медленно сползать вниз, дюйм за дразнящим дюймом, пока не поставил на ноги. Все это время он смотрел на меня с такой интенсивностью, что, казалось, любые слова были бы оскорбительными.

Я забыла о тысяче людей со сверхъестественным слухом, находящейся на один этаж ниже нас. Меня не волновало, что где-то была женщина-вампир и другие потенциальные убийцы, которые могли узнать, что я жива и вышла за Влада. Под тяжестью его взгляда все это исчезало, пока не осталось ничего, кроме нас двоих.

Влад снял золотую цепь, удерживающую его царственный плащ на месте, и он с приглушенным стуком упал на пол. Я вытащила заколку, скреплявшую волосы, и откинула пенистое кружево, упавшее к ногам в том же темпе, как волосы рассыпались по плечам.

Его руки обхватили меня своей темной тяжестью, сползая к скрытой застежке на спине. Я втянула воздух, когда кружево и шифон сменились жгучим прикосновением его пальцев.

Затем попыталась скинуть его пиджак, но перчатки были слишком громоздкими. Я сняла их, но прежде чем успела поймать кольцо, слетевшее вместе с ними, это сделал Влад. Зелень озарила его глаза, когда он надел его на мой голый палец.

Затем он рукой прошелся по своей груди, как по мановению волшебной палочки срывая застёжки. У меня было лишь мгновение, чтобы увидеть его в рубашке, прежде чем исчезла и она, а он остался голым до пояса. Я впилась глазами в его мускулистую грудь, покрытую дорожкой темных волос и многочисленными шрамами. Влад был похож на воина, который пробивал себе путь через сражения, ставшие смертельными для множества мужчин. Его бурлящая мужественность и присущая ему опасность не уменьшились без одежды. Они только усилились, и я ничего не могла с собой поделать., Когда я протянула руку и коснулась его упругой и горячей плоти, у меня вырвался стон.

Он стянул платье мне с плеч, и опустил рукава, оставив в бюстгальтере, трусиках и шелковых чулках. Я не была полностью обнажена, но когда он охватил меня взглядом, почувствовала себя более уязвимой, чем когда-либо раньше. Влад, казалось, смотрел сквозь кожу прямо мне в душу, которую я никогда ни с кем не делила, и в этот момент он стал моим.

Я смотрела на него с равным ему чувством собственника. Что бы Влад ни сделал, кем бы ни был прежде, и кем ни будет в будущем, он мой. Если все еще будет выстраивать щит над своим сердцем, я разрушу его или потребую открыть.

— Я вся твоя, — тихо сказала я ему, — но в ответ я возьму всего тебя.

Его улыбка была чувственной и многогранной, от которой я переполнилась решимостью сдержать это обещание. Он обхватил меня, его голая кожа окутала мою плоть теплом. Он поднял меня над упавшим платьем, и его губы встретились с моими.

Влад ощущался как шампанское с кровью, которую он пустил клыком, прокусив свой язык. Боль вспыхнула, когда он сделал то же с моим языком, хотя его кровь и исцелила меня почти мгновенно. Однако этот медный вкус усилился, и когда я в отвращении инстинктивно отстранилась, он сжал мои пальцы.

— Я думал, что «всего тебя» включает обмен кровью друг с другом.

Уже проверял мою клятву. Я не ожидала меньшего, но если он думал, что я выброшу белый флаг, он ошибался.

— Не сдерживай эмоций.

Я почувствовала, как он улыбнулся у моих губ.

— И не намерена.

Затем он взял меня на руки и повел нас не к постели, а к камину. Он поставил меня на толстую меховую подстилку перед ним, его глаза удерживали мои, пока он снимал свои ботинки и мои чулки.

Я потянулась к его штанам, но он перехватил мои руки, удерживая их над головой, пока расстегивал бюстгальтер.

Мое дыхание участилось, когда он отступил, оставив меня без всего, кроме трусиков. Голод в его взгляде заставил мои соски напрячься, и когда он опустился ниже, я почти почувствовала, как кровь забурлила.

Желание охватило каждую частицу моего тела, я хотела ощутить его член в том месте, которое, казалось, пульсировало в своем собственном ритме. В последний раз я чувствовала его в себе уже так давно. Я не хотела больше ждать ни секунды.

Я попыталась притянуть Влада к себе, но его хватка на запястьях стала жестче.

— Пока нет.

Я не была согласна, а он, возможно, и удерживал мне руки, но не ноги. Я обхватила его бедрами и потерлась об него своей нижней частью. Когда я задвигалась по его толстой напряженной плоти, у него перехватило дыхание. Его низкий смех был столь эротичным, сколь и угрожающим.

— Ты будешь наслаждаться, сожалея об этом.

Его рот опустился. Горячий, влажный язык сделал быстрые круги вокруг моих сосков. Он отпустил мои запястья, чтобы погладить попку, а затем медленно опустить трусики вниз по ногам. Однако каждый раз, когда я тянулась к его штанам, он блокировал меня с низким смешком. Как только трусики были сняты, он прижался к моей спине, охватывая меня своим теплом. У меня было несколько мгновений, чтобы насладиться его тяжестью, ощущением его мышц, и тем, как чувственно волоски на его груди дразнили мои соски, прежде чем его рот запечатался на моей груди. Он посасывал ее, пока покалывание не превратилось в пульсирование, и когда я почувствовала, как его клыки удлинились, я выгнулась в молчаливом приглашении.

Последовавшее удовольствие охватило меня мгновенно, намного быстрее, чем у меня успел вырваться стон. Затем меня затопило тепло — следствие крошечных капелек яда в его клыках. Он начал яростнее посасывать меня, прежде чем облизал и перетянул на себя, усаживая сверху и переключаясь на другую грудь.

Он занялся ею с такой страстью, что я вцепилась в него в растущей потребности. Я позволила своим ногам соскальзывать вниз, пока не оседлала его, и когда его твердость, выступающая в штанах, задела клитор, от охвативших меня ощущений из рук выстрелили искры.

В тот же миг мою грудь окутала теплота, а сосок почти, что эротически загорелся. Моя голова откинулась, а из горла вырвался животный призыв. Влад схватил меня за бедра, притягивая ближе. Он выгнулся вперед, увеличивая трение, пока его клыки проникали глубже.

Двойного потока удовольствия было слишком много. Когда тысячи нервных окончаний сжались в одно мгновение, я закричала. Этот крик превратился в стон, когда меня захлестнул экстаз, превращаясь в сладкую необходимость освобождения. Мой пульс был оглушительным, пока блаженство медленно охватывало руки и ноги, отчего те казались тяжелее. Рот Влада оставил мою грудь после последнего движения языка. Он скользнул по жгучему следу на плече и шее, а потом поцеловал меня, прижимая спиной к шелковистому меху. На этот раз я не заметила во рту медного вкуса. Я была слишком сосредоточена на пути, проделанном его языком, ощущении его твердой груди напротив моих чрезмерно чувствительных сосков, и желании, которое вспыхнуло заново, когда он снял штаны.

Я раздвинула ноги и застонала, когда он обхватил мои бедра и притянул к своим. Предвкушение заставило мои внутренние мышцы сжаться, отчего я увлажнилась еще сильнее. Когда он протянул руку, и пальцы вторглись в мою сердцевину, я схватила его и выгнулась в приглашении и требовании большего.

Его смешок затерялся в еще одном огненном поцелуе. Пальцы вошли еще глубже, усиливая агонию, которая началась навстречу его руке. Он приглушил мои вздохи, продолжив целовать с растущей яростью, его хищный рот полностью поглощал меня губами и языком. Затем его рука остановилась в чувственной муке и скользнула по моим бедрам, приподнимая меня.

Я была более чем готова, но он был большим, и мне потребовалось некоторое время. Мои внутренние стенки растягивались, когда он проникал глубже, и когда вошел внутрь на всю длину, у меня вырвалось нечто сродни рыданию.

Его рука покинула мое бедро и запуталась в волосах, большой палец ласкал мою челюсть. Поцелуи тоже изменились, соответствуя его медлительности, с которой он начал выходить из меня. Мое тело еще не полностью приспособилось, но я обернула свои ноги вокруг него и в одно мгновение отправила его обратно.

Не останавливайся и не сдерживайся.

Звук, который он издал, был жестче, чем стон, и первобытней, чем рычание. Он выгнулся вперед, а клыки погрузились в мое горло.

Оба места вспыхнули от чувственной боли, которая подавилась расплавленным блаженством. У меня не было шанса закричать перед очередным укусом и толчком, которые послали по мне более сокрушительные ощущения. Мои руки скользили по спине, электричество, которое я не могла сейчас контролировать, хлынуло в него. От этого он еще жестче обхватил меня, продолжая двигаться внутри, делая восторженно грубые удары. К тому времени я поняла, что он прекратил меня кусать, но мне было все равно. Он мог продолжать пить, пока во мне не останется ни одной капли. До тех пор, пока я буду его чувствовать, я это приветствовала.

Мои чувства обострились от нарастающего наслаждения. Запах дыма и специй, исходящий от Влада, никогда еще не был столь опьяняющим. Его тело опаляло, мускулистые бедра были тверже камня, а рот был насильственным захватчиком. Я чувствовала, как потерялась в нем, и когда невероятные спазмы вывернули меня наизнанку, меня наполнила странного рода уязвимость. Он хотел получить всю меня, и я дала ему это. *Означает ли это, что от меня больше ничего не осталось?*

— Нет, — прошептал он голосом, полным страсти. — У тебя есть я, и я тебя люблю.

Он поцеловал меня, двигаясь еще быстрее, и реальность снова размылась. К тому времени, как он достиг мощной кульминации, я не могла вспомнить, чем была так обеспокоена. Потеряла ли я себя или нет, это хорошо, ведь это стоило любой цены.

Вчера я проснулась в лазарете с разбитым сердцем в груди. Сегодня я проснулась в постели Влада как миссис Дракула. Какая большая разница между двумя днями.

— Если ты будешь представляться кому-нибудь как миссис Дракула, я укушу тебя так, что ты не станешь этим наслаждаться.

Я улыбнулась, не открывая глаз. Некоторые вещи не менялись, как и сварливость Влада, когда он просыпался.

— Дрожу от страха.

— Ты и должна, и я скоро буду, моя прекрасная невеста.

Теперь я открыла глаза. К моему разочарованию, Влад был одет и сидел в кресле с накидкой на коленях. Он встал и подошел ко мне, выражение его лица было настолько серьезным, что я напряглась.

— Что случилось?

— Просто прочитал несколько электронных писем, — сказал он, пока его пальцы мелькали по крошечной клавиатуре. Затем он показал это мне.

Кто-то в этом доме предал меня.

Я втянула воздух. Ироническая улыбка скривила его рот, когда он напечатал что-то еще и снова показал мне.

То есть помимо Максима.

Я проигнорировала последнюю строчку. *Откуда ты знаешь?* подумала я.

Более быстрый ввод. *Я стал подозрительным, когда мои сотрудники отследили сотовый Максима в том отеле, где его подстрелил Ганнибал. Ты говорила, что Ганнибал знал подробности о твоей силе, в которые были посвящены лишь члены этой семьи. Окончательное доказательство — электронное письмо, которое только что отправил мне Менчерес. Он подтверждает, что просочилось намного больше компрометирующей информации, которая может исходить только от кого-то отсюда.*

Я не особо заикливалась на знаниях Ганнибала, но мое похищение, смерть, коматозное состояние, свадьба с Владом произошли менее чем за одну неделю, так что это совсем вылетело из головы.

Но очевидно, не у Влада. *Ты знаешь, кто это?*

Его глаза сузились, прежде чем он набрал следующую фразу. *Разве я сейчас кого-то пытаю?*

Это правда, и в то же самое время детали о моих способностях не могли достигнуть неправильных ушей случайно. Рассказавший боссу Ганнибала обо мне и Максиме явно не просто оговорился. Затем до меня дошло значение сообщений Влада. *Ты думаешь, что этот кто-то находится на нашем этаже.*

У вампиров отличных слух, но спальня Влада была изолирована лучше, чем любая другая комната. Кроме того, его дом всегда полон людей, что означает огромное количество фоновых шумов. Если бы Влад не думал, что предатель поблизости, он не стал бы писать, а говорил все вслух.

И на этом этаже были комнаты лишь самых доверенных людей.

Я поморщилась. *Мне очень жаль.*

Не жалея меня, набрал он молниеносно. Пожалей человека, который умрет страшной

смертью, как только я узнаю, кто он.

Я бы, наверное, пожалела его раньше, но сейчас мы должны его найти. Я подняла правую руку с мрачной целеустремленностью.

Я помогу тебе найти его.

Влад посмотрел на меня, холодное выражение его лица стало непостижимым. А когда я увидела ответ, набранный им, то прочитала его трижды, но все равно не могла поверить в то, что он означал.

Пока ты остаешься человеком, ты не будешь этого делать.

Я спускалась по узкой лестнице в подземелье, охранники, которых мне раньше пришлось обмануть, кланялись мне. Марти шел впереди меня, к его поясу были прикреплены две изогнутые серебряные сабли. Лезвия доставали до его колен, отчего он выглядел почти смешным, но я знала, насколько Марти быстр. Влад тоже знал об этом. Вот почему Марти был сейчас моим телохранителем.

Я не хотела, чтобы Влад сопровождал меня, по нескольким причинам — помимо борьбы, которую мы только что начали. Я знала, наш брак будет бурным, но не ожидала, что мы начнем свой спарринг раньше, чем через двадцать четыре часа после того, как сказали «да».

Что ты там говорила об огромной разнице в днях? издевался надо мной проклятый внутренний голос. Факелы давали мне достаточно света, чтобы я могла видеть, куда иду. Наручники на каменном монолите сейчас были пусты, как и оковы перед ним. Что бы это ни означало, я не была в этом уверена, да и не хотела спрашивать.

— Сюда, — сказал Марти, поворачивая в проход справа.

Я не рисковала раньше посещать эту часть подземелья, и, увидев следующую камеру, поняла, что никогда не захочу сюда вернуться. Орудия пыток были как древними, так и новейших технологий, в комплекте с ужасными аксессуарами, бросавшими вызов даже моим способностям вообразить то, как их использовали. По сравнению с этой частью подземелья, та, с пиками, выглядела чем-то вроде зала ожидания.

— Чумовой вид, правда? — хмыкнул Марти. — Когда ты заключенный, первым делом они устраивают этот великолепный тур. Затем с мыслями о том, что ты видел, на тебя одевают наручники, прикрепленные к каменной стене. Потом приходит очередь пик, где начинается волна вопросов. Если, на их радость, ты не отвечаешь, тебя отправляют сюда, где стимулов дать ответ чуточку побольше.

Я с дрожью оглянулась вокруг. Зачем кто-то из людей Влада предал его, зная, что если он попадется, то угодит в эту небольшую частичку ада?

С другой стороны, я была здесь именно для того, чтобы увидеть того, кто это сделал.

Марти провел меня мимо холодного машинного отделения к другому проходу. Там было небольшое пространство, как в прихожей. В скале выделялись прутья клеток.

Большинство из них были такой же высоты, как Марти, отчего те, кто внутри, не смогли бы даже встать. Эта часть подземелья была еще холоднее. Моя бирюзовая юбка прикрывала лодыжки, а руки закрывали длинные рукава, но мне все равно следовало прихватить с собой пальто.

Когда я проходила мимо мелких клеток, в них ничто не шевелилось. Они, как и остальная часть подземелий до сих пор, казалось, были пусты.

Поэтому я просто не могла не спросить.

— Ты не знаешь, где заключенные?

Марти открыл рот, но другой голос опередил его.

— Влад казнил их всех в честь своей свадьбы.

Тон Максима был тяжелее, чем каменные стены, окружающие нас. Я сглотнула, а затем прошла до конца дорожки, где находилась последняя клетка обычного размера, *хоть что-то*.

— Как великодушно.

Это был не сарказм. Я бы предпочла умереть, чем испытать все то, что могло предложить это подземелье, и если кто-то настолько обидел Влада, что в конечном итоге оказался здесь, то смерть была единственным выходом.

Ну, почти единственным.

Максим появился в поле зрения, как только я подобралась ближе. С последнего раза, когда я его видела, он получил новую одежду, но волосы все еще были красноватыми от засохшей на нем крови. Он прислонился к своей клетке, его серый взгляд зажегся зеленым. Затем он посмотрел на кольцо на моем пальце в перчатках, и уголки его рта опустились вниз.

— Я принес бы свои поздравления, но мы оба знаем, что я бы солгал.

Я положила руки на решетку.

— Учитывая то, где ты находишься, я тебя не виню.

— Не поэтому.

Быстро, словно змея, он обхватил мои руки своими. Его пальцы сжались, не давая мне отступить.

— После вашего разрыва я думал, что Влад все еще зациклен на тебе, потому что закончила все именно ты. Но затем он привел к той лодке Менчереса, несмотря на то, что обращение за помощью к другому мастеру для спасения своего человека могло показать его слабым. И тогда я понял.

— Понял что?

— Что он любит тебя, — Максим сказал это таким тоном, каким большинство людей сообщают ужасные известия. Мой рот изогнулся.

— Да, он сказал мне об этом. Даже если бы он не сказал этого, предложение, сделанное мне, говорит само за себя.

Максим издал резкий звук, выпуская мои руки.

— Ты все романтизируешь, но вот ты сейчас здесь. Он не позволил своей первой жене оставить его. Почему, как ты думаешь, она прыгнула с крыши?

— Потому что думала, что он мертв, а армия в пути, чтобы заточить ее в неволе.

Даже Википедия знает об этом.

— И поэтому она оставила своего маленького сына встречать их? — спросил Максим, отстраняясь назад. — Я так не думаю. Он был всем миром Клары.

Я ничего не сказала, поглощая два факта, о которых я не знала раньше. Во-первых, Влад никогда не говорил мне имени своей первой жены, а история забыла его. Но другая деталь была более значительной.

— Ты знал ее.

Мрачная улыбка скользнула по его губам.

— Я был одним из охранников Клары, которых она привезла с собой в новый дом мужа.

Слова Влада, сказанные накануне, прозвучали в моей голове. *Мои действия привели ее в ужас так, как они уже ужасают тебя... Не наступающая армия заставила ее броситься с*

крыши. Это был я...

Об этом и говорил Максим, не так ли? Первая жена Влада покончила с собой, потому что смерть была единственным способом избавиться от него?

Я сделала глубокий вдох.

— Какими бы ни были ее причины, я не она. Я знаю темную сторону Влада и могу с ней справиться.

Максим вздохнул.

— Можешь ли? Твои шрамы на запястьях ясно говорят, что однажды ты уже поддалась темноте.

Я застыла.

— Если ты думаешь, что Влад такой ужасный человек, почему ты оставался с ним все эти годы?

Его смех был глухим.

— Ты не понимаешь. Я люблю Влада, и я бы с радостью умер за него. Но всякий раз, когда он любит что-то, он заканчивает уничтожением этого. Он ничего не сможет с собой поделаться. Это его природа.

Марти окинул меня тяжелым взглядом. Очевидно, у него были те же мысли, но он сказал только:

— Делай то, ради чего пришла.

Я смотрела на Максима, пока набирала цифры на клавиатуре вне камеры. Подземелье могло выглядеть средневековым, но в нем были все удобства современной тюрьмы. Решетка с мягким свистом исчезла в скале.

Максим не двигался.

— Что это?

— Выкуп невесты, — сказала я хладнокровно. — Влад сказал мне, что я могу назвать все, что захочу. Я выбрала твою свободу, хотя он и так знал, что я выберу.

Максим по-прежнему не двигался. Я отстранила руку.

— Если ты ждешь красной ковровой дорожки, ее не будет.

Очень медленно он вышел из своей камеры, оглядываясь по сторонам, как будто ожидая град серебряных ножей, которые могли обрушиться на него в любой момент. Цель достигнута, я развернулась на каблуках и отошла.

— Так как я, вероятно, не увижу тебя вновь, спасибо за спасение моей жизни. И даже сейчас, удачи тебе во всем остальном.

— Подожди.

Холодные пальцы сомкнулись на моем плече. Я развернулась, гнев, омрачавший меня, заставил сразу же сдернуть перчатку.

— Отпусти меня, или я воспользуюсь этим.

Максим опустил руку, смесь разочарования и сочувствия искажала его черты.

— Лейла, если бы я знал прежде, что Влад действительно чувствует к тебе, я бы не...

— Не стал бы убеждать меня, что он может стоять за взрывом? Не солгал бы ему о том, что я жива? Или не стал бы продолжать попытки переспать со мной?

— Все это, — ответил он ровно. — Но тебе все равно нужно быть осторожной. Ты не знаешь его так, как знаю я.

Он прав, ты его не знаешь, ненавистно зашептал мой внутренний голос.

Я снова отвернулась. Была ли я зла на Влада или нет, я не собиралась выслушивать о

нем мерзости.

— Он позволил тебе уйти отсюда, Максим. Спорим, ты не веришь в это, поэтому, может, ты не знаешь его так, как думаешь.

Судя по количеству гостей на свадьбе вчера вечером, в доме должно быть полно народу. Вместо этого все выглядело нормальным, что было для меня большим облегчением. Я не была готова к светским беседам с несколькими сотнями незнакомых людей. Вопреки распространенному мнению, я знала, с чем могу и с чем не могу справиться. Даже несмотря на то, что я была человеком в окружении вампиров, которые существовали дольше, чем я прожила, все равно я была самой себе лучшей судьей.

— Спасибо, Марти, — сказала я, когда мы достигли подножия главной лестницы. — Теперь я вернусь в свою комнату.

— Прямо туда? — спросил он и его взгляд сузился.

Я надеялась, что он не почувствовал запах лжи, когда ответила:

— Конечно.

В ответ он одарил меня еще одним подозрительным взглядом и ушел.

Когда я поспешила вверх по парадной лестнице, в моем сознании гремела песня «IceIceBaby». Может Влад и попытается пробиться, однако его попытка услышать мои истинные мысли провалится. Тем не менее, у меня не так много времени. Вскоре Влад все поймет, ведь мой прощальный визит к Максиму закончился двадцать минут назад.

Я поднялась на четвертый этаж, но вместо того, чтобы направиться в свою новую спальню, зашла в прихожую, в которую никогда раньше не приходила. Где-то на этом уровне была сущность, оставленная предателем. Я стянула свою правую перчатку и взялась голой рукой за первую попавшуюся дверную ручку.

Мой разум затопил образ Оскара. Помимо остатков усталости вампира-альбиноса, когда он входил в свой номер, тут ничего больше не было. Я выпустила ручку, быстро проверяя свое состояние.

Никакого головокружения или кровотечения из носа, все хорошо. Моя сила не довела меня до опасной зоны, так что можно было переходить к следующей двери.

Это оказался старый номер Лахлана, бесполезно, его убили в засаде Шилагая много месяцев назад. После очередной проверки здоровья, я опять не обнаружила каких-либо предупреждающих знаков, так что чувствовала себя достаточно комфортно, чтобы попытаться с третьей ручкой.

Это была комната Максима, и его ручка запечатлела в себе глубокое одиночество, которое выжгло весь мой гнев на его мрачные прогнозы. Была ли еще причина, почему он солгал Владу обо мне? Или все из-за желания быть с женщиной, а не проводить свои ночи в болезненном одиночестве?

Я отпустила ручку. По тем или иным причинам Максим сделал то, что сделал, и у меня не было времени задумываться, почему. Я пошла к четвертой двери, но прежде чем успела прикоснуться к ручке, дверь открылась. Шрапнель усталости уставился на меня, его черты исказило удивление.

— Лейла. Что ты делаешь?

Я отдернула руку.

— Ну, я...

Дверь комнаты Максима открылась, и меня окликнули по имени, но это был не он. Оттуда вышла красивая рыжеволосая женщина.

— Я же сказала, чтобы ты ждала меня у третьей двери, Лейла, — произнесла она, одарив Шрапнеля сверкающей улыбкой. — Не то чтобы в таком огромном доме нельзя заблудиться.

Я впервые встретила ее несколько месяцев назад. Влад представил ее как подругу, и именно поэтому она была одной из гостей на свадьбе, но хоть убей, я не могла вспомнить ее имени. Тем не менее я одарила Шрапнеля пожатием плеч и ухватилась за оправдание, пряча руку в карман юбки. Он пойдет прямо к Владу, если узнает, чем я действительно занималась.

— К сожалению, я наткнулась не на ту дверь, — потом обратилась к рыжей: — Готова?

Она сверкнула ослепительной дружелюбной улыбкой.

— Конечно.

Сравнение ее с куклой Барби вернулось мне на память. Точно, ее звали Кэт и она была замужем за Кости, вампиром, который научил меня блокировать от Влада мысли мысленным пением. Так вот как Кэт узнала, что я могла быть разоблачена Шрапнелем. Она тоже могла читать мысли, и ее помощь мне доказывала, что ей можно доверять. В противном случае она бы позволила Шрапнелю схватить меня.

Спасибо, послала я ей.

Она широко махнула рукой.

— Не могу дождаться, когда увижу комнату радиосвязи, — сказала она, как бы продолжая разговор, который был у нас раньше. — Это на этом этаже, да?

Вопрос был адресован Шрапнелю, хмурость которого вернулась.

— Да, но туда допускаются лишь доверенные лица.

Кэт фыркнула.

— Жена Влада не считается «доверенным лицом»?

Шрапнель открыл рот... и ничего не сказал. Теперь, когда я замужем за его боссом, он не мог быть уверенным в том, что от меня могло быть что-то закрыто. Кэт взяла меня за руку, присвистнув от тока, стрельнувшего в нее, и продолжила свою радостную болтовню.

— Бьюсь об заклад, Влад установил самые высокотехнологические примочки для защиты своих людей, так что комната охраны, должно быть, оснащена голосовым программным обеспечением.

Мне пришлось приложить большие усилия, чтобы не расцеловать ее. Где еще мог оставить компрометирующую сущность предатель? В комнате, которая использовалась для отслеживания сотового телефона Максима. Должно быть, Кэт подслушала мои мысли сегодня утром, так что точно знала, чем я собиралась заняться после. Я с трудом сдержала улыбку.

— Боже. Я уже устала от того, что не способна пользоваться какими-либо технологиями. — Затем я обернулась к Шрапнелю. — В какую нам сторону?

Он неодобрительно поджал губы, но все же ответил:

— Слева в конце этого зала, первая дверь во втором коридоре справа от вас.

— Спасибо!

Как только Кэт и я вышли из виду, я остановила ее.

Тебе не стоит идти дальше, подумала я быстро. *Если Влад узнает, что ты помогла мне сделать это, он будет в ярости.*

— Именно поэтому Кости прямо сейчас пакует наши вещи, — ответила она со смешком. Потом понизила голос, и наклонилась поближе. — Но тебе не стоит отказываться от своего лучшего оружия только потому, что использовать его слишком рискованно.

Однажды это сказал мне Влад. Сейчас он просто слишком глубоко в режиме мужской гиперопеки.

— Ты попала в точку, — ответила я сухо.

Она закатила глаза.

— У меня в этом большой опыт. Однажды ночью мы обменяемся своими историями за напитками. Но будь умнее, чем я, Лейла. Знай свои пределы, и когда достигнешь их, попроси о помощи.

— Поверь, я не стремлюсь попасть в могилу.

Взгляд, которым она меня одарила, заставил задуматься, что я недооценила ее возраст. Казалось, в нем был вес прожитых веков, хоть я и причислила Кэт к недавно обращенным.

— Иногда могила сама находит нас, ищем мы ее или нет.

Я ничего не ответила, снова занимая свои мысли одним из хитов автора «IceBaby». Даже если это действительно приведет меня на шаг ближе к могиле, я все же сделаю это. Пока мы не найдем предателя, ничто в этом доме не будет безопасным, и меньше всего для меня.

Комната охраны была похожа на уменьшенную версию той, что обычно бывала у НАСА. Дюжина рабочих компьютеров, расставленных вокруг большой карты мира с несколькими пометками безопасных домов для людей Влада. Еще одна интерактивная карта могла быть вызвана прямо в воздух, а третья была 3D-изображением помещений этого дома. Прямо сейчас все линии были зелеными. Если какая-то из них покраснеет, это будет свидетельствовать о нарушении безопасности. Когда Кэт и я открыли дверь без предупреждения, площадь этой комнаты стала красной. Затем, как и Шрапнель, люди Влада решили, что они не хотят быть теми, кто скажет, что мне нужно нечто большее, чем обручальное кольцо на пальце, и вернули ее на зеленый.

— Взгляни на это, Лейла, — Кэт указала на ближайший к ней экран. — Различные уровни на этой сетки безопасности показывают, что он находит нарушителей как в воздухе, так и в ста футах ниже земли.

— Это верно, — подтвердил следящий за этим монитором, с легким удивлением на лице.

Она одарила его кивком.

— Я разработала аналогичную систему для своей старой работы.

Я наклонилась рядом с Кэт, делая вид, что очарована данными на бумагах. На самом деле я стянула ручку, и сунула ее в карман своей юбки. Затем мы перешли к следующей станции, где я прихватила скрепку. Пока я изображала притворный интерес к каждой рабочей станции, карман в юбке наполнился кучей украденных вещей.

Кэт помогала мне, закрывая своим телом, но я могла лишь надеяться, что если сотрудники заметят что-либо, они просто сочтут меня клептоманкой. Теперь надо поспешно отступить. Я хотела использовать каждую минуту из получаса, которые мне должны были потребоваться, чтобы выпустить Максима. Если повезет, к тому времени, как Влад услышит, где я действительно была, я успею перебрать все прихваченное, и увижу, кто из сотрудников мог быть предателем.

— Это было здорово, спасибо, — сказала я людям перед тем как уйти. После того как мы вышли в коридор, я одарила Кэт благодарной улыбкой.

— Я твоя должница. А теперь убирайтесь отсюда.

Она усмехнулась.

— Ты знаешь, что сделала моему мужу ранний подарок на Рождество? Когда-то Влад подшутил над Кости, сказав, что ему следовало жениться на послушной девушке, которая не отходила бы слишком далеко от кухни.

Затем она одарила меня быстрым объятием, прежде чем умчаться прочь, бросив через плечо:

— Карма — сучка!

В следующее мгновение Кэт исчезла.

Я все еще улыбалась, когда завернула за следующий угол и почти врезалась во Влада. Ice IceBaby, too cold! (Ледяная Ледяная Крошка, слишком холодная!) заиграла в моей голове, когда я одарила его своим самым бесхитростным взглядом.

— Привет. Кэт составила мне компанию, пока тебя не было.

Он посмотрел в направлении, где она исчезла, прежде чем вернуть свое внимание ко мне.

— Тысяча четыреста тридцать первый.

Я моргнула.

— Что это?

— Год моего рождения, так что, заметь, я не вчера родился.

Я подавила стон. Хватит уже.

— Влад, я...

— Не здесь, — перебил он, схватив меня за руку. Затем перенес меня по коридору в нашу спальню гораздо менее романтично, чем сделал это вчера. Как только дверь за нами закрылась, я начала выстраивать оборону.

— Послушай, я была осторожна. Видишь? Никакой крови, никаких проблем.

Влад наклонился, пока его рот не оказался рядом с моим ухом.

— Прежде чем Максим вышел из этого дома, ты могла выбрать в качестве своего выкупа невесты использование своих сил, чтобы найти предателя, а не его свободу.

— Это несправедливо, — прошипела я, мой голос стал таким же низким.

Легкий поцелуй предшествовал его ответу.

— Как и все в жизни.

Я оттолкнула его, посылая следующие слова мысленно, потому что была слишком зла, чтобы доверять голосу.

Не можешь ожидать, что я буду бездействовать, когда мои способности могут найти предателя, от которого к Ганнибалу просочилась информация, и, вероятно, помогла человеку, взорвавшему карнавал.

Влад скрестил руки на груди.

— Когда это может в любой момент тебя убить, могу.

Я в порядке! Закричала я мысленно.

— Ты чувствовала себя также прекрасно, когда из-за своих сил до смерти истекла кровью у меня на руках.

Он говорил это таким жгучим тоном, от которого, как я видела, многие многовековые вампиры приседали перед ним. Все было бы так, если бы не мой нарастающий гнев.

О, но ведь все хорошо, если бы я умерла на твоих руках от потери крови, то ты превратил бы меня в вампира?

Ни намек на стыд не окрасило его тон, когда он ответил:

— Да.

Гордость сжала мой позвоночник.

Если ты не запрешь меня в этой комнате, тебе не удастся остановить меня от использования своих сил, чтобы найти предателя.

Он сверкнул улыбкой, которая ясно говорила, что я сделала серьезную ошибку.

— Не смей, — сказала я вслух.

Он преодолел пространство между нами, очаровательная улыбка ни на миг не покидала его лицо. Потом его руки обвились вокруг меня. Я замерла, несмотря на мгновенную реакцию своего тела на него.

Серьезно. Только попробуй — и тебя ждут ужасные последствия.

Его губы снова коснулись моего уха.

— Посадить под замок в нашей спальне мою новоиспеченную невесту? Я бы упал до уровня ожившей карикатуры на Дракулу.

Он не сдастся так легко. Вот почему мне нельзя расслабляться, даже когда он чувственно покусывает мочку моего уха.

— Но если ты снова воспользуешься силами, — прошептал он. — Я окружу тебя своей аурой, которой будет достаточно, чтобы заглушить их на нескольких месяцев.

Сукин сын! Я знала, он делал это прямо сейчас. Я толкнула его, но на этот раз он не сдвинулся с места.

— Прямо сейчас ты в безопасности, и кроме того, тебе не удастся меня остановить.

Он воспользовался моими же словами, брошенными ему когда-то как вызов. Теперь он решил действовать как современный мужчина.

Его губы скользнули по моей челюсти, прижимая небольшой локон волос к моим губам.

— Будь осторожна в своих желаниях, разве я не говорил тебе этого?

Прежде чем я успела ответить, он поцеловал меня с такой пылающей похотью, что я ответила ему, не смотря на разочарование.

Гнев подтолкнул меня к краю вожделения, и я схватила его так сильно, что выдернула несколько прядей волос, притягивая его голову ближе.

Его смешок завибрировал напротив моего рта, после чего он повалил меня на пол и одним жестким движением сорвал юбку.

— Похоже, у нас все же будет грубый секс.

Несколько часов спустя я встала, укутавшись в простыню, словно она было огромным полотенцем. Ехидный смешок донесся с другой стороны кровати.

— Немного поздно для скромности.

Мочевой пузырь призывал меня меньше говорить и быстрее бежать до ближайшей ванной комнаты.

— Это не для тебя. А на тот случай, если один из твоих людей решит посетить гостиную, пока я буду ее пересекать.

— Я так понимаю, сегодня утром ты не заметила нового дополнения в ванной комнате.

Новое дополнение?

Я зашла в черную мраморную ванную, которую не использовала раньше, поскольку по привычке пользовалась старой. В пространстве между огромной ванной и стеклянной душевой теперь находился блестящий черный туалет. Какой позорный недосмотр, но его присутствие здесь было сродни тому, чтобы увидеть комнату, полную роз.

— Влад, это...

— Тебе надо пользоваться им, а не сочинять сонеты.

Я закрыла дверь ванной. Он может издеваться, если хочет, но я все равно была тронута. Несколько минут спустя я вернулась, расчесав волосы и почистив зубы. Туалет оказался в ванной не единственным новым дополнением.

Половина мраморной столешницы теперь была снабжена всем, что мне могло когда-либо пригодиться.

— У твоих людей, должно быть, был вчера до сумасшествия оживленный вечер, — заметила я.

— Это было сделано не вчера.

Он сказал это, не открывая глаз. Блики от камина мерцали на его теле, окрашивая бледную кожу в теплый янтарный оттенок. Я вернулась в постель и провела по его груди, прежде чем пройтись рукой по его твердому плоскому животу.

— Это сделали, когда я была в коме?

Его глаза оставались закрытыми.

— Его установили на следующий день после того, как ты сказала мне, что уходишь.

Я потеряла дар речи, но не разум. *Что? Почему? Ты не вел себя так, словно хотел, чтобы я вернулась. Ты избегал меня в течение нескольких дней и даже не попрощался перед отъездом!*

— Я думал, что ты изменишь свое решение, — он сардонически улыбнулся. — Моя гордость не позволила мне поверить в то, что ты на самом деле уедешь, поэтому я модернизировал свою ванную в качестве извинений.

У меня вырвался сдавленный звук. Влад поджал губы.

— Представь себе мой шок, когда ты села в самолет. Тогда я решил, что в течение недели или двух ты поймешь, как сильно скучаешь по мне, и вернешься. И поэтому я снова ждал, но только вот раздавшийся от Марти звонок был известием о взрыве. Как только я понял, что ты не мертва... я перестал ждать.

Я иду к тебе, сказал он, когда мы впервые заговорили с ним после этого. Я думала, что это сон, но позже решила, что он всего лишь поддерживает свою репутацию грозного

защитника своего народа. Только посмотрите, как мы оба недооценивали друг друга.

— Ты никогда не спрашивала, почему я предложил тебе стать вампиром.

Его заявление застало меня врасплох по многим причинам, помимо резкой смены темы. Влад открыл глаза, изумрудное кольцо обвивало его медную радужку, которая почти мерцала.

— На самом деле я не менял темы.

Я сглотнула, пытаюсь избавиться от кома, вставшего в горле.

— Я думала, это из-за твоего беспокойства, что мои силы могли меня убить.

— Все не так просто. Точнее не только поэтому, — он провел по моему шраму от виска к пальцам, прежде чем продолжил. — Прежде я предлагал тебе это по этой причине, а сейчас, если твои силы убьют тебя, в тебе достаточно моей крови, чтобы я смог вернуть тебя как упыря. Ты никогда еще не была менее бессмертной, так что это не было причиной.

— Тогда что? — спросила я тихо.

— Во-первых, большинство вампиров не признают наш брак.

— Что?

Он слегка улыбнулся моему тону.

— Вампиры уважают лишь кровную клятву в присутствии свидетелей, и ты должна быть вампиром, чтобы дать эту клятву. Мои люди считают тебя моей женой, потому что я сказал им это, но в обществе вампиров это не так.

Теперь, когда он упомянул об этом, я вспомнила, что говорил мне Марти годы назад, когда я впервые спросила об их виде. Теперь было понятно, к чему комментарий Влада о том, что это лишь первая наша церемония.

— Ты хочешь обратить меня в вампира, чтобы сделать своей законной женой? Как по-рыцарски, — поддразнила я его.

— Обычно меня не заботит чужое мнение, но в данном случае на тебя была бы наложена определенная мера защиты, как на законную жену в моем мире. И это меня волнует, но даже это не было основной причиной.

Влад поглаживал мою руку. Моя энергия была приглушена из-за большого ее количества, выпущенного, когда я занималась с ним любовью, так что осталось лишь слабое потрескивание. Его нельзя было сравнить с толчком, который я почувствовала от его взгляда, внезапно ставшего таким интенсивным.

— Я презираю, сладостные речи и тех, кто их использует. Как правило, они же становятся виновными в худших предательствах. То, что я пережил в своей жизни, сделало меня не способным говорить красивые слова, которых ты заслуживаешь, но если я сделаю тебя вампиром, ты сможешь чувствовать мои эмоции также ясно, как я слышу сейчас твои мысли.

Затем он приложил мою руку к своей груди, помещая ее над сердцем.

— Я никогда не обращал своих предыдущих любовниц, потому что не хотел, чтобы они знали, как мало они меня волновали. Тебя я люблю, но ты меня оставила, потому что я не выразил свои эмоции словами. Вероятно, это произойдет снова, но если ты сможешь чувствовать, что ты для меня значишь, Лейла, — его голос стал глубже, — слова не будут иметь значения.

Его сердце под моей рукой не билось. Так же как и на протяжении веков, но сейчас Влад был более живым, чем все те, кого я встречала. Он также был самым сложным человеком из моих знакомых, поэтому мысль о возможности чувствовать его эмоции

наполнила меня ненасытной тоской. Я хотела бы знать его чувства, его тайны, и все остальное, что составляет мужчину, которого я люблю. Но как бы ни велико было мое желание, этого недостаточно, чтобы я сказала да.

Я прикоснулась к груди. Устойчивые удары под рукой делали меня живой, но не это было признаком жизни. Мои способности научили меня этому. Сердцебиение было не единственным, что делает тебя человеком. Любовь и ненависть, страсть и боль, сила и стойкость, отчаяние и прощение, так что в реальности вопрос был в том, как же я хотела жить. Как человек, пьющий кровь вампира? Или как вампир, пьющий кровь человека? Оба пути несли свою долю страданий и блаженства, но, когда я думала о своем будущем, то казалось, был лишь один правильный выбор.

Я легла Владу на грудь, откинув волосы назад, чтобы видеть каждый нюанс в выражении его лица, когда дам свой ответ.

— Эти слова имеют значение. Да, Влад. Мой ответ: да.

Когда я проснулась, Влад уже ушел, но это не было удивительным. Прежде чем я заснула, он сказал, что этим утром у него назначена встреча с Менчересом, чтобы начать затягивать петлю на шее предателя. Влад уже отслеживал все звонки, смс и электронные письма, и сотрудникам было запрещено покидать дом под предлогом продолжения свадебного торжества. Я не могла себе представить, как он и дальше собирается придерживаться этой тактики, но, должно быть, у него был план. Который я хотела узнать, как только он вернется.

До того у меня не было никаких дел, кроме как сообщить своей семье о принятом решении. Я не собиралась становиться нежитью прямо сегодня, но также не видела причин откладывать это на несколько месяцев или лет. Моих способностей и жизни с двумя разными вампирами было мало — даже я не знала, как все сложится. Но по сравнению с тем адом, в который превратил мою жизнь несчастный случай, превращение в вампира не будет самым большим изменением, которому я подвергалась.

Я встала с постели, когда я направилась к ванной комнате, нога наступила на что-то мягкое. Рубашка Влада. Я ногой подбросила ее вверх и начала собирать другую одежду, разбросанную по комнате. Он мог пользоваться услугами прислуги, чтобы те убирали за ним, но я этого не хотела. Однако когда я добралась до своей бирюзовой юбки, тяжесть в ее кармане заставила меня остановиться.

Мой тайник украденных вещей все еще был полон. Когда Влад сорвал с меня юбку, я подумала, что содержимое тоже разлетелось.

Ощущение предметов через материал наполнило меня тем же искушением, которому, должно быть, подверглась Пандора, когда гладила тот ящик. Была ли личность предателя запечатлена на одной из них? Или эти элементы были тем, из-за чего я умру раньше, чем следует?

Мысль о поедании кусочков «двуногой свинины» в качестве упыря не прельщала, но как я могла уклониться от мести за смерть каждого на карнавале и защиты тех, кто находится здесь? Я не пострадала от каких-либо последствий вчерашнего использования своих сил. Может быть, во мне до сих пор так много крови Влада, что это исключило возможные повреждения. Во всяком случае, пока. Была и другая причина того, почему не стоило ждать. Обращение в вампира может уничтожить мои психически способности. По крайней мере, это может на долгое время вывести их из строя. Это мог быть единственный шанс — я должна была узнать, кто предал Влада, прежде чем кто-то пострадает или и того хуже.

Я не могу помешать тебе сделать то, что, как ты думаешь, ты должна сделать, говорил Влад, в то же время, предупредив о том, что сделает сам, если узнает об этом. Прежде чем снять правую перчатку, я сделала долгий медленный вдох.

Я должна.

Затем я опустила голую руку в карман. Образы обрушились на меня, когда я коснулась одновременно всех предметов.

Благодаря быстрой перемотке вперед, мимо образов нескольких сотрудников, я заметила еще одного человека, и он был последним, кого я ожидала там увидеть.

Сандра, что же ты там делала?

Влад посмотрел на меня с таким подозрением, что если бы я была кем-то другим, ожидала бы, что за этим последует допрос.

— Ты хочешь пройтись по магазинам? — повторил он.

— Да, — сказала я, и это было абсолютной правдой. — Да ладно тебе, ничего, что вещи, которые я ношу, даже не принадлежат мне...

— Вся эта одежда новая, — оборвал он меня.

— И для нашей свадьбы ты купил все сам, включая кольцо. Даже если бы я не хотела купить несколько вещей для себя — а я хочу — еще я хочу купить кое-что тебе. Если ты пойдешь со мной, мой подарок не будет большим сюрпризом, правильно?

После таких слов он одарил меня еще одним взглядом *Действительно-ли-это-ты*, но мои мысли соответствовали моим словам, а выражение лица было таким невинным, словно я позаимствовала его у ангела.

— Ну, я ведь собираюсь в твой город, — добавила я. — Я же не собираюсь одалживать твой самолет ради быстрой прогулки до Парижа.

Судя по выражению его лица, он, видимо, взвешивал свои опасения наряду с общеизвестным и проверенным временем фактом того, что женщины любят ходить по магазинам.

— Тебя будет сопровождать охрана, — произнёс он наконец.

— Конечно. И еще я возьму с собой Гретхен и Сандру.

Он махнул рукой, люди его не заботили. Внутренне я улыбнулась, но продолжала не думать, ни о чем, помимо одежды, обуви и сексуального женского белья. Судя по раздувшимся ноздрям, последнее ему было приятно.

— Я распорядюсь, чтобы твой эскорт был готов выдвинуться через двадцать минут.

Затем он наклонился, его щетина прошлась по моей щеке, когда он пробормотал:

— Не беспокойся о подарке для меня. Ты все, что мне нужно.

На этот раз я не сдержала улыбку. *И ты еще говоришь, что не умеешь говорить красивые слова.*

— Я не долго, — пообещала я.

Двадцать минут спустя Сандра, Гретхен и я сидели в задней части лимузина. С нами поехал Шрапнель, поскольку Максим ушел, теперь он стал правой рукой Влада. У Оскара был дробовик, и еще четыре охранника следовали за нами в другом автомобиле.

— Что это за окружение? — спросила Гретхен. Я пожала плечами, словно не имела ни малейшего представления.

— Как жене воеводы, ей полагается охрана, — ответила Сандра.

— Какой еще вое-воды? — спросила Гретхен по слогам.

— Иными словами, принц, — ответила я. — Раньше Влад носил титул воеводы.

Сестра наклонилось ко мне с усмешкой.

— Значит, теперь ты принцесса?

— Нет, — ответила я в то же время, как Сандра сказала: — Да.

— Нет, — повторила я более твердо. — Передо мной и так кланяются. Если кто-то к тому же будет называть меня Ваше Высочество, моя голова может взорваться.

Сандра засмеялась, расчесывая пальцами свои светло-клубничные волосы.

— Если бы я была принцессой, я бы настаивала на этом. И носила бы корону.

Хочешь этого? Подумала я хладнокровно, но улыбнулась, как будто это шутка.

— Среди румынов бывают королевские семьи. Среди американцев их не так много.

Лимузин накренился, когда мы начали спускаться по холму. Я выглянула в окно и увидела верхнюю часть особняка, исчезающую за стеной деревьев и скал. В течение следующих тридцати минут мы не будем видеть ничего, кроме этих двух вещей. Это единственная дорога, ведущая в город, и никто, кроме людей Влада, ее не использовал.

Гретхен продолжала болтать о том, что, раз я стала принцессой, то теперь она тоже станет знаменитой. Подобно сестре Кейт Миддлтон, Пиппе. Я не стала ей говорить о том, что никто, кроме очень старых румынских вампиров или людей Влада, не считает его принцем. Зачем портить ее мечты раньше времени?

Я ждала, пока мы не оказались на половине пути между домом Влада и городом, прежде чем решила сделать свой ход. У меня не было ничего конкретного, кроме образа Сандры в комнате охраны, может быть, один из сотрудников был просто голоден. Если бы Влад узнал, что у меня пусть даже такие крошечные подозрения на ее счет, он бы использовал свои методы для выяснения правды, а я не хотела подвергать этому свою подругу, когда могла узнать все без эмоциональных или физических шрамов.

Поэтому, как только Влад оказался слишком далеко, чтобы прочесть мои мысли, а Сандра не могла сбежать от Шрапнеля с его скоростью, я улыбнулась Сандре, сняла правую перчатку и положила руку ей на плечо.

Ее крик от хлынувшего в тело напряжения потерялся в мгновенно возникшем рое образов.

Я только уснула, как меня разбудил звук закрывшейся двери. Темная силуэт контрастировал с бело-розовыми стенами, и когда он подошел ближе, лунный свет осветил вампира, которого я сразу же узнала.

— *Что ты здесь делаешь?* — мой голос со сна был грубым. — *Я не должна сегодня вечером кормить.*

Он не говорил, но продолжал подходить ко мне. По некоторым причинам я боялась, что он почувствует мои эмоции. Но это не имело никакого смысла. Влад не позволял никому плохо с нами обращаться, и прежде я кормила этого вампира много раз. Но когда он добрался до кровати, я отшатнулась, инстинкт, засевший глубоко в костях, отбрасывал логику в сторону.

Ну вот, опять! Я хотела закричать, но все еще не знала, почему. Затем меня охватил ужас и колкая вина, ощущения столь отвратительно знакомые и подавляющие. Прежде чем я успела что-либо сказать, меня ослепил изумрудный свет. Теперь все мои проблемы исчезли. Когда вампир прошептал свои указания, я обнаружила, что киваю. Конечно же, я передам его послание, и после сообщу ему об этом...

Крик Гретхен вернул меня обратно, уничтожив все до последнего образа. На мгновение я повисла между аурой Сандры и своей собственной. Вот почему я не отреагировала, когда вампир на переднем сиденье схватился за небольшое устройство, хотя и знала, что это. Я никогда не видела ни одно из них прежде, и, несмотря на то, что оно было не больше сотового телефона, оно означало смерть.

Затем связь с памятью Сандры окончательно пропала. Белый свет озарил мою руку, когда я направила ее в сторону переднего сиденья, но было уже слишком поздно. Шрапнель нажал кнопку детонатора за мгновение до того, как мой кнут порезал его.

Последовавший Бум! тряхнул лимузин, но мы не взорвались. Взорвалась машина позади нас, и внезапный огненный шар отвлек меня на несколько драгоценных секунд. Их было достаточно, чтобы Шрапнель успел вывернуть руль влево, на полной скорости целясь прямо в ограждение, прежде чем выпрыгнул в дверь.

Крик Гретхен был последним, что я слышала, когда мы помчались со скалы, после чего все потемнело.

Кровь.

Ее вкус был у меня во рту, а ее медный запах висел в воздухе. Я сглотнула, ожидая, что пылающая боль исчезнет, но этого не произошло. Вот тогда я и поняла, что глотаю не кровь вампира, чтобы исцелиться. Это была моя кровь.

Я заставила глаза открыться, хотя веки и ощущались как бритвы. То, что я увидела, заставило меня забыть о боли. Гретхен надо мной, ее черные волосы закрывали лицо, красные капли падали на разбитые стекла, окружавшие меня. Сандра также висела на своем ремне безопасности, ее кровь стекала густой струей. Между нами была толстая ветка дерева. Все сучки и листья были забрызганы темно-красным.

Почему мы не умерли? было моей первой мыслью, и сразу же за ней, *где Шрапнель?* Я села, стараясь не кричать от боли. Взглянув на переднюю часть лимузина, я заметила, что водительское кресло пусто. Но не сиденье рядом. Бледное лицо Оскара было в таком шоке, что даже быстрая мумификация кожи не смогла его стереть. Он также свисал с ног на голову со своего ремня, серебряная рукоять ножа была похоронена в его груди.

Я рванула к ножу, посылая по телу новые дуги агонии. Казалось, что ребра, ключица и левая рука сломаны, а от разбитого вокруг стекла у меня было больше порезов, чем я могла сосчитать. Тем не менее, мне повезло. Без боковых и передних подушек безопасности я была бы мертва. Я не была пристегнута ремнем безопасности — хотела схватить Сандру в том случае, если она попробует что-нибудь сделать. Кто же знал, что опасность придет с переднего сиденья, а не со спины.

Когда я подняла себя над битым стеклом в передней части лимузина, меня охватила мучительная боль. Одного взгляда через разбитое лобовое стекло хватило, чтобы заметить, что наш спуск вниз по скале остановило дерево. Это была хорошая новость. Плохая новость заключалась в оранжевых всполохах, охватывающих нижнюю часть капота.

Я выдернула нож из тела Оскара, собираясь перерезать ремни безопасности Гретхен и Сандры, когда шум снаружи заставил меня замереть. Кто-то шел к нам, и я не была настолько наивной, чтобы подумать о спасателях.

Я слизала кровь, покрывающую нож так быстро, что порезала язык, но боль исчезла прежде, чем я успела ее заметить. Еще через секунду, которая мне понадобилась, чтобы облизать другую сторону, все тело стало болеть меньше. К тому времени Шрапнель сорвал дверь со стороны пассажира, а я сидела на корточках перед Гретхен и Сандрой, держа нож в одной руке, а из другой потрескивая электричеством. Он тут же отскочил на несколько футов назад, его тело напряглось, чтобы увернуться от того, что я на него направлю.

— Зачем? — выплюнула я.

Половина его рубашки и пиджак были в лохмотьях, окрашенных красными косыми линиями, показывая места, где его задел мой кнут. Несмотря на серьезность раны, он не умер. Это его лишь замедлило, пока он не исцелился достаточно, чтобы вернуться сюда и закончить свою работу.

— Потому что теперь ты знаешь, — сказал он твердым голосом.

— Я не об этом, — сказала я, рывком головы указывая на разрушенный лимузин. — Почему ты предал Влада?

— Я не собирался.

Теперь его голос опустился почти до шепота. Отчаяние пробежало по его лицу цвета мокко, сменившись усталой решимостью.

— Не предполагалось совершать ничего из этого. Ты думаешь, я хотел убивать своих друзей в той машине? Я даже не хотел убивать тебя, но у меня нет выбора.

Я подняла правую руку повыше.

— Только дернись, и на этот раз я разрежу тебя пополам.

Он был от меня слишком далеко, чтобы я могла попытаться это сделать, но если подойдет ближе, то будет в пределах досягаемости. Я не собиралась рисковать и нападать на него на крутом склоне, а также оставлять Гретхен и Сандру беспомощными. Вместо этого я ждала, пока он со своей нечеловеческой скоростью нападет на меня, но, когда секунды тикали, а Шрапнель не двигался, я стала подозрительной. Конечно, он знал, что это не блеф, да и то, что пройдет не так много времени, и до Влада дойдет сообщение об аварии. Он должен был знать, так почему же, по крайней мере, не пытается...

Затем ветер принес в мою сторону удушливый дым. Как только я почувствовала запах, я все поняла. Шрапнелю не нужно двигаться, чтобы убить меня. Все, что ему нужно — это подождать, пока огонь не достигнет вытекающего бензина.

— Если ты побежишь прямо сейчас, сможешь скрыться прежде, чем Влад будет здесь, — сказала я, меняя тактику. Я не смогу освободить Гретхен с Сандрой и схватиться со Шрапнелем прежде, чем автомобиль взорвется. Мы оба об этом знали.

— Уже слишком поздно. Ты не умерла в аварии, и мне потребовалось слишком много времени для исцеления, прежде чем я добрался до тебя.

Снова его голос казался больше усталым, чем злодейским. Он даже вздохнул, как будто был обременен тем, чего не мог вынести.

— Теперь все, что осталось, это обеспечить твою смерть.

— Что я тебе сделала? — огрызнулась я, надеясь, что кто-нибудь из особняка увидел дым и помощь уже в пути.

— Ты сделаешь это, если выживешь, — его взгляд переместился к моей правой руке. — Моя смерть уже предопределена. Ее нет.

Ее. Я ухватилась за последнее, прежде чем начинать обвинения.

— Ты имеешь в виду довольную брюнетку, вампиршу? — спросила я, держа пари, что это та же женщина, которую я мельком увидела в своем видении. — Ненавижу разочаровывать, но она раскрыла себя еще несколько дней назад. Влад уже отправил людей охотиться за ней. Мы только не знали, кто был предателем.

— Ложь, — зашипел Шрапнель.

Он сделал шаг вперед, и я затаила дыхание. *Давай, лишь чуточку ближе!*

— Как тебе такая ложь? Она в пять футов четыре дюйма, фигуристой меня, волосы цвета темного грецкого ореха, с ритмичным акцентом... хочешь, чтобы я продолжала?

Я не могла этого сделать, но когда до меня дошел запах бензина, мое отчаяние выросло. Я обсуждала ее, несмотря на пропасть под нами и его невероятную скорость. Затем он сделал еще один шаг ближе.

— Как ты разбила ее чары, чтобы достать ее?

— О, это было просто, — сказала я, думая, как же чертовски хорошо, что Шрапнель не телепат, потому что я понятия не имела, о чем говорила. — Как, ты думаешь, я увидела ее прямые темные волосы? Я на четверть чероки, и моя бабка была сильной колдуньей. Она научила меня и мою мать всем мистическим трюкам, так что заклинание твоей маленькой сучки было ни чем по сравнению с той магией, которой обладаю я.

За исключением части про чероки, все остальное было ложью. Я затаила дыхание, надеясь, что Шрапнель не поймет этого.

— Не говори о ней так! — взревел он.

Он сделал еще один шаг вперед, и это был мой шанс. Я потянулась к нему, выплеснув все свое электричество в виде кнута, который сиял так же ярко, как молния. Он сделал выпад, пытаясь увернуться, но даже его скорости было недостаточно. Ослепительный шнур вцепился в его бедро и прошелся по всей его нижней части. Его ноги упали, словно срубленное дерево, дернув все его оставшееся тело вперед. Он приземлился на меня, его вес выбил дыхание. Но прежде чем я успела оттолкнуть его, он начал меня избивать, пока его клыки не оказались достаточно близко к тому, чтобы он мог меня укусить.

Я закричала от двойной тяжести нападения. Свирепость Шрапнеля не уменьшилась, даже не смотря на то, что он был практически разрублен пополам. Его, казалось, охватила

почти демоническая решимость меня убить. Оглушающий удар по грудной клетке отрезал мой крик. Дикая боль лишила всех мыслей, вызывая во мне слепой инстинкт выживания. Я неосознанно схватила его и пустила в него всю свою энергию. Все, что я успела осознать — что его вес внезапно исчез, а я перенеслась в ветхий переулок.

Уличные фонари были разбиты, но я видела и без них, несясь по узкой тропинке между зданиями.

— Ты убила и создателя бомбы? Когда же ты уже перестанешь идти на такой безрассудный глупый риск!

Мой голос привлек несколько взглядов. Но мне было все равно. Большинство вампиров избегает тех мест, где обитают бездомные. Они пахнут слишком ужасно, чтобы быть приемлемыми для еды.

— Никакого риска, — раздался невозмутимый ответ моей любовницы. — Я позаботилась об этом, дорогуша. Он мертв, все выглядит как несчастный случай, ничто не приведет их к нам.

Ярость заставила меня сжать телефон прежде, чем я успела заставить себя расслабить руку, чтобы не разбить его и не закончить наш разговор.

— Если бы ты не стала его использовать, чтобы убить Лейлу, то не было бы нужды о нем заботиться. Я не сказал бы тебе, где она, если бы знал, что ты задумала. Если Влад не поверит, что это был несчастный случай, он не успокоится, пока не найдет ее убийцу.

— Ты слишком остро реагируешь, — сказала она, и скука в ее голосе ударила меня подобно всплеску кислоты. — Даже если возникнут подозрения, они в любом случае не приведут их к нам. Все было бы плохо, если бы она была жива, мертвой же она для нас не опасна.

Мой смех был суровым.

— Однажды ты расскажешь мне реальную причину того, почему не хочешь, чтобы Влад узнал о нас. До тех пор единственный мотив, который я могу увидеть в убийстве Лейлы — ревность.

Я обвинила ее, чтобы подколоть, но совсем не ожидала яда в ее ответе.

— Мои причины не имеют значения. Важно лишь то, что ты тот, кто сообщил мне ее местонахождение. Он убьет тебя за это, дорогуша, и то лишь после нескольких лет пыток. Если тебя это не привлекает, то у тебя нет другого выбора, кроме как держать все в тайне.

Я повесила трубку, мое чувство отчаяния подтверждало то, что она права. Влад может отреагировать на мое участие в смерти Лейлы лишь одним возможным способом, и он не станет останавливаться на достигнутом. Он сделает то же самое и с ней, и, несмотря на мой гнев, я не могла этого допустить. Я любила ее, а если я не попытаюсь ее защитить, то выйдет, что я лгу.

Переулок исчез, и я ожидала, что возвращусь в свою реальность, но, даже не пытаясь, я связалась с сообщницей Шрапнеля. На долю секунды я увидела ее, одетую в костюм с юбкой и возлежащей на диване с мартини в руке. Прежде чем я успела сосредоточиться на лице, ее черты размылись, не оставляя ничего, кроме овала, окруженного блестящими русыми волосами.

Затем мной овладела волна головокружения, как будто кто-то бил меня по голове. Я отбросила связь, возвращаясь в настоящее, где я свернулась на боку, кашляя между попытками не задохнуться. Кровь вытекала из моего рта, давление в груди увеличивалось,

пока не стало агонией.

Это не из-за побоев Шрапнеля. Нет, я узнала эту боль. Мои способности подвели меня к смертельной зоне, и единственный, кто был поблизости, чтобы исцелить меня, это вампир, желавший моей смерти.

От разочарования и несправедливости мне захотелось завывать. Я собиралась воспользоваться своими способностями только на Сандре, хотела увидеть, виновна она или нет. Я не хотела вытягивать страшный грех Шрапнеля, не говоря уже о связи с сучкой, которая начала весь этот бардак. Теперь все это убьет меня.

Стон заставил меня открыть глаза. Сквозь пелену красного я мельком увидела Шрапнеля. Я взорвала его, откинув при этом на десятки метров. Обе его руки в настоящее время отсутствовали, как и ноги, а кожа была похожа на мясо, которое кто-то прокрутил через мясорубку. Несмотря на все повреждения, он все еще был жив. Затем его голова склонилась ко мне, и наши взгляды встретились.

Открывшееся стало для меня сюрпризом. Я не ожидала от него соперничества, но я также не была готова к смеси облегчения и гордости в выражении его лица. Хотя это имело смысл, он хотел, чтобы я умерла, и, судя по дробящей боли в груди, он вскоре получит желаемое. Но откуда гордость? Он не имел ничего общего с перегрузкой способностей, которая забила последние гвозди в мой гроб...

Но я слишком поздно поняла.

Как ты разбила ее чары, чтобы связаться с ней? Спросил Шрапнель. Я думала, он имел в виду, что та темноволосая вампирша сделала нечто магическое, чтобы помешать мне, увидеть ее лицо, если я свяжусь с ней, но это было сделано для большего.

Заклинание было предназначено для того, чтобы убить меня.

— Лейла!

Голос сестры прорезался сквозь агонию, отчего мне захотелось остаться в позе эмбриона или умереть, надеясь, что от этого мне будет легче. *Гретхен*. Отголоски страха проникли сквозь боль, после чего я вспомнила.

Лимузин в огне.

Я заставила себя подняться на колени, из меня вырвался булькающий крик. Взглядом, в котором уже начала появляться чернота, я уловила отблеск оранжевого. Пламя распространилось дальше вверх по машине. Оно могло достичь бензобака в любую секунду.

Я бросилась по лимузину, кровь вытекала изо рта, когда я пыталась дышать сквозь почти парализующее давление в груди. Мое зрение было слишком размытым, чтобы я смогла найти упавший нож, а боль заставила меня почувствовать себя так, словно я в огне. Может, я и не понимала этого. Тем не менее, я не могла остановиться. Я сосредоточилась на криках сестры, и они были как выстрелы адреналина, давая мне силы делать бросок вперед снова и снова.

Стена машины ударила меня в лицо, когда я навалилась на нее.

Зрение теперь стало полностью черным, и голос Гретхен становился слабее, но мой разум все еще работал. Я шаркала левой рукой, пока не нащупала замок ремня безопасности. Потом я положила правую руку на левую, и послала через нее ничтожные остатки своей энергии.

Внезапное ощущение веса на моих плечах стало самым замечательным, что я когда-либо чувствовала.

— Спаси Сандру, — попыталась я сказать, но вышло лишь непонятное бульканье.

Что-то грубо оттолкнуло меня, вызывая во мне еще больше боли. *Шрапнель вернулся?* Задалась я вопросом, но забыла об этом, как только меня стало охватывать столь притягательное онемение. *Не хорошо*, предупредила я себя со слабой убежденностью.

Не падай в обморок! Не проснешься!

Я пыталась заставить себя пробраться сквозь тьму и блаженство от угасающей боли. Мне казалось, что я купаюсь в зыбучем песке, и чем больше борюсь с ним, тем глубже тону. Затем от жестокого ощущения, что меня тащат, ко мне вернулось сознание. Ребра ощущались так, словно их кто-то отрезал по веточкам внутри меня, но мне все же удалось сделать несколько рваных плотков воздуха. Эти глотки и свежий поток боли прогнали зловещую летаргию. Затем громовой шум раскрыл мне глаза, их на мгновение ослепил оранжевый туман.

Огонь, наконец, добрался до бензобака.

Через крошечные щели, оставшиеся от моего зрения, я увидела, что теперь я за деревьями, их стволы приняли на себя тяжесть взрыва. Сандра была рядом без сознания, и Гретхен...

У меня, должно быть, были галлюцинации. Если нет, то моя сестра в двадцати футах от меня, присела на груди Шрапнеля. У нее был нож, которым он убил Оскара, приставленный к его груди, и хоть она и была в ужасе, ее руки плотно сжимали рукоятку.

— Даже не думай шевелиться, — выдохнула она.

Глаза Шрапнеля были устремлены на нее, пока его обрубки на плечах и ногах

дергались, вырастая заново. Вскоре его руки и ноги полностью регенерируют и внутренние повреждения исцелятся. Я хотела было предупредить об этом Гретхен, как вдруг три фигуры, словно упавшие метеориты, приземлились рядом с ними. Четвертая фигура приземлилась рядом со мной, глаза горели зеленым, темные волосы дико взметнулись, когда он разорвал свое запястье и толкнул его к моему рту.

Влад. Кто-то, в конце концов, заметил дым.

Когда я стала глотать из глубокой раны, охранники Влада оттащили Шрапнеля, один из них откинул нож, прежде чем тот смог убить себя. Мое зрение стало совсем темным. Я снова глотнула, но боль, нарушающая покой моего тела, не уменьшалась. Вместо этого она росла, пока не стала ощущаться подобно бритвам, скользящим в череп, пока стеснение в груди распространялось на остальные части тела. Я не могла больше глотать. Я даже не могла собраться с силами, чтобы сделать еще хотя бы один вдох. Затем меня охватил холод, сменив боль от его ледяной ласки — я знала, он прибыл слишком поздно.

— Нет!

Крик Влада удержал меня, но лишь на мгновение. Затем внутренняя нить, которую я никогда не чувствовала раньше, порвалась, и я вырвалась, словно пуля, выпущенная из пистолета. Я больше не была привязана к земле. Я парила, и это было более волнующе, чем любой из снов, в которых я могла летать. Мое зрение больше не было покрыто уродливой дымкой малинового. Вместо него все залилось ярким светом, а меня окутал утешительный запах дождевой воды и фрезии. Я ощущала этот запах и прежде, но это было так давно, что я забыла, но теперь вспомнила, кому он принадлежал. А затем я увидела ее.

Серебряные пряди в черных волосах словно сияли. Так же как и крошечные морщинки на лице, когда она улыбнулась.

Сразу же отяжелявшая меня вина пропала. Мама ничего не сказала. Но ей и не нужно было. Я почувствовала, что она никогда не обвиняла меня в своей смерти, и она простила мне все свои обиды. Я бросилась к ней, но с той же прекрасной улыбкой она подняла руку, чтобы остановить меня.

Пока нет, дитя, прошептала она в моей голове.

Затем что-то дернуло меня со зверской силой. Ее сладкий запах исчез, как и кристаллическое солнце, я начала с ужасающей скоростью падать, каждая моя попытка остановить это наталкивалась на неумолимый буксир. Я быстро приближалась, но ничего не могла с этим поделать, я не могла бороться с невидимой силой, продолжавшей безжалостно тянуть меня вниз.

Когда я приземлилась на этой непоколебимой поверхности, ее сила сломала меня на части. Я ждала, когда меня окутает холодная успокаивающая смерть, но этого не произошло.

Вместо нее я ощутила пожар.

Кровь.

Мой рот был покрыт ею, а ее ароматный запах витал в воздухе, но не медный и острый, а пьянящий. Я сглотнула и одновременно вдохнула, пытаюсь заполнить себя во всех отношениях блаженной жидкостью, заставляющей боль уйти. На несколько мгновений я полностью потерялась в насыщении, подобном приливу, и в то же время поднимающем на невероятные высоты. Потом, как после любой высоты, которую я переживала через свои способности, крушение оставило после себя озноб, боль, и отчаянную нужду в еще одном заходе.

Кто-то зарычал «Еще», таким тоном, что я ожидала увидеть бешеное животное, если бы те умели говорить. В ответ по моему лицу провели влажной холодной тканью. Она стела остатки крови, и мои глаза в негодовании открылись.

Все оказалось настолько ярким и живым, что на секунду я не могла сосредоточиться.

— Я сказала, еще!

И тут я заметила две вещи. Дикий голос исходил от меня, и я не вдыхала между словами. Ощущение от удара по губам крошечных кинжалов было практически излишним.

Ты действительно это сделала, поиздевался мой внутренний голос.

Мои зубы изменились, я знала, теперь в нижнюю губу впивались клыки. Оказалось, смерть, и воскрешение вампиром все еще не убили мой ненавистный внутренний голос.

Затем калейдоскоп цветов обрел четкие формы и передо мной предстал Влад. Его черные штаны и рубашка цвета индиго сильно пахли дымом и жженой резиной, но при этом я уловила богатый аромат крови, и все остальное исчезло.

Я накинулась на него, ища ее следы с такой настойчивостью, что разорвала его кожу и одежду новоиспеченными клыками. Влад пробормотал что-то, но одержимая поиском источника запаха крови, я не поняла ничего из сказанного. Часть меня была потрясена моей дикостью, пока остальную часть волновала лишь одна вещь.

Кровь. Нужно. СЕЙЧАС.

Влад оттолкнул меня в сторону, одной рукой удерживая мой рот на расстоянии, а другой, оттягивая руку.

Внутренняя агония вернулась, опустошая болью настолько интенсивной, что я не могла думать о происходящем, пытаюсь лишь остановить это. Затем амброзия скользнула в мое горло, настолько основательно облегчая страдания, что с моей щеки скатилась слеза благодарности. Я сглотнула, словно пытаюсь утопиться, глаза закрылись от настолько глубокого облегчения, что я могла к этому привыкнуть.

Затем сквозь облегчение пробилось еще что-то. Гнев, а после — приливная волна самой горячей, необузданной эмоции, которую я когда-либо ощущала. Ее можно назвать любовью, уподобляющейся расцвету души, подобной урагану, а когда я поняла, что это исходит не от меня, а от вампира, все еще держащего мою челюсть в железных тисках, я была потрясена.

— Я чувствую тебя.

Этот шепот сделал блеск его глаз намного ярче, чем я видела раньше, но теперь удерживать его взгляд не было больно.

— Потому что твой обман стоил тебе человечности.

Резкость заставила бы меня вздрогнуть, если бы не новый всплеск эмоций. Еще больше

гнева, да, но он был рожден страхом потерять меня. Я не думала, что Влад может чего-то бояться, но это произошло в моем подсознании вместе с очередной волной кипящей любви, словно расстроенный троюродный братец. Я думала, что его мания контролировать происходит от его высокомерия, но она шла из патологической необходимости меня защитить. Если бы я все еще не была заиклена на мыслях о крови, я бы поразилась тому, на что он соглашался, когда все это бушевало в нем.

Затем меня ударила новая волна боли, стирая покой таким серьезным голодом, словно меня постигала голодная смерть по тысячу раз за секунду. Я бы рухнула, если бы не захват Влада, и прежде чем я успела закричать от этой ужасной внутренней агонии, новый поток амброзии прогнал ее прочь.

Я сглотнула с той же жадностью, что и раньше, но на этот раз, придя в себя прежде, чем он забрал слипшийся пластиковый комок из моих рук. *Пакеты с кровью*, отметила я, пока облизывала свои руки, повинувшись импульсу, который не могла контролировать. *Как современно*. Если я правильно помнила, я буду пить кровь как сумасшедший маньяк в течение нескольких дней, пока у меня не будет достаточно сил, чтобы не убить первого же человека, встретившегося на моем пути. Мысль была удручающей.

Затем меня озарила еще одна запоздалая мысль.

— Почему я вампир, а не упырь? Я помню, как умерла...

И видела свою мать. Это ошеломило меня, заставляя мгновенно забыть о вопросе. Она не была сном или иллюзией, я знала это так же, как свое собственное имя. Это означало, что после смерти что-то было. Я бы никогда не поверила в это, потому что никогда не видела подобного от других пережитых мною смертей, но, возможно, увидеть это можно только испытав лично.

Хватка Влада ослабла, когда он начал ласкать мое горло вместо того, чтобы удерживать челюсть.

— Моей крови было недостаточно, чтобы исцелить тебя вовремя. Это так, однако, начался процесс изменения.

— Как?

Его зубы сверкнули в невеселой улыбке.

— При нормальном обращении, я бы истощил тебя до смерти, после чего ты бы выпила мою кровь. Ты же перед смертью осушила себя своими травмами, и в тебе было достаточно моей крови, так что когда я дал тебе еще, это толкнуло тебя через край.

Затем его рука упала, ярость, пропитанная страданием, пробила в мои эмоции, прежде чем он продолжил.

— Конечно, я не знал этого, пока ты не умерла, и вдруг ты начала рвать мне горло.

Я не помнила этого, и не помнила того, как оказалась здесь. Последнее, что я помнила — как охранники тащили Шрапнеля, а Влад стоял на коленях рядом со мной.

— Гретхен. Она в порядке?

— Лишь легкие травмы.

На этот раз я почувствовала облегчение не от насыщающих глотков крови.

— А Сандра?

— У нее более серьезные травмы, но она поправится.

Я не хотела спрашивать, но я должна была знать.

— Шрапнель?

Его губы сжались.

— Там, где должен быть.

Это без сомнения означало, в подземелье. Может быть, мы тоже там. Эта комната была похожа на любительскую версию одной из клеток в тюрьме Влада, так как стены, потолок и пол сделаны из твердой породы, без видимых выходов. Но тут было два сложенных в углу матраса, покрытых толстыми одеялами, что нельзя считать стандартным набором для подземелья. Я увидела все это, хотя тут и отсутствовал свет...

И я все еще видела отлично. Я моргнула, как будто ожидая, что это изменится, но конечно же, этого не произошло. Здесь не было света, но все же я видела каждый дюйм красных мазков на стенах, которые пахли так хорошо, что мне хотелось их облизать. Когда два укола боли прорезали губы, я поняла, что мои новые клыки снова вылезли.

Чувствуя себя подавленной, я закрыла глаза. Я не хотела, чтобы все произошло так скоро, и не знала, смогу ли с этим справиться. Но, готова я или нет, теперь я вампир. Моя рука скользнула по груди к сердцу. Оно билось двадцать пять лет, и все же всегда было тихим, как барабан, а теперь от него словно кто-то отказался. Когда я открыла глаза, Влад смотрел на меня. Он ничего не сказал, но странная смесь сочувствия и беспощадности вспыхнула в моем подсознании. *Ты сделала это с собой*, свои эмоции теперь казались сдержанными, *но тебе не придется встречать это в одиночку*.

Я посмотрела на него, отметив крошечный шрам на носу, который раньше не замечала. И не только его. Его кожа больше не казалась бледной, она выглядела слабо люминесцентной, словно он нес в себе свет. Его волосы были не просто темно-коричневыми, а богатой палитры черного, темно-коричневого и каштанового. Воздух вокруг него потрескивал энергией, и когда он снова погладил мою шею, его руки дрожали, словно его пронзало током.

— Теперь ты другой, — сказала я с удивлением.

Его рот изогнулся, наполовину с насмешкой, наполовину с удивлением.

— Ты вампир. Ты видишь детали, которые люди не видят, чувствуешь силы, которых они не понимают, и ощущаешь эмоции сильнее, чем они даже могут себе представить.

Затем он схватил меня за волосы, притягивая голову вперед и опуская к своему рту.

— Теперь почувствуй это, — прошептал он.

Грубая ласка его щетины и чувственная гибкость его губ бледнели рядом с взрывом эмоций в моем подсознании. Похоть пронзила меня, словно вспышка огня, почти заставив упасть на колени. Она зажгла мои нервные окончания так же требовательно, как голод, но без боли. Я была поражена потребностью отдаваться удовольствию до тех пор, пока восторженные крики не раздадутся в моих ушах, и делать это прямо сейчас. Мой рот открылся, язык сплелся с его, и я схватила Влада за рубашку. Она разорвалась в моих руках также легко, как мокрая бумага, а потом, когда он дернул меня к себе, его тепло заставило меня замереть. Он всегда был теплым, но теперь ощущался подобно пламени, заключенному в плоть. Он сорвал мое платье, лифчик, трусики и сделал это также безжалостно, как я разорвала его рубашку, и бросил меня на соседний матрас.

Когда его тело покрыло мое, я застонала, шокированная тем, как это отличалось от того что было раньше. Каждое прикосновение его кожи усиливало ощущения и заставляло меня выгибаться в первобытном желании. Каждая ласка, казалось, проникала в скрытые частички меня, которым не давали пищи в виде его прикосновений. Все выцвело и стерлось из памяти, все психические проблески, увиденные в прошлом. Это было, словно мы впервые занимались любовью, а когда он раздвинул мои бедра и опустил рот между ними, вспышка

экстаза заставила меня закричать.

Я не знала, как долго извивалась под ним, удовольствие раздирало меня на части от каждого движения его жгучего языка. Когда Влад встал и разорвал верх своих штанов, я все еще содрогалась от оргазма, но увидев его толстую длинную плоть, ощутила острую нужду в нем, снова и снова. Я скользнула вниз, потянув его на себя.

Когда его рот стиснул мой, от силы его поцелуя моя голова откинулась назад. Его вкус стал острее и слегка соленым, и это явно плотское ощущение заставило заболеть то место, где я уже была влажной. Его тело было огненным, и в ожидании сокращения эмоции в том месте, он протянул между нами руку. Я разорвала наш поцелуй и, не задумываясь, укусила его плечо, шокированная тем, насколько естественно это ощущалось. Удовольствие пронзило меня, как только я погрузила клыки глубже. Была ли это я или он, я не знаю, но когда он дернул свои бедра, встретив мою тягу к нему, мне стало все равно.

Я прекратила кусать его от крика, вырвавшегося у меня, когда он толкнул внутрь меня палящую плоть. *Неужели я не чувствовала этого раньше?*

Нет, я не могла. Я не была в состоянии выдержать изысканное сжатие своих внутренних мышц, когда он вошел на всю длину до упора, останавливаясь лишь потому, что не мог войти глубже. Или блаженство, когда его рот накрыл мое горло, и он прикусил то место, где был когда-то мой пульс. Затем Влад двинулся вперед, мое горло все еще было в плену его клыков, и ощущение его полного доминирования никогда еще так властно не срывало мои запреты.

Я оторвала его рот прочь, едва заметив жало клыков, разрывающих кожу. Потом обернула руки вокруг него и укусила его в то же место. Удовольствие от связи с его чувствами перегрузило мои нервные окончания, доводя до иступления. Он двигался быстрее, глубже, его хватка вызывала кровоподтеки, и я гордилась этим, запуская свои клыки ему в шею, чтобы соответствовать каждому тяжелому толчку. Мои ногти рвали его спину, разрисовывая гладкость, которая не была покрыта потом. Экстаз нарастал вместе с внутренней болью, требующей большего, не заботясь, что этого было уже слишком много. Влад был слишком горячим, слишком большим, слишком грубым — и я бы умерла, если бы он остановился.

Я оторвала рот от его шеи, выдыхая: *«Я так сильно тебя люблю»*, прямо перед тем, как следующий оргазм оставил меня содрогаться от его интенсивности. Через полуоткрытые глаза я увидела голову Влада, отброшенную назад, алые полосы портили гладкие линии его горла. Затем он опустил голову и посмотрел на меня, а его жгучие руки погладили по лицу.

— И я люблю тебя, моя жена.

У меня не было возможности ответить. Он скользнул вниз, его рот зарылся между моих ног со страстной жестокостью. Я выгнулась к нему навстречу со стоном, наполовину восторженным, наполовину разочарованным. Это чувство было невероятным, но я хотела снова ощутить его внутри себя...

Все мысли очистили мой разум, когда его клыки сменили язык, пронзая клитор, а не полизывая его. Раскаленное добела удовольствие разрывало меня, заставляя энергию выстреливать из моей правой руки. Дымок завивался над дырой, зиявшей в нашем ложе, но все, что я могла сделать — это вцепиться в простыни, когда он начал сосать длинными глубокими потягиваниями.

Его имя вырвалось из моего горла в сдавленном вскрипе. Еще одно посасывание — и я закричала, а потом больше не могла думать. Все, что я могла сделать, это схватить его, когда

из меня вырвался бессловесный крик, а он облизал меня после еще одного последнего умопомрачительного высасывания. Я не могла даже пошевелиться.

Влад потянул меня за бедра, от сильного удара у меня вырвался еще один сдавленный крик. Моя плоть пульсировала и покалывала, судорожно обхватывая его, когда он отдалялся. Он поднял меня, притягивая к себе на колени. Еще один выпад бедрами снова сцепил меня с ним. Я вцепилась ему в бедра, начиная раскачиваться на нем, ощущая на своей шее его обжигающие губы, когда он откинул мне волосы в сторону, чтобы целовать в этом месте. Затем не осталось ничего, кроме жесткого ритма, который привел меня к кульминации за мгновение до того, как он достиг своей, и мы вздрогнули, сотрясаясь внутри и снаружи.

Когда Влад отпустил меня, я рухнула на матрас, не задыхаясь только потому, что мне больше не нужно было дышать.

Я никогда раньше не курила, но если бы тут была пачка сигарет, я бы попробовала. Затем мой желудок сжался. Насыщение исчезло, сменившись голодом настолько сильным, что я начала трястись. Влад дернул меня, прижимая одной рукой к стене, а другой набирая цифры на клавиатуре, которую я не заметила раньше. Из каменной поверхности выскользнул ящик, и мне хватило одного взгляда, чтобы он затуманился непреодолимой потребностью.

Следующие несколько минут были вихрем на карусели из боли и облегчения. Когда рассудок вернулся, я все еще была прижата к стене, высасывая остатки из пластикового пакета, пока Влад смотрел на меня. Он протянул руку, и я заставила себя отдать пакет, хотя там еще и осталось несколько сочных алых полос. Тем не менее, я не стану вести себя как животное дольше, чем это необходимо. Он забрал его и кинул к моим ногам, помещая в ту же кучу, где были другие.

— Как ты узнал? — удалось мне спросить спокойно.

Он пожал плечами.

— Это бывает со всеми новообращенными вампирами. Секс, гнев и насилие будут вызывать твой голод. До тех пор, пока ты не сможешь это контролировать, тебе необходимо научиться предвидеть это.

Я посмотрела вниз. Кровь забрызгала меня спереди, когда я безумно разрывала пакеты с ней, делая меня похожей на актрису из порнографического фильма ужасов. Впереди меня ждали еще несколько дней бессмысленного безумного кормления, но некоторые вещи не могли ждать, пока я подчиню мой новый голод.

Я подошла к кровати и обернула вокруг себя простыню. То, что я собиралась сказать, было слишком серьезным, чтобы говорить это обнажённой.

— Так как ты понял, что Шрапнель предатель, — начала я.

Его смешок прервал меня.

— Не думаю, что ты изрезала бы его на кусочки из-за того, что он случайно скатил вас со скалы.

Я посмотрела ему в глаза.

— Он был единственным предателем в твоём доме, но он был не один.

Взгляд Влада стал ярко-зеленым.

— Объясни.

— Сандра передала сообщение...

Я не успела договорить, как Влад обернулся, прижимая меня к стене, которая ничем не отличалась от остальных, но там внезапно появилась дверь.

— Уотерс, — рявкнул он в открытое пространство. — Немедленно схватить Сандру.

Нет, закричала я мысленно. *Это не ее вина!*

Он не ответил. Правда, он больше не мог слышать моих мыслей. Вкупе с захватывающим сексом, это было приятным бонусом к тому, чтобы быть вампиром.

— Она не знала, — сказала я вслух. — Шрапнель под гипнозом заставил ее сделать это. Я видела, когда коснулась ее.

Влад повернулся, выражение его лица не смягчилось, но он добавил:

— Схвати ее мягко, Уотерс, — после чего закрыл дверь, нажав на еще одну незаметную панель.

— Что еще ты видела?

Я не могла сказать, мною или Шрапнелем вызвано неудовольствие в его эмоциях.

— Сначала пообещай мне, что не причинишь вреда Сандре.

Он скрестил руки на груди. Со своими напрягшимися мышцами, забрызганными кровью от моего бешеного кормления, он не мог выглядеть более угрожающе, но я отказывалась отступать.

— Обещай мне, — повторила я.

— У меня были другие способы выяснить это, — сказал он вкрадчиво.

Я испустила мрачный смешок.

— А почему, как ты думаешь, я действовала за твоей спиной? Я хорошо знаю твои «способы» получения информации. Поэтому не собиралась подвергать этому своего друга, на тот случай, если она не сделала ничего плохого.

Его губы сжались, и эхо его гнева вкралось в мои эмоции, но это еще не все. Словно острое горькое воспоминание, в моем подсознании всплыло сожаление. Потеря моей смертности было моей ошибкой, но Влад винил в этом и себя тоже.

Затем он прижался к стене, и скрытая дверь снова появилась.

— Ну, идем, — со взмахом руки сказал он.

Я подозрительно посмотрела на открытый вход.

— Разве я не должна быть в строгой изоляции, потому что несу кровожадную угрозу?

— Да, но ты пойдешь со мной, чтобы лично убедиться, что Сандра не пострадает, пока она осознано не предаст меня. Если, конечно, — усмехнулся он, — ты не разорвешь ей горло.

Я не ожидала, что так скоро снова окажусь в подземелье, но после душа, переодевания, еще одного питательного безумства, душа и снова переодевания, я оказалась здесь. Когда мы вошли в первую камеру, зловоние заставило меня отпрянуть. Тут пахло так, будто кто-то смешал керосин, гнилые фрукты, несвежую кровь, мочу и собачье дерьмо, а затем взорвал все это. Как я могла не замечать этого раньше? Хотя я и не дышала, прогорклый запах все равно проникал в нос.

— Тут воняет.

— Разве охранники забыли распылить тут освежитель? — спросил Влад с притворным негодованием. Затем он одарил меня измученным взглядом. — Это подземелье, Лейла. Тут должно так пахнуть.

Миссия выполнена. Возможно, зловоние убьет мой новоявленный аппетит. Если ад мог бы испускать газы, они бы пахли так же.

— Лейла!

Я повернулась на голос Сандры. К моему облегчению, ее не пристегнули к большому каменному монолиту. Вместо этого она ютилась на полу, а на ее лице застыло такое выражение, словно она думала, что никогда не покинет этого места. Как только она меня увидела, она бросилась ко мне.

— Пожалуйста, скажи им, что это ошибка!

Один из охранников появился из ниоткуда, поймав ее прежде, чем она успела добраться до меня. Хорошо, очень. Она тоже приняла душ и переделась после аварии, но я все еще могла ощущать запах крови, засохшей на ее царапинах, ушибах и зашитых ранениях на

голове, и все это даже сквозь эту ужасную вонь. Клыки вжались мне в десны.

Ты только что поела, напомнила я себе, и Сандра НЕ ДЕСЕРТ.

— Все в порядке, — сказала я ей. — Владу просто нужно узнать твои воспоминания о некоторых вещах.

Мы делали это здесь, потому что хотели, чтобы Шрапнель видел последствия своего предательства, и было лишь одно место, где он мог при этом находиться. Несмотря на проблемы с моим контролем, я не собиралась уходить, пока Влад не закончит допрос Сандры. Я была ее единственным союзником, а подземелье было достаточно страшным без друга на твоей стороне. Влад, может, и насмеялся надо мной в том, что я могу разорвать горло Сандры, но он никогда не позволит мне это сделать.

Кроме того, я тоже хотела услышать побольше о темноволосой вампирше Шрапнеля. Для начала, почему она была так решительно настроена, убить меня? Правда, находиться здесь означало встретиться лицом к лицу с темной стороной Влада, и он не станет терять времени на ее сокрытие.

— Приведите его, — сказал он, указав на Шрапнеля.

Три вампира вновь появились как ниндзя, но, когда они сняли наручники, приковывающие Шрапнеля к каменной стене, их движения уже не были такими быстрыми. Когда упала последняя серебряная цепь, Влад взял длинный деревянный кол и протаранил им путь через живот Шрапнеля.

Сандра ахнула. Я старалась не замечать, как ее пульс ускорился, словно пытаюсь привлечь мое внимание.

Тайком я сжала пакет с кровью, заправленный в мою куртку. Если я почувствую приступ голода, я ухвачусь за него, давая охранникам больше времени, чтобы защитить Сандру. *Разве все уже было предрешено?*

Влад передвинул Шрапнеля к одному из отверстий в камне, опустив в него конец шеста, словно поставил цветок в вазу. Несмотря на все это, Шрапнель испустил лишь несколько суровых стонов, и только. Его сила духа впечатляла, но чем сильнее он был, тем больше ему предстоит вынести, пока Влад будет пытаться узнать, зачем он его предал. Шрапнель дважды пытался меня убить, но я все равно не могла его не пожалеть.

Раздавшееся сопение обратило мое внимание на Сандру. Ее голова была низко опущена, длинные красно-золотые волосы скрывали лицо.

— Я сделала что-то ужасное, да? — прошептала она. — Я ничего не помню, но когда ты прикоснулась ко мне в машине, то почувствовала это.

Я хотела погладить ее, утешить, но ее пульс уже начинал звучать как звонок к обеду, так что я не могла себе доверять настолько, чтобы подойти ближе.

— Влад не сердится на тебя, — сказала я своим наиболее обнадеживающим голосом. — На самом деле ты сможешь помочь нам найти других людей, которые заставили тебя предать его, а затем мы остановим ее.

Брови Влада изогнулись.

— Ее?

— Ее, — повторила я, взглянув на Шрапнеля. — И, судя по всему, она колдунья.

Шрапнель уставился на меня, и его обсидиановый взгляд заискрился зеленым.

— Ты солгала мне. Вы не знаете, кто она.

Его голос излучал больше удивленно, чем со злостью, не то, чтобы у него были основания указывать на меня пальцем в связи с нечестностью.

— Не знаем пока, но мы узнаем, — ответила я хладнокровно.

Пока Шрапнель висел на высоте птичьего полета, Влад подошел к Сандре.

— Если ты ничего не знала о своих действиях, поскольку они изменили твою память, то я не трону тебя.

Условные слова утешения, но они сработали. Сандра опустилась на одно колено и склонила голову.

— Вы выбрали меня на улице после того, как родители отказались от меня. Дали мне дом, образование, и обещание лучшего будущего. Я никогда бы не предала вас сознательно.

Рот Влада изогнулся, когда он бросил язвительный взгляд на Шрапнеля.

— Тогда ты более верна мне, чем оказались двое самых близких друзей.

С этими словами язвительная смесь гнева и боли ввинтилась в мои эмоции. Я вздрогнула, вспоминая о том, что действия Шрапнеля были большим, чем просто вампира, пошедшего против своего родителя. Нож, вогнанный в спину, был бы менее болезненным, если бы это сделал кто-то другой.

Сандра поднялась и откинула волосы в сторону.

— *Lasg-mrsg-țidovedesc, grînuolmeu!* (румынский — Позвольте мне показать вам, мой принц!)

Влад схватил ее шею и опустил к ней свой рот. Когда он укусил ее, во мне возникло что-то, чего я не ожидала. Это был не голод, хотя свежий запах крови и сделал свое дело, заставив выскочить мои клыки. И то была не забота о большой потере крови Сандры, поскольку она уже была в плохой форме. У меня возникло непреодолимое желание оторвать ее от Влада, а потом наброситься на нее с шипящей во мне энергией, пока от нее не останется ничего, кроме рваных частичек.

Я ревновала. Как абсурдно. Он был вампиром, она была человеком, чей разум затуманен, и лучший способ обойти это — взять ее кровь перед тем, как заморозить взглядом. Я знала об этом, но знание не остановило всплеска эмоций, от которых из рук вырвались искры.

Его рот на ней. Ее голова откинулась так, что было ясно, она не испытывала боль. Пульсация в горле, его глотки...

Хлыст ударился о скалистое основание под моей рукой. Возрождение вампиром несколько не притупило моей внутренней энергии. Под ногой сразу же возникла трещина, надеюсь, никто этого не заметит.

Влад поднял голову, безошибочно прошелся взглядом по тому месту и посмотрел на меня. Я ждала, что его медные глаза отразят иррациональность моей ревности, но вместо этого они были задумчивы.

Он отпустил Сандру, вытирая колотые ранки на ее шее своим большим пальцем, перед этим пронзив его клыком. Я пыталась обуздать свои эмоции и энергию, пульсирующую в руке, а мысленно пела Стинга «*EveryBreathYouTake*». *Жизнь-и-Смерть крупным планом,*

Лейла. Расставь свои приоритеты.

— Он пришел к ней в комнату, чтобы загипнотизировать ее, — сказала я, надеясь, что эта деталь поможет.

Когда Влада посмотрел на Сандру, его глаза позеленели, поскольку она была единственным человеком в этой комнате.

— Шрапнель вошел в твою комнату, — повторил он звонким голосом. — Он хотел, чтобы ты передала сообщение. Каким оно было?

— Я не знаю, — прошептала она.

— Ты знаешь.

Воздух затрещал, отчего волоски у меня на руках встали дыбом. Казалось, от от Влада исходили невидимые волны, наполняя комнату количеством достаточным энергии, чтобы заставить кожу сползти. *Что он делал?*

— Ты можешь видеть его в своей комнате, — продолжал Влад тем же вибрирующим тоном. — Ты до сих пор слышишь его голос. Что он говорит?

— Он говорит, — ее лицо выглядело так, словно она прислушивалась к далекому шепоту, — сказать ей, что ее силы вернулись. Она чуть не умерла от их использования, но Влад возродил ее, и теперь он не останется в стороне. Я попытаюсь отравить ее, если она очнется.

С обвинением во взгляде я нагнулась к Шрапнелю. Пока я была в коме, он планировал отравить меня?

Ярость стерла мои эмоции, но Влад ничего не сказал, он даже не отвел от Сандры взгляда.

— Это было не единственное послание. Что еще?

Монотонным голосом, который я обычно слышала от людей, находящихся под влиянием вампира, Сандра рассказала о том, как Шрапнель поведал своей сообщнице все детали моих способностей, о моем местоположении на карнавале и моем нахождении в отеле с Максимом. Он даже заявил, что Максим должен быть нейтрализован только в крайнем случае. В моей голове промелькнули пули с жидким серебром. Это было намного опасней, чем должно было бы быть.

Когда Влад приказал Сандре повторить сообщения женщины, они начинались как доброкачественные запросы, выражающие скорее любопытство, чем угрозу. Все изменилось со взрыва на карнавале. Неудивительно, что когда ее реальные намерения были разоблачены, последующие сообщения состояли из вариаций убийства Лейлы. *Убей ее сейчас.* Мой гнев начал расти. Большую часть из этого мы уже знали, и мне не было нужды чувствовать эмоции Влада, чтобы понять, что он тоже был этим расстроен.

— Где вы с ней встречались, чтобы ты могла передать эти сообщения? — спросил он.

Сандра нахмурилась.

— Я никогда не встречалась с ней, но каждые два дня ходила в город, в книжный магазин. Я писала сообщения и клала их в «Одиссею» Гомера. Если в «Одиссее» были сообщения от нее, я запоминала их, выбрасывала, а затем повторяла Шрапнелю, но только если он спрашивал меня о них. В противном случае, я никогда бы о них не упоминала. Я даже не помнила бы этих сообщений.

Сандра проговорила последнее, словно повторяя набор инструкций. Без сомнений, так и было, и именно они были повинны в том, в каком она теперь положении.

— Отправляйся в этот книжный магазин, — приказал Влад, не отрываясь от Сандры.

Один из его охранников низко поклонился и ушел. — Ты никогда с ней не встречалась, но он называл ее имя?

Мои волосы еще сильнее встали дыбом от исходящей от Влада энергии, так что мне пришлось потереть руки, чтобы прогнать эти покалывающие ощущения. Было ли это то, что имел в виду Марти, когда говорил, что вампиры могут ощущать силы друг друга, чувствуя ауры? Если это так, то Влад был задирой: не стоит вставать на его пути.

— Не думаю, что я должна была его знать, — голос Сандры звучал ошеломленным. — Но однажды Шрапнель назвал ее Синтианой.

Черты Влада застыли, словно лицо его стало каменным. Очевидно, ему было знакомо это имя. Мне тоже оно казалось знакомым, но я не могла вспомнить, где его слышала. Шрапнель закрыл глаза, выражение его лица отразило гораздо больше боли, чем тогда, когда Влад вогнал в его тело длинный деревянный шест. Несмотря ни на что, Шрапнель все еще любил ее, и его худшие опасения сбылись, поскольку теперь она подняла себя в верхнюю часть списка «самых разыскиваемых» Влада.

Мой взгляд вернулся к Владу, когда в памяти кое-что всплыло.

— Синтиана. Разве не так звали твою женщину до меня?

— Так, — ответил Влад, все еще глядя на Шрапнеля.

Я рылась в мозгу, пытаюсь вспомнить, что еще говорил мне Максим. Она была с Владом смехотворное количество времени, и когда он ее бросил, она сделала что-то. *Что это было?* Точно, она начала встречаться с одним из его людей, пытаюсь заставить Влада ревновать. Старый книжный трюк, но это не сработало...

И этим другим был Шрапнель. Я вытаращилась на него.

— Неужели Синтиана думала, что если я умру, у нее будет еще один шанс с Владом? Если так, то зачем вы делали это вместе? Ты любишь ее, я почувствовала это, когда дотронулась до тебя.

Шрапнель ничего не сказал. Его молчание было еще одним доказательством его чувств, но если ее мотивировала не ревность, то зачем Синтиана рисковала собственной жизнью, неоднократно пытаюсь положить конец моей?

Независимо от ее мотивации, пытаюсь расставить ловушку для меня, она убила кучу невинных людей. Лицо Дон вспыхнуло в моем сознании. Она не заслуживала смерти, прежде чем успела найти путь в жизни. Ни один из людей на карнавале, и ни один охранник Влада совершенно не заслужили быть взорванными, что с последними сделал Шрапнель, пытаюсь, замести следы. И, наконец, я не заслужила такого дерьма, которое пережила из-за желания Синтианы убить меня.

— Ты можешь идти, Сандра, — сказал Влад, его глаза потемнели до своего нормального цвета меди. — Твое участие прощено.

Освобожденная от его взгляда, она моргнула, затем что-то очень быстро сказала по-румынски.

— Конечно, это по-прежнему твой дом, — нетерпеливо ответил Влад. Затем махнул рукой. — Иди.

Бородатый охранник проводил Сандру за пределы этого места. Я рада была видеть, как она уходит. Она не сделала ничего, чтобы оправдать свое пребывание здесь, в отличие от вампира, висящего на высоком деревянном столбе.

Влад уставился на Шрапнеля. На мгновение через его эмоции на меня хлынуло торнадо гнева, разочарования и сожаления. После чего на них словно опустилась стена, отрезая все,

кроме моих собственных гневных чувств. Рассеялась даже витающая энергия, исходящая от Влада.

— Ты знаешь, что сейчас произойдет, — сказал он совершенно бесстрастно.

Я тоже. Начинай! Зарычала мстительная часть меня.

Затем я вспомнила ужасные приспособления в следующей пещере. Пытаясь узнать, где Синтиана, Влад не станет его жалеть. Но если у меня получится связаться с темноволосой вампиршей, я смогу облегчить участь Шрапнеля. Он заслуживает смерти за то, что сделал, но если мои силы прошли через обращение со мной, я смогу сделать все быстрее и подарить ему менее болезненную смерть. Если я хотя бы не попробую, не буду ли такой же, как та бессердечная сучка, хладнокровно убившая несколько людей в своих попытках меня убить?

— Давай сначала попробуем кое-что другое.

Взгляд Влада обратился ко мне.

— Он зашел слишком далеко, чтобы пытаться уговорить его выдать ее.

Шрапнель оскалился. Не улыбнулся. Предупреждение одного хищника другому. Затем он сказал что-то на языке, который звучал как румынский, но был более гортанным. Влад хмыкнул.

— Не сомневаюсь, мой друг, нам предстоит долгая работа, — затем он обратился ко мне, сказав просто: — Оставь нас. Ты не захочешь это видеть.

Не сомневаюсь, но я еще не закончила.

— Он тверд, как гвоздь, так что ты можешь потерять здесь две худшие недели... или мы можем сделать все возможное за считанные минуты.

Влад с жесткой улыбкой взглянул на мои руки.

— Весьма вероятно, что твои способности не заработают так скоро после обращения, если они вообще вернуться.

— Во мне все еще пульсирует энергия. Остальное тоже должно быть.

Сказав это, я наклонилась и коснулась правой рукой земли. Ничего. Через несколько секунд Шрапнель издал звук похожий наполовину на вздох, наполовину на смех. Хотя он знал, что это означает его пытки, он был рад.

Мой рот сжался, когда я снова коснулась земли. Тем не менее — ничего, лишь холодный неровный камень. Я сделала это в третий раз, но, несмотря на сущности, впитанные этим проходом, я ничего не видела.

— Лейла, — голос Влада звучал почти устало. — Ты не сможешь это остановить.

Он не понимал этого, но его слова лишь усилили мою решимость. Всю мою жизнь мне говорили: *«Ты не сможешь»*. Сначала это было: *«Ты не сможешь конкурировать на олимпийском уровне»*, — но я выиграла и попыталась прорваться в сборную по гимнастике. Затем, после повреждения нервов в результате аварии, мне говорили: *«Ты не сможешь ходить»*, — но я не только ходила, я выступала в цирке акробатом. Потом: *«Ты не сможешь коснуться кого-либо»*, — но я встретила Марти, вампира, который стал моим партнером по работе и моим лучшим другом. Еще позже: *«Ты не можешь просить меня, чтобы я тебя полюбил»*, — но теперь я была миссис Влад Дракула, так что нет уж, спасибо.

Я посмотрела на серый каменный пол. Ни в коем случае этот кусок скалы не победит меня после всего, через что я прошла.

Я не трогала его снова — я выстрелила в него из руки таким сильным зарядом, что превратила в крошечные осколки камня. Затем я сосредотачивалась, пока не услышала продолжение слов Влада, говорящего мне остановиться и насмешливый хохот Шрапнеля.

Там. Не громче, чем шепот, гораздо больше, чем мимолетное видение, но там что-то было, черт возьми! Я концентрировалась на этом до тех пор, пока все мое существо не стало сосредоточенным на камне под рукой, а затем увидела. Славные ужасающие образы обугленных вампиров, глухо падающих на пол в том месте, где я его касалась, с открытыми в безмолвном крике ртами.

Я встала, только теперь заметив, что Влад опустился на колени рядом со мной, раздражая меня, когда он взял за руку.

— Лейла, достаточно...

То, что он после этого увидел на моем лице, заставило его замолчать. Очень медленно он отпустил меня. Затем поднялся, и мои эмоции заполнила странная смесь гордости и раздражения.

— Хорошая новость — тебя лишили пыток, — сказала я Шрапнелю. — Плохая новость — я доберусь до твоей подружки, и теперь ее заклинание не имеет значения, ведь я уже мертва.

Я хотела сразу отправиться к Синтиане, но Влад сказал, что до рассвета осталось совсем немного. Я поверила ему на слово, так как понятия не имела, сколько сейчас времени. Кроме того, Синтиана не знала об изменениях.

Теперь она была той, кого безжалостно преследовали, и как только солнце сядет, начнется охота.

Мы оставили нижний уровень и направились к нашей комнате на четвертом этаже. Я была права в том, что большинство новообращенных вампиров размещались рядом с подземной темницей, но и там, у Влада был эквивалент президентского люкса для вампиров, которым он оказывал свое особое расположение. Тем не менее, как только мы вернулись на основной уровень дома, меня окружило множество шумов.

Шум шагов сверху и снизу. Частый металлический лязг кастрюль и сковородок, которыми пользовались на кухне, готовя завтрак. Голоса людей или их электронных устройств, а под всем этим ритмичная пульсация нескольких сердец.

Мой желудок сжался, и маленькие кинжалы уткнулись в губы. *Уже почти*, подумала я с облегчением, когда мы прошли внутренний сад и направились к парадной лестнице. Все, что нужно сделать — удержаться и не стать кровавым берсерком еще несколько минут.

— Лейла, слава богу!

Голос сестры заставил меня застонать вслух. Гретхен побежала вниз по лестнице, глядя на меня с облегчением и задумчивостью одновременно.

— Его головорезы сказали, что ты была слишком ранена, чтобы мы могли тебя увидеть, и, судя по тому, как ты выглядишь, это ложь, — из моего горла вырвался единственный звук, заставивший ее замолкнуть на полуслове. — Ты что, только что зарычала на меня? — недоверчиво спросила она.

Влад взглянул на меня, а затем его руки сомкнулись вокруг моих.

— Отойди, — строго сказал он Гретхен.

Слишком поздно. Боль разрывала меня, щелкнув переключателем в мозгу, который сделал меня неспособной видеть маленькую сестренку, которую я люблю. Вместо нее я видела лишь лекарство от моей агонии, завернутое внутрь ее плоти, которую было так легко разорвать.

Следующие несколько минут прошли, как в тумане, сменяясь облегчением, последовавшим, когда мне в горло скользнул невероятно вкусный нектар, гася ожог, вызывавший пожар внутри, и теперь это казалось блаженством. После того, как я проглотила каждую каплю, я узнала крик с панически задаваемым вопросом.

— Что с ней не так, что с ней не так, ЧТО С НЕЙ НЕ ТАК?

— Ничего.

Голос Влада. Когда я слышала это, затяжное безумие исчезло, сменившись ощущением его спокойствия, просачивающегося в мои эмоции. Он был за моей спиной, его руки крепко сжимали меня, мешая мне причинить кому-нибудь боль. Я осела напротив его мощи, бессмысленная дымка окончательно покинула глаза.

Гретхен застыла на нижней ступеньке лестницы, широко раскрыв глаза с таким поражённым выражением лица, что я стала беспокоиться, как бы она не упала в обморок.

— Все в порядке, — сказала я. Мой голос был хриплым, но, по крайней мере, он больше

не был похожим на животный рык.

— Все в порядке? — повторила она. — Как может быть все в порядке, если ты только что пыталась меня убить?

У меня не было на это ответа. Гретхен вдруг села, как будто ее кто-то дернул, а затем уткнулась головой в свои руки.

— Я понимаю. Он должен был изменить тебя, потому что иначе ты бы не выжила. Вот почему они не позволяли нам тебя увидеть.

В отличие от предыдущего визга, теперь ее голос был почти шепотом. Угрызения начали выплывать твист у меня внутри. У меня даже не было шанса сказать ей о том, что в будущем я собиралась это сделать.

Теперь она узнала об этом, когда я попыталась ее съесть.

— Я понимаю, если... если ты не сможешь с этим справиться, — начала я.

Она вскинула голову, глядя на меня своими ярко голубыми глазами.

— Не стоит. Ты спасла меня, но я не смогла спасти тебя, — ее голос дрогнул, и слезы выступили из глаз. — Мне очень жаль.

На глаза навернулись слезы. Она прошла через смерть нашей матери, мои кошмарные способности, мою попытку самоубийства, и мой уход, когда я оборвала связь с семьей, решив, что это лучшее, из того что я могу сделать. У нее были свои недостатки, но я должна была знать, что даже этого не окажется для нее слишком много.

— Не надо. Если бы ты не вытащила меня из машины до взрыва, я действительно умерла бы.

При этом Влад отпустил меня.

— Ты вытащила Лейлу из машины?

Гретхен напряглась, его тон был слишком жестким.

— После того, как она перерезала мой ремень безопасности — да. Она была в плохом состоянии, и я боялась пошевелить ее, думая, что это лишь ухудшит дело, но иначе она взорвалась бы.

— Ты молодец, — сказала я, думая *Полегче!* прежде чем вспомнила, что теперь он не может слышать мои мысли.

— Держите ее, — заявил Влад, кивая на меня.

— Что? — ахнула я.

Это все, что я успела, прежде чем вышли двое охранников, которых я не замечала, и схватили меня, позволяя лишь слабые примитивные движения, оставляя неподвижной между ними двумя.

— Это ради защиты твоей сестры, — заявил Влад, шагая к Гретхен. Она выглядела так, словно хотела убежать, но не сдвинулась, даже когда он навис над ней.

— Протяни руку, — сказал он ей все тем же четким тоном.

Замешкавшись, она сделала это. Влад схватил ее, а затем вытащил нож, ужесточая хватку, когда она попыталась отодвинуться.

— Влад, — произнесла я его имя, как предупреждение.

Он даже не взглянул на меня. Вместо этого он сжал лезвие в руке и покрыл ладонь моей сестры своей кровью.

— Выпей, — сказал он ей, — и ты станешь одной из моих людей.

Гретхен неприязненно взглянула на его руку. Затем снова посмотрела на Влада.

— Разве я уже не считаюсь такой как сестра твоей жены?

Его улыбка была холодно приятной.

— Не в мире вампиров.

Потом она посмотрела на меня.

— В чем подвох?

Я вспомнила, что ответил мне Влад, когда я задала ему подобный вопрос в одинаково безответной ситуации.

— Если ты сделаешь это, а в будущем его предашь, он тебя убьет, — сказала я прямо.

Вместо того, чтобы испугаться, она фыркнула.

— Как будто он сейчас не делает этого, если я его предам. Но, с другой стороны, если я сделаю это, а затем кто-то навредит мне, ему придется ответить перед Владом, не так ли?

Изумруд блеснул в его взгляде.

— Совершенно верно.

Она посмотрела на его руку, а потом прижала ее ко рту, как будто, подумай она об этом дольше, это свело бы ее с ума.

— Фу, — сказала она, когда облизала кровь.

Я закрыла глаза. Гретхен не была ребенком, и она приняла это решение по собственной воле. Что не меняло моего беспокойства о том, что она сделала еще один шаг в сторону от человеческого мира. Не говоря уже о том, как отреагирует отец, когда узнает об этом.

— Ничего себе, это как жидкий ускоритель, — пробормотала она. Затем в изумлении уставилась на то, как ее царапины, порезы и синяки стали исчезать, как будто их стерли невидимым ластиком.

— Что здесь происходит?

Яростный тон моего отца прорезал воздух, словно мачете. Я съежилась от того, как, должно быть, выглядела, пропитанная кровью и сдерживаемая двумя здоровенными охранниками, и этот всплеск эмоций заставил выскочить мои клыки.

Что, конечно же, было неправильной реакцией.

— Нет, — прошептал отец, когда посмотрел на меня, ужас исказил его черты. Затем он начал спускаться по лестнице так быстро, как позволяла ему несгибаемая нога.

— Что ты с ней сделал? — прогремел он Владу.

Влад одарил отца обжигающим взглядом, когда подошел, затем взял мои руки, отчего охранники поклонились и попятились вон.

— Если ты продолжить говорить все это в своей голове, я заберу твою способность говорить на несколько недель.

Челюсть отца упала. Я извивалась в руках Влада. Не так я представляла себе сообщение этой новости отцу.

— Отпусти меня, я больше не чувствую жажды.

— Это рассвет, — ответил он, все еще глядя на моего отца.

— Хорошо, значит, я буду уставшей, но это не значит...

Мой рот перестал работать. Затем то же случилось с каждым мускулом в теле. До следующих слов моего отца я была уже совершенно без сознания.

Я проснулась так внезапно, что даже удивилась. В одну секунду я мертва для всего мира, в следующую — уже на ногах и голодна, словно ад, а взгляд мечется в поисках пищи.

— Там, — показал Влад на открытую в стене щель.

Я накинулась на пакет внутри нее, разрывая его, как акула из «Челюстей». Когда я закончила, кровь капала с лица, рук и груди. Я поняла это лишь когда начала себя облизывать, а низкий смех Влада вырвал меня из голодного транса.

— Должен признать, это подало мне идею.

Меня охватило смущение, давая силы прекратить вычищать руки, как какой-то невменяемый котяра. Влад сел на матрас, спиной прислонившись к стене и небрежно вытянув ноги. Он изменился с тех пор, как я видела его в последний раз, и хотя его темно-фиолетовая рубашка была также безупречна, как и брюки цвета черного дерева, я по единственному дуновению узнала, где он был до прихода сюда.

— Ты возвращался в подземелье.

В его улыбке был больше, чем просто намек на мрачность.

— Может быть, в конце концов, я прикажу распылить там освежитель.

После еще одного облизывания я провела рукой по волосам.

— Мы же согласились, я найду Синтиану другим способом.

— Ты спала, и мне нужно было как-то убить время.

Его голос был чистым, но за ним скрывалось накаленное раздражение, окрашивающее его эмоции. Я вздохнула.

— Знаю, ты не привык объяснять свои действия, но брак означает именно это. Я же не привыкла просыпаться с неконтролируемым голодом, так что нам обоим предстоит поменять свои привычки.

Теперь его губы искривила улыбка другого рода.

— С тобой это длится лишь неделю. Со мной всю жизнь.

Я сухо рассмеялась.

— Если ты хотел жену, которая никогда не обсуждает твои действия, тебе не следовало жениться на мне.

Что-то еще проникло в мои эмоции, прорвалось сквозь них, словно язык чувственного огня. Более насыщенный и теплый аромат наполнил всю комнату, напомнив мне курящиеся специи и древесный дым.

— Согласен. Но я хотел тебя больше, чем подчинение.

Его голос был настолько низким, что пробрался глубоко внутрь меня. Я сглотнула, от голода другого рода клыки удлинились. Он выглядел таким идеальным в своем строгом костюме, таким расслабленным, прислонившись к стене, но его эмоции говорили о другом. Я могла быть вся в крови и растрепанной, но в этой комнате не я была по-настоящему диким существом.

И я не хотела бы видеть его другим.

Затем я покачала головой, очищая мысли от явно охватывающей меня тяги к нему. На повестке дня стояла охота на вампиршу-убийцу, плюс к тому травмированный отец, которого нужно успокоить. В план действий не вписывались несколько часов секса, а Влад не станет торопиться.

— Мне нужно принять душ, — сказала я, и это прозвучало так, словно я затаила дыхание, хотя больше и не дышала.

Его улыбка стала опасно плотской.

— После.

— Влад, правда, нам нужно так много сделать...

— Помнишь, как ты сказала, что не будешь постоянно второй после прочего? — прервал он меня бархатным голосом. — Не буду и я.

В следующий миг он был уже рядом со мной, нажимая внутреннюю кнопку в этом выдвижном ящике. Выскочил еще один пакет с кровью, словно это был торговый автомат. Прежде, чем я успела заговорить, Влад раздавил его на своей груди, покрываясь багровыми ручейками.

Нужда охватила меня с такой яростью, что смогла уничтожить совесть. Я не смущалась, набросившись на него. Не беспокоилась, что он разорвал мою одежду так же свирепо, как я разрывала его в поисках последних капель, и я действительно не возражала, когда он прижал меня к стене и вскинул мои ноги к своей талии. Потом не было ничего, кроме вкуса крови на его коже и изысканной шероховатости его тела, погружающегося в мое, снова и снова, пока жгучий экстаз, охвативший меня, не заставил забыть о голоде.

Когда я вышла из ванной полностью одетой, была уже четверть одиннадцатого. Влад уже был готов и ждал меня — по всей видимости, он принял душ в другом месте. Иначе прошло бы еще больше времени. Шрапнель никуда не собирался, Синтиана еще не знала, что ее обнаружили, а наш медовый месяц был разрушен достаточно, чтобы о нем не вспоминать.

— Прежде чем я начну работать со Шрапнелем, мне нужно увидеться с отцом, — сказала я Владу. — Он очень волновался. Может, останешься по близости на тот случай, если я снова накинусь на них, как на пакет с кровью?

Влад пил вино, но на этих словах отставил его в сторону.

— Многие люди, знающие о вампирах, с трудом принимают превращение любимого человека. Это вызывает чувство страха, отчуждения и беспомощности. Для тех, кто привык командовать, как твой отец, эти чувства часто проявляются намного сильнее.

Его тщательно сформулированное заявление было сделано неспроста. Обычно Влад был немногословен и более резок. Что-то произошло.

— Не подслащивай. Что случилось?

— Прямо сейчас он не хочет видеть тебя и настаивает на том, чтобы они с Гретхен уехали, — ответил он со своей обычной прямоотой. — У меня есть другие дома, где они будут в безопасности, но я отказался отпустить его, если ты не согласишься с этим.

Теперь у меня была сверхчеловеческая сила, но я сидела так, словно мои колени превратились в желе.

— Гретхен тоже не хочет меня видеть? — *быть может, я не правильно поняла ее поведение чуть раньше...*

— Нет, твоя сестра яростно желает остаться здесь, отчего твой отец исполнился лишь еще большей решимости взять ее с собой, — Влад одарил меня измученный взглядом. — Он не понимает, но пытается восстановить контроль там, где не может. Он все еще любит тебя. Если бы не это, его реакция на то, что ты стала вампиром, не была бы столь эмоциональной.

Я ничего не сказала, думая о том, какой странной стала моя жизнь. Когда я была ребенком, из-за работы отца меня перевозили с места на место, не учитывая при этом, какое разрушение за этим следовало. Теперь настала моя черед обстоятельств, которые вырывали

его из жизни, которую он построил. *Карма сучка*, как сказала Кэт, но я не хотела, чтобы отец получал такое возмездие. Я хотела, чтобы он был счастлив и в безопасности.

— Отпусти его, но подожди до завтрашнего утра. Я хочу сначала пообщаться с Гретхен.

Мой голос был мягким и все еще устойчивым. Я знала, что нужно было бы его оставить, лишь для того, чтобы доказать себе, что я это могу. Что касается Гретхен — будет лучше, если она пойдет с ним. С моим новым голодом хищника я не могла доверять себе, находясь с ней рядом. Кроме того, ситуация здесь может стать только более опасной, не менее.

Затем я встала, одарив Влада кривой улыбкой.

— Теперь, давай посмотрим, смогу ли я найти эту сумасшедшую сучку, с которой ты встречался.

Я думала, что мы вернемся в подземелье, и мне очень хотелось вобрать суть Синтианы, прикоснувшись к Шрапнелю, но Влад привел меня в оружейную. Там он вручил мне серебряный кинжал с кельтским узором на его филигранной рукоятке.

— Это ее, — заявил он.

Мне потребовалась доля секунды, чтобы вспомнить, почему он показался мне знакомым. Затем я издала короткий смешок.

— Уверена, что так. Я касалась его, когда просматривала оружие. Вскоре после того, как я увидела женщину, я начала истекать кровью насмерть.

И снова во всем было виновато заклинание Синтианы, предназначенное для меня, но она не рассчитывала, что поблизости окажется Влад, чтобы меня оживить.

Или Максим, который сделал то же самое, когда я связывалась с ней через другие ссылки, оставленные ею из-за принесенной смерти. Теперь моя бесчеловечность защитит меня.

Слова *карма сучка* подходили к этим обстоятельствам как нельзя лучше.

Я стянула правую перчатку и довольно коснулась оружия. К моему удивлению, первым инстинктом было рвануть от него. Металл вызывал на коже зуд, напоминая о том времени, когда я, будучи ребенком, упала в ядовитый плющ.

— Он ощущается... неправильно. Тут что, серебро?

Его веселость пробилась в мои эмоции.

— Ты привыкнешь к этому. Оно так действует на всех вампиров.

Я старалась не обращать внимания, как этот раздражающий металл ощущался моей кожей, и сосредоточилась на сути, содержащейся в нем.

Через несколько минут концентрации бесцветный образ взял свое.

Мы дошли до моей двери, но когда Влад, пожелав мне спокойной ночи, начал уходить, я поймала его за рукав.

— Подожди, — затем я вытащила нож из складок пальто и протянула ему.

— Это тебе, — пробормотала я.

Он взял, его рот озарила полуулыбка.

— Что это? Ранний рождественский подарок?

— Разве мне нужен повод, чтобы подарить тебе подарок? — спросила я робко.

Он подкинул лезвие и снова поймал.

— Прекрасно сбалансирован. Спасибо, Синтиана. Он прекрасен.

Затем он наклонился, его теплые губы поцекотали мои. Когда он начал отстраняться, я его задержала.

— Не уходи, — прошептала я ему в губы.

Он отступил, нахмурившись.

— Один из моих людей пропал. Я не стану дожидаться утра, чтобы начать его поиски.

— Мне очень жаль, конечно, нет, дорогой, — сказала я, зная, что это лучше, чем узнать, что он может пойти к кому-то еще.

Он положил нож в свое пальто.

— Спокойной ночи, Синтиана.

— Спокойной ночи, Влад.

Я смотрела ему вслед, улыбкой маскируя свое разочарование на тот случай, если он оглянется. Он этого не сделал. Он никогда этого не делал, и его визиты становились все более редкими. Мне не нужно было прожить триста лет, чтобы понять, что это значит. Он начал от меня уставать.

Моя улыбка стала хрупкой. Я слишком долго была без той защиты, которую заслужила, и не собиралась терять свое место рядом с таким сильным вампиром. Рискованно или нет, настало время более убедительных средств, чтобы удержать Влада рядом со мной. Если я буду достаточно осторожна, он никогда не узнает причину своей новообретенной привязанности.

Моя связь с воспоминанием рассеялась, и я вернулась к реальности, чтобы найти себя, обхватившую нож так сильно, что он порезал руку. Затем я посмотрела на Влада, и мое подозрение возросло.

— Синтиана переехала к тебе вскоре после того, как дала тебе это?

Его бровь изогнулась.

— Это так, а что?

— Просто интересно. Ты знал, что она использовала магию?

Он пожал плечами.

— Знал, что она пробовала, но магия, обращенная против вампиров — вне закона, это серьезное нарушение не стоило риска.

— Или же она была более сложной личностью, чем казалась.

Что поделать, если это не было совпадением, то как Синтиана переехала к нему вскоре после того, как решила воспользоваться более «убедительным» средством, пытаясь удержать его? Если все так, то мы имеем дело не с любителем, попробовавшим случайное заклинание, а с полномасштабной ведьмой, которая может быть более опасной, чем те, кого знал Влад или я.

Я посмотрела на нож с большей настороженностью, чем раньше. Для вампира еще один сердечный приступ или спонтанное кровотечение будут болезненными, но не фатальными. Тем не менее, если она была могущественной ведьмой в маске, то был шанс, что Синтиана соорудила свои чары, чтобы те были смертельными и для вампиров.

— Следи глазами за тем, что я делаю с ножом, хорошо?

Когда я подняла голову, глаза Влада сузились. Он вздохнул, а затем улыбнулся так приятно, что мне стоило расценить это как предупреждение.

— Зачем?

— Если твоя бывшая окажется похожа на Злую Ведьму Запада больше, чем мы думали, то есть шанс, что ее заклинание может заставить меня ударить себя, хе-хе, в сердце.

Мой маленький смешок должен был показать, каким маловероятным я это считала. Однако его лицо потемнело, хотя очаровательная улыбка оставалась.

— Ты, должно быть, самый жестокий человек из тех, что я когда-либо встречал, — сказал он спокойным тоном.

— Что? — ахнула я.

— Моя первая жена покончила с собой. У меня ушли века, чтобы перебороть это и снова полюбить, но вот ты говоришь, что тебя могут вынудить убить себя прямо передо мной.

Его небрежный тон исчез, сменяясь чистой яростью. Но она была ничем по сравнению с той яростью, что затопила мои эмоции — резкая, как прорыв дамбы, и такая сильная, что я сделала шаг назад.

— Влад, я...

— Не надо. Говорить.

Огонь вырвался из его рук, поднимаясь к плечам до тех пор, пока не покрыл все его тело оранжевым свечением. Я бы подумала, что он пытается запугать меня, но водоворот его эмоций ясно говорил, что он не мог этого остановить.

— Я пытался позволить тебе сделать то, что, как ты чувствуешь, ты должна, потому что уважаю твою храбрость, но ты толкаешь меня слишком далеко, — вырвалась еще одна вспышка огня. — Попытайся еще раз умышленно поставить свою жизнь под угрозу, и я клянусь, я посажу тебя в тюрьму.

Прежде чем я успела выразить свою возмущение его ультиматумом, он исчез, не оставив после себя ничего, кроме запаха дыма.

— Эй, детка.

Я подняла голову и в дверях каменной клетки увидела Марти. Я даже не заметила ее открытия. Я закрыла себя тут, потому что не хотела никого обижать, если меня охватит еще один приступ голода, плюс здесь была организована поставка пакетов с кровью. Напиться кровью от разочарования звучало отвратительно лишь в теории. На практике это было так же эффективно, как ликер и мороженное вместе взятые.

— Максим был прав, когда предупреждал меня о Владе, — сказала я мрачно. — Ты же подслушал его угрозу посадить меня в тюрьму?

Жалостливый взгляд появился на лице Марти, что и было мне ответом.

— Не знаю, что я собираюсь делать, — продолжала я, приглашающе похлопав по месту

рядом с собой. — Я люблю Влада, но иногда он такой архаичный. Можешь себе представить, как бы он отреагировал, если бы я сказала, что он больше не имеет права рисковать своей жизнью ради своих людей?

— Он не стал бы слушать, — сказал Марти, сидя у меня на кровати.

— Правильно. Так как это отличается от меня, взявшей на себя часть риска, чтобы выследить сучку, которая трижды меня почти убила, что и удалось ей на четвертой попытке?

— Он шовинист? — предположил Марти.

— Именно так, — я взглянула на него и увидела печать усталости на его лице. — Что?

— Ты единственная, кто этому дивлен, малышка. Ты вышла замуж за почти психически больного, кого покорили зверства, в которых он рос, будучи даже более жестоким и психики среди зверств завоеваний, что сделало его еще более жестоким.

Добавь к этому превращение в вампира и вековую борьбу за власть среди нежити, и ты получишь сумасшедшего жестокого ублюдка, в которого ты влюбилась, — он похлопал меня по колену товарищеским жестом. — Неужели ты думаешь, что кто-то такой, как он, позволит своей жене бороться с его врагами за него? Они называют его Влад Колосажатель, а не Влад Кастрированный.

Я выдала смешок.

— Я не пытаюсь бороться с его врагами за него.

— В его глазах это ты и делаешь, и даже хуже, готова умереть, чтобы сделать это, — еще одно поглаживание. — Как ты уже сделала однажды, маленький вампир.

Я прислонилась к нему, наклонив голову так, чтобы она отдохнула на его плече.

— Что же мне делать? Позволить ему диктовать мне каждый шаг, потому что он старомоден по средневековым стандартам? Я не подписывалась на это.

Он сухо засмеялся.

— Нет, ты подписалась на кое-что посложнее. На брак.

— Смешно, — сказала я, но мой голос не был злобным.

В глубине души я знала, что он прав. Выйти за дракона значило иметь дело с огнем, когда он им дышит, но я не сдамся. Я начала это, желая долгого пути, так что пришло время прекратить раздумывать над тем, как груба дорога, и нажать на газ.

Я поцеловала Марти в щеку.

— Спасибо.

Он хмыкнул.

— За что? Я говорил тебе не связываться с ним, и не изменил своего мнения о том, что это была плохая идея.

— Спасибо за то, что ты хороший друг.

Потом я встала, наполненная новой решимостью. Влад быть может и сумасшедший жестокий ублюдок, но он мой сумасшедший жестокий ублюдок, и нам нужно было решить эту проблему.

— Поскольку ты подслушивал, ты заметил, куда он ушел? Ой, подожди, не важно. Я уже знаю.

Я спустилась по узкой лестнице, морща нос, когда запах стал более острым. Современный парень скорее пошел бы в местный бар. А вампир с привычкой сажать на кол пошел в подzemелье дома, и пошел туда не просто так.

— Привет, — сказал охранник, настороженно следя за мной, когда я приблизилась.

— Пожалуйста, скажи Владу, что я хочу с ним поговорить.

Охранник поклонился с облегчением, как я подумала, от того, что я не пытаюсь мимо него прорваться. Он открыл затворку чего-то и заговорил по-румынски. Ах, чудеса техники. Мои новые супер чувства означали, что я услышала ответ, полученный охранником, но, так как он также был на румынском, я его не поняла.

— Пожалуйста, подождите здесь, — наконец сказал он с акцентом, нопо-английски.

Я ничего не сказала, интересно, это значило, что Влад придёт, или я жду, чтобы кто-нибудь вывел меня отсюда.

Минут черед десять появился Влад. Тонкий слой пепла покрывал его одежду, кожу и волосы, что не требовало комментариев, поскольку сам он не мог загореться. Его смуглость, прибавленная к его появлению, он выглядел даже более опасным, как будто его выражение его лица уже не предвещало достаточно.

— Что?

Одно слово своей краткостью должно было своей краткостью послать меня с моего пути, и он проделал ту блокирующую штуку, когда я не могла чувствовать ни одну из его эмоций. Я расправила плечи и расставила ноги. Если он действительно не хотел меня видеть, он бы не пришел.

— У меня есть решение, которое подойдет нам обоим, — сказала я.

Его бровь изогнулась. Я многозначительно посмотрела на охранника.

— Ты хочешь сделать это здесь?

Рот Влада сжался, но он пронесся мимо меня и начал подниматься по лестнице. Я последовала за ним в закрытый коридор, который был главным в подвале. Там он остановился и повернулся ко мне.

— Что?

Все также резко, но тон его был уже менее жестким. Я сократила расстояние между нами и начала стряхивать пепел с его одежды. Он напрягся, но не сделал попытки остановить меня.

— Судя по твоему настроению, ты все еще не добился от Шрапнеля место нахождения Синтианы, — заметила я как бы случайно. — Он упрям, плюс она, возможно, околдовала его, чтобы он не смог сказать, где она.

Его взгляд отслеживал каждый мой шаг, но он оставался совершенно неподвижным.

— Это также произошло и со мной.

— Конечно, произошло, — я провела пальцами по его волосам, чтобы скинуть остатки. — Ты делал это намного дольше, чем я.

Его улыбка была настолько холодной, что пар мог бы превратиться в сухой лед.

— Если лезть — твое решение, то не беспокойся. Ты не воспользуешься ее ножом, чтобы связаться с ней. Я уже уничтожил его.

Я продолжала отчищать его от серой пленки.

— Прекрасно.

Его взгляд сузился от легкости моего согласия.

— Ты также не коснёшься и Шрапнеля, чтобы связаться с ней.

— Я и не хочу, — сказала я беззаботно. — Я могу обойтись без психического переживания твоих методов допроса, так что нет уж, спасибо.

На этом он схватил меня за руки и притянул ближе.

— Хватит врать, Лейла. Ты не отступила, и мы оба об этом знаем.

Его лицо было в нескольких дюймах от моего, темная щетина кололась, а губы сузились

в твердую линию. Я смотрела на него, непокорная под его яростным взглядом.

— Все, что нужно сделать Шрапнелю, это продержаться несколько дней, пока Синтиана не поймет, что его поймали, и не сбежит. Он знает, что ты знаешь об этом. Но она жила здесь, так что ее старая комната должна быть наполнена ее сущностью в предметах, которыми я не смогу убить себя. Если ты действительно хочешь убедиться, что я буду в безопасности, можешь приковать меня цепью, прежде, чем я попробую использовать что-то для связи с ней.

При этом его брови взмыли вверх.

— Заковать тебя?

Я одарила его озорной улыбкой.

— Давай же, я уверена, что ты фантазировал об этом.

— С каждым днем все больше и больше.

Пробормотал он зловещим тоном, но стена вокруг него треснула, и я почувствовала вспышку эмоций. Он все еще сердился, да. И был расстроен. Но, тем не менее, за всем этим был намек на признательность. Если кто и мог понять мою целеустремленную решимость схватить врага, то это Влад. Затем он издал суровый вздох.

— Там также то, что происходило со мной. В ее комнате ты можешь увидеть то, что я не хочу, чтобы ты видела.

Слепой гнев пронзил меня при мысли о психическом переживании образа, в котором Влад занимался любовью с другой женщиной. Я никогда не знала, что так ревнива, но очевидно, у меня с этим были некоторые проблемы. Затем я отодвинула эти чувства, поместив их в самую холодную и темную часть меня.

— Если и так, я удовлетворюсь тем, что увижу, как ты убьешь ее позже.

Он посмотрел на меня так пронзительно, словно измерял эти слова по моим частям, которые мог видеть только он. Я посмотрела в ответ. Если он думал, что я не имела в виду то, что сказала, он был неправ. Наконец он склонил голову, вынужденная улыбка окрасила его губы.

— Так уж вышло, что у меня как раз завалилась цепь.

Я осмотрела старую спальню Синтианы с циничным любопытством. Так вот где ведьма так желала остаться.

Как и все комнаты в доме Влада, эта была богатой. Тут также была очевидна женская тема в сиреновом и сливочном декоре с кружевной драпировкой, изящными кристаллическими светильниками, и балконом, выходящим во внешний сад. Сухие цветы, пронизанные тонкими золотыми нитями, украшавшие камин, развеивали по комнате приятный естественный аромат. Я была рада, что тут не пахнет Владом, да благословит Бог прилежную уборку его персонала.

— Как давно вы двое расстались?

Мой голос спокойно, опровергая борьбу, ведущуюся внутри меня. Злобная Лейла радовалась, что Влад держал Синтиану на два этажа ниже своего крыла, где останавливались все его гости. Практичная Лейла пыталась решить, какого предмета ей коснуться, чтобы запечатанной в нем сущности было достаточно.

— Несколько лет назад.

Я одарила его измученным взглядом.

— Притворяешься, что она настолько незначительна, что не помнишь этого? Тогда зачем ты до сих пор держишь ее спальню в таком же виде, какой она была тогда, когда она здесь жила?

Он скрестил руки на груди, серебряные цепи, накинутые на его плечо, при этом движении зазвенели.

— Если бы она все еще имела для меня какое-то значение, я бы не женился на тебе. Эта комната не использовалась, потому что моей следующей любовницей была ты, и ты спала со мной.

Я отвела взгляд, обращённый к кровати. Паутинка материала, обернутого вокруг столбиков кровати, элегантно ниспадала вниз к полу. Чтобы я увидела, если бы дотронулась до постели? Синтиана на три столетия опытнее меня. Быть может, я бы увидела, что Влад выглядит счастливее с ней, чем когда он со мной.

— Лейла.

Я оглянулась почти виновато. И лишь тогда поняла, что мои клыки вышли наружу, и я сжала зубы так сильно, что разорвала нижнюю губу.

— Прости. Не знаю, что со мной, — пробормотала я, посасывая губу, чтобы кровь не капала на толстый белый ковер.

— Не извиняйся.

В выражении его лица не было осуждения, а эмоции, скользящие в меня, были успокаивающей лаской атласа.

— Все вампиры жуткие собственники, когда речь заходит о том, что принадлежит им.

Я могла обвинить в бурлящей во мне ревности вампиризм? *Готово!*

Затем Влад стал связывать мои запястья множеством длинных цепями. С его силой, я сомневалась, что это было необходимо, даже если Синтиане удалось добавить к заклятию вампирский способ харакири, но если ему от этого станет лучше...

— Собираешься оставить немного на потом? — пошутила я.

Взгляд, которым он меня одарил, заставил меня забыть, как неприятно серебро

ощущалось на запястьях.

— Когда я свяжу тебя, я воспользуюсь шелком, и оставлю твои руки свободными, потому что люблю чувствовать их на своей коже.

Не если. Когда. Несмотря на обещание эротического продолжения, пребывание прикованной в спальне его бывшей должно было бы меня охладить. Вместо этого я ощутила все желание, которое Влад обычно вызывал во мне, вместе с интуитивным порывом поставить заявить на него свое требование в любом месте, где кто-то еще посмел прикоснуться к нему.

Чрезмерная собственница? Да, с этим у меня было плохо.

— Если оставить руки свободными, — спросила я хриплым голосом: — то какой смысл меня связывать?

Его злорадная улыбка подействовала на меня так же сильно, как тепло, прокатывающееся по моим эмоциям, впиваясь в меня тысячами невидимых, чувственных кнутов. Потом он наклонился, мягкая щетина на его челюсти задела мою щеку.

— Зачем рассказывать, когда я могу показать?

Я закрыла глаза, делая вдох, чтобы ощутить его запах, богатый пряностями. Теперь я знала, как хотела бы провести остаток вечера, но дело есть дело.

Он отступил, продолжая оборачивать цепи вокруг меня, пока они не охватили все тело до локтей. Если даже я все еще смогу ходить, то мои руки точно онемели. Затем он пропустил через них еще серебра, притянув мои связанные руки к телу множеством оборотов цепи. Теперь все, что я могла делать до пояса — шевелить пальцами и кусаться.

Удовлетворенный, он бросил оставшиеся цепи на пол и подошел к кровати. Я напряглась, но то, что он оттуда взял, было лишь лампочкой с ночного столика.

— Осторожней, — предупредил он, когда протянул ее мне.

Он что, думал, что я никогда не касалась чего-то подобного? Я схватила гладкое основание правой рукой — и разбила стекло, словно ударив по нему ломом.

— Какого черта? — воскликнула я.

Он одарил меня язвительным взглядом, пока смахивал осколки с моей руки.

— Ты еще не привыкла к новой силе. Пока не привыкнешь, относись ко всему, словно вещи такие же хрупкие, как яичная скорлупа, и, что бы ты ни делала, не дотрагивайся до людей.

Я посмотрела на сверкающие осколки, поморщившись. Теперь у меня была другая причина не обнимать сестру на прощание чуть позже.

— А эти сухие цветы на каминной полке тоже ее? — спросила я, ища хоть что-то, что не будет стоить дорого, если я это сломаю.

— Она выбрала их, да, — ответил Влад, оторвав веточку от этих безжизненных цветов, не заботясь о том, что это их испортит.

Я убеждала себя, что это не мелко — наслаждаться, видя, как разрушается что-то, принадлежащее Синтиане. В конце концов, она меня убила.

Я погладила цветы, когда Влад протянул их мне. Большая их часть распались от прикосновения, видимо, я все еще прилагала слишком много сил, но затем что-то вспыхнуло в оставшихся.

А вот и ты, подумала я с темным удовлетворением, и затем все вокруг меня изменилось.

Я шла по лугу, добавляя цветов в кучу, растущую моей корзинке. Люди Влада были рады

вырастить сад возле моей комнаты, но я старалась не собирать все ингредиенты заклинания в одном месте. На тот случай, если кто-нибудь знает о назначении этих конкретных цветов.

Прекрасный весенний день, но ничто не сможет улучшить моего плохого настроения. Прошло всего полгода с момента последнего заклинания, но Влад уже снова отдалялся. Я вынула из кармана горсть сирени, повреждая ее, к моему разочарованию. Любой другой мужчина был бы безумно и бесповоротно в меня влюблен, но после семи заклинаний я все еще едва могла удержать Влада от того, чтобы он меня покинул.

Проблема, конечно же, заключалась в том же, почему он всегда был таким прекрасным защитником. Его сила. Именно поэтому мне с самого начала с таким трудом удалось привлечь его внимание, а также именно поэтому у него практически был иммунитет к моим заклинаниям. Я не смела, использовать на нем магию посильнее. Он мог принять все эти цветы, как женскую прихоть, но он заметит ингредиенты для черной магии. То, что сделает со мной Закон Стражей, будет ничем по сравнению с его гневом, если он узнает, что я использовала заклинание на нем.

Я схватила горсть сирени, отказываясь останавливаться на последствиях того, что будет, если он меня поймает. Этого не произойдет, пока я буду осторожна, кроме того, у меня нет другого выбора. У большинства вампиров — Мастера, защищающие их. У других же достаточно собственных сил, чтобы защитить себя. Остальные из нас — без мастера и всего лишь со средней силой — предоставлены самим себе. После того, как убили моего создателя, мой любовник дал мне защиту от других вампиров, что все считали само собой разумеющимся. Когда этого стало недостаточно, пришло время магии.

На день, когда я стала вампиром, я поклялась — независимо от того, чего мне это будет стоить, я никогда не буду беспомощной снова. У меня были свои силы, за что я благодарна своим шотландским предкам, жившим по английским правилам. Я отмела эти воспоминания, чтобы бросить критически взгляд на содержимое своей корзины. Возможно, чуть больше мальвы сделает заклинание более долгим...

Когда я вернулась обратно в свой разум, я уставилась на разрушенные кусочки сухоцветов в руке, разрываясь между гневом и неверием.

— Ты знаешь, что это?

Он пожал плечами.

— Сирень, маки, амарант...

— Ингредиенты для заклинания, — прервала я его. — Сирень для любви, красный мак для истинной любви, мальва для продления любви, синий мак — чтобы недостижимое стало возможным, амарант для вечной любви... и знаешь, где она все это собирала?

— Я никогда не любил ее.

Его голос вибрировал силой. Я мрачно улыбнулась.

— Да, и она заметила это, ты был слишком силен для ее заклинания, чтобы оно полноценно сработало. Тем не менее, ты оставался с ней большую часть трех десятилетий, так что ее усилия были не совсем напрасны.

Влад открыл рот и... ничего. Я никогда раньше не видела, чтобы он терял дар речи, но обнаружить, что тебя лишали свободной воли, расстроит кого угодно. Обнаружить такое, когда у вас его уровень высокомерия, будет ошеломляющим.

— Посмотри, сможешь ли ты ее найти, — сказал он немного погодя. Прямо сейчас я не хотела бы быть Синтианой даже за все деньги мира.

Я снова погладила сухоцветы. Воспоминание об их сборе теперь было слабее, позволив мне оттолкнуть его, чтобы сосредоточиться на следе ее сущности.

Там. Словно всплески бассейна в конце пути. Я сосредоточилась, но каждый раз, когда я тянулась по этой линии, я возвращалась, ни с чем. Я пыталась снова, мои внутренние часы безжалостно отмечали течение времени, но я по-прежнему не могла достигнуть той, другой стороны. Десять минут. Двадцать. Тридцать. Сорок.

— Лейла, остановись.

Влад выбил цветы из моих рук. Расстроенная, я наблюдала за тем, как они разлетаются по полу.

— Я не знаю, почему не могу ее увидеть. Раньше мне удавалось это без труда, хотя здоровье мое от этого и страдало. Теперь я даже с этим не могу разобраться.

— Ты пробыла вампиром лишь один день, — сказал Влад, когда начал расслаблять мои цепи. — Каждая клетка твоего тела было резко изменена. И это замечательно, в ближайшее время ты сможешь пользоваться любой из своих способностей.

— Замечательно. Это не стоит и доллара.

У меня была причина злиться. Даже если люди Влада не заикнуться о Шрапнеле при посторонних, со дня на день Синтиана может выяснить, что что-то не так, и уйдет в подполье. Когда она это сделает, могут пройти годы, прежде чем она снова выйдет на свет. Конечно же, Шрапнель, в конечном счете, сломается, если Синтиана не околдовала его, чтобы тот не выдал ее местонахождения, но к тому времени ее все равно там уже не будет. У меня могло быть все время мира, чтобы охотиться на нее, но моя семья им не располагала. Я не могла ждать, что они будут в бегах в течение многих лет, пока мы не поймем ее, но если они этого не сделают, то нарисуют на себе мишень.

Быть может, уже было слишком поздно. Синтиана могла ждать сообщения от Шрапнеля уже давно...

— Я знаю, как мы можем ее поймать, — сказала я, пораженная своим вдохновением. — Надо отправить Сандру в город, чтобы она оставила сообщение, на этот раз сказав Синтиане, где и когда Шрапнель хочет с ней встретиться.

Влад окончательно размотал мои цепи.

— Она не настолько глупа, чтобы купиться на такую уловку.

— Глупа? Быть может, и нет. Высокомерна? Еще как, — возразила я. — Эта женщина наложила на тебя заклинание, находясь под твоей крышей, все это время зная, что ты убил бы ее, если бы узнал. Она так высокомерна, как будто у нее пара стальных яиц.

Его губы сжались при упоминании о том, что она манипулировала его волей. Я продолжала, как будто не заметила этого.

— Неудивительно, что она ненавидит меня до печенок. Ты говорил, что вампиры жуткие собственники. Через несколько месяцев ты уже предложил мне больше, чем предложил ей после трех десятилетий под ее магическим влиянием, но я ушла, потому что это не было достаточно хорошо. Она, вероятно, наняла Адриана сделать бомбу еще до того, как Шрапнель дал ей мой адрес.

Он чуть приоткрыл рот, а затем вдруг улыбнулся.

— Понимаю, почему ты подстрекаешь меня, но нельзя рубить с плеча лишь из раненной гордости.

— Ты бы не стал этого делать, — сказала я, удерживая его взгляд. — Но она стала бы. Новости о нашем браке, должно быть, уже дошли до нее, и держу пария, что она поразила

новую красную зону презираемого женщинами гнева.

Влад уставился на меня.

— Может быть, — сказал он, наконец.

Я не смогла снова не взглянуть на кровать. Справедливости ради, мне не стоило указывать пальцем на Синтиану по поводу безумной ревности. Мысль о том, что Влад проводил часы, дни — адское пламя, годы! — с ней в постели, расстраивала меня намного сильнее, чем обычное «Собственничество вампиров». На самом деле, я желала проявить свой электрический кнут и начать стегать кровать по кускам, и желание было настолько сильным, что рука стала искриться.

Влад посмотрел на мою руку, а затем на лицо. Прежде чем я успела что-либо сказать, кровать загорелась.

Мой рот открылся в неверии. Потребовалось несколько мгновений, чтобы закрыть его. Деревянная рама погнулась от сильного жара, от одеяла, подушек, матраса ничего не осталось, кроме тлеющей черной кучи. Вместо того, чтобы излучать нежный цветочный аромат, комната завоняла горевшей пеной и дымом.

Яростное умиление, достигшее меня, ясно говорило, почему он это сделал, и это не имело ничего общего с его гневом по отношению к Синтиане. Он просто хотел уничтожить то, что причиняло мне боль.

Я ничего не сказала. Он тоже. Сейчас слова были не нужны.

Я проснулась так же внезапно, как и в последние пять дней, переход из бессознательного состояния на ноги занимал меньше времени, чем требовалось сказать: «Добрый вечер», с той лишь разницей, что сегодня вечером моей первой мыслью был не голод.

— Неужели она купилась? — спросила я сразу же.

Влад стоял у открытой в стене щели. В ответ он протянул пакет с кровью, видимо, ожидая, что я сразу накинусь на него.

Я проигнорировала его, несмотря на вылезшие клыки и спазмы в животе, словно чей-то кулак сжимал и разжимал его. Четыре дня назад Сандра оставила сообщение для Синтианы, в котором говорилось, что Шрапнель хочет с ней встретиться.

На следующий день владелец книжного магазина также был загипнотизирован сделать звонок, который не прошел бы через вышку сотовой связи — собственность Влада. Сегодня, пока я спала, Сандра вернулась в книжный магазин, чтобы посмотреть, есть ли ответное сообщение от Синтианы.

— Это так? — повторила я.

— И да, и нет. — Он погладил свою челюсть, казалось, он был где-то не здесь, но он лишь делал вид, что погружен глубоко в себя. — Она согласилась встретиться с ним завтра в семь, но изменила место на метро Бухареста.

По понятным причинам я никогда не пользовалась метро в Румынии, нетрудно было понять, в чем состояла проблема.

— Она выбрала час пик в оживленном общественном месте.

Мы выбрали склад в малонаселенном городе. Легко окружить, меньше беспокойства о прохожих. Синтиана, должно быть, тоже поняла это. Поглядите-ка, как мы оба, и Влад и я, были правы на ее счет. Она может и высокомерна настолько, что готова прийти, но не настолько глупа, чтобы не обеспечить себе защиту.

— Это вызывает некоторые трудности, начиная с невозможности обеспечить безопасность, — он одарил меня краткой сардонической улыбкой. — Многие члены румынского правительства из моей линии, но я не могу заказать все метро, и закрыть его. Даже Менчерес не сможет заморозить десятки тысяч пассажиров и десятки поездов, чтобы мы смогли ее поймать.

— И если Метро вдруг заполнится вампирами, она станет подозрительной и сбежит, — вздохнула я. — Смогли проследить за владельцем книжного магазина?

Влад продолжал гладить свою челюсть.

— Уже сделано. Он позвонил по горячей линии, которая привела в никуда. Остается только метро.

— Неужели она даже не назвала станции?

Он фыркнул.

— Нет, но это итак очевидно.

Я решила ставить это ему.

— Влад, если она увидит тебя, сразу же начнет действовать. На самом деле, я уверена, что прожив с тобой три десятилетия, она знает большинство вампиров в твоей линии и твоих союзников, одного взгляда на них хватит, чтобы она ускакала, как кролик.

Он не оспорил сказанное.

— Послезавтра она поймет, что Шрапнеля раскрыли. Я итак был слишком добр, но чтобы поймать ее, потребуется время. Сложно будет или нет, но метро по-прежнему мой лучший шанс.

— Да, — сказала я твердо, — это так, но ты забыл кое-что важное.

Его бровь изогнулась.

— И это?

— Я.

— Не начинай снова, — пробормотал он.

— Я — очевидный выбор. Она не знает, как я выгляжу, или пахну, так что я смогу стоять с ней рядом, а она даже не будет рассматривать меня как угрозу.

— Думаешь? Она на триста лет старше тебя.

Его тон был уничижительным.

— Когда мы встретились, ты настоял, чтобы я узнала, как использовать свою электрическую силу, чтобы бороться — и ты был прав. Это кончилось тем, что спасло мне жизнь, когда я встретила с вампирами намного старше меня. Но более того, ты продолжаешь говорить «я», когда речь идет не только о тебе. Синтиана убила моих друзей на карнавале. Она похитила меня. Ее чары украли мою смертность, когда я еще не была готова от нее отказаться. Если бы я была таким человеком, который отошел бы при всем этом в сторону, ты бы меня не любил, потому что, я уверена в этом также как и в том, что ад существует, ты сам не такой.

Его взгляд по своей интенсивности мог бы сравниться с лазером.

— Ты хочешь, чтобы я отказался от своей мести в твою пользу?

— Нет, — сказала я, добавив с внутренней улыбкой: — они называют тебя Владом Колосажатель, а не Владом Кастрированным. Я лишь хочу войти в метро и найти ее. Затем я либо схвачу ее, либо сяду ей на хвост и выдам тебе ее координаты. В любом случае ты сможешь посадить ее в мешок и утащить, но при этом она будет знать, что в этом тебе помогла я.

Он молчал в течение долгого времени. Затем сказал:

— Ты никогда даже не видела ее лица.

Нет, черт возьми, нет! Я начала чувствовать покалывание ожидания.

— Не волнуйся. Я видела достаточно, чтобы узнать ее.

Я не могла вспомнить, когда в последний раз была окружена таким большим количеством людей. Быть может, это мое американское невежество заставило меня предположить, что румынское метро будет не намного оживленнее, чем некоторые из крупных карнавалов, на которых я работала, или, быть может, все дело в том, что под землей все кажется более переполненным.

Независимо от причины, когда я пересекла четырнадцать платформ Гара де Норд, я фактически уже должна была бы дать отпор чувству клаустрофобии.

По крайней мере, мне не приходится беспокоиться об ударе током какого-нибудь пассажира, проходящего мимо меня на своем пути на работу или с одного из множества поездов метрополитена. Под моими строгими брюками и пиджаком все тело покрывал гидрокостюм из резины, который используют для погружений в ледяную воду. Шелковый шарф прятал костюм у основания шеи, а толстый слой макияжа скрывал шрам.

Помимо раздражающего скрипа, который он издавал при движении, гидрокостюм мог

бы стать новым дополнением к моему гардеробу. С четырнадцати лет я не могла пройти через толпу, не беспокоясь об ударе людей электричеством. Если бы это не привлекло ко мне излишнего внимания, я бы обняла чужака просто потому, что могла.

Конечно, меня волновал еще один вопрос, вызываемый пребыванием так близко к тысячам людей. Мой голод. Везде вокруг меня бились бесчисленные вены с изысканным нектаром, которого я сейчас жаждала, как наркотика. При нормальных обстоятельствах я бы медленно входила в ограниченный контакт с людьми, убеждаясь, что обрела достаточно контроля, чтобы справиться с этим. Войти же в подземное метро в час пик было, как прыгнуть в глубокий колодец, доверившись судьбе. Не раз мои клыки вырывались наружу, и мне приходилось поспешно пить, чтобы лицо могло их скрыть. Хорошо, что Влад предложил использовать чашку кофе в качестве реквизита. На самом деле неприятный запах моего окружения помогал обуздать голод. От суетящихся людей и из различных туннелей доносились все типы запахов. Некоторые части метро были лишь немногим лучше, чем подземелье Влада. При моей первой поездке в общественном транспорте меня чуть не стошнило.

Визг и шум предшествовал прибытию поезда на остановку. Я потягивала свой кофе и смотрела на толпы людей, которые загружались и выгружались, обращая свое особое внимание на женщин. Никого с густыми волосами цвета грецкого ореха или кожей слишком сливочного цвета, плюс, я чувствовала в себе вибрацию тока. Я взглянула на часы. Шесть пятьдесят девять утра, время следующей остановки поезда на Басараб.

Да, у Влада была станция метро, названная в его честь. Неудивительно, что он назвал очевидным то, где Синтиана встретится со Шрапнелем. Путь М1 был окрашен в мягкие оттенки белого и серого, но на М4 были оранжевые стены, черные гранитные полы и желтые неоновые огни. Так или иначе, я думала, что смело окрашенная сторона будет той, где я найду Синтиану. Если эта живость напоминала мне о Владе, то, возможно, напомнит и ей тоже.

В конце концов, у нас все же было кое-что общее.

Еще один оглушительный визг объявил о приходе поезда на станцию М4. Я прислонилась к одной из широких колонн, волосы частично спадали мне на лицо, когда я изучала пассажиров. Может быть, она — вот эта брюнетка? Нет, у нее свежий прыщ, у вампиров такого не бывает. Быть может, эта женщина в кепке... нет, не с такой вкусно пульсирующей веной на шее. Я тихо выругалась, когда клыки снова выскочили. Теперь я знала, как себя чувствовали подростки с нежелательной эрекцией. Я притворилась, что делаю большой глоток кофе, пока сама заставила клыки скрыться обратно в десны, и затем я почувствовала это — ауру власти, невидимую, но мощную, словно облако духов, и она шла прямо ко мне.

Я держала чашку кофе перед лицом, пока искала источник. Не там, не там... там. Ах, да, я узнаю эти густые орехово-русые волосы в любом месте, не говоря уже о ее изящном скольжении, которым она выделялась также как балерина на фоне панически бегущих быков. Рукой в перчатке я потянула за провод, скрытый под шарфом, и прошептала в микрофон два слова.

— Она здесь.

Затем я посмотрела на нее, получая, наконец, полный образ женщины, которая посеяла так много хаоса в моей жизни. Изучала ее кусок за куском, в ее лице было полно недостатков. Ее рот был слишком широким, нос слишком длинным, а скулы настолько

высокими, что казались сделанными искусственно. Но все вместе, однако, делало ее красивой — настолько, что вам трудно было бы ее забыть, потому что это была не «милая» красота, а смелая, поразительная, от которой трудно отвести взгляд.

И именно поэтому я ее узнала, хотя наша предыдущая встреча и длилась лишь секунду. Неудивительно, что Синтиана использовала заклинание, которое делало невозможным не только определить ее местоположение, но и блокировало возможность увидеть ее лицо. Это заклинание не только помешало нам нанять портретиста, чтобы обнаружить ее лично чуть раньше. Непреднамеренно, это также удержало меня от узнавания в ней той вампириши, которая наблюдала за последним выступлением Дон и Марти в ночь взрыва карнавала.

Затем, когда Синтиана подняла голову и посмотрела прямо на меня, ее темные глаза встретились с моими топазовыми.

Я отвернулась так небрежно, насколько это вообще было возможно, делая вид, что улыбнулась кому-то дальше по пути. Просто другой вампир, встречающийся с другом, здесь не на что было смотреть. Когда я ощутила, что ее взгляд все еще направлен на меня, я пошла в том направлении, куда смотрела, надеясь, что мне удалось замаскировать все возможные следы запаха Влада. Затем я наугад выбрала человека, и, подойдя к ней, сказала — «Привет!» — на румынском, словно мы были старыми друзьями.

Что-то ударило меня в спину, жесткий двойной удар, заставивший меня повернуться так быстро, что я плеснула своим кофе на ближайшего ко мне человека. Когда человек начала бормотать проклятье, еще один двойной удар пришелся мне прямо в грудь.

Я посмотрела вниз. Серебристая жидкость сочилась из двух отверстий на моем пиджаке, но прежде чем разум осознал, что я ранена, мой инстинкт взял свое. Я вскочила, пробиваясь сквозь толпу и ударяясь о крышу тоннеля, и все это менее, чем за секунду. Кусок бетона взорвался над моей головой, и я отвернулась так быстро, как смогла. Затем сила тяжести опустила меня обратно в толпу. Я приземлилась на группу людей, случайно отбросив их в сторону. Как только я упала на землю, начала кричать.

Я ничего не могла видеть сквозь море окружавших меня ног, а значит, стрелок тоже не мог меня видеть. Тем не менее, я не собиралась использовать их в качестве укрытия. Пули с жидким серебром могут быть одинаково опасны и для меня, и для обычных людей, но, благодаря настойчивости Влада, я надела бронежилет под одежду. У людей вокруг меня такой защиты не было. Я поползла подальше от толпы, отбрасывая кофейную чашку в сторону, с недоверием заметив, что все это время держалась за нее. Когда я выползла, то ухватилась за провод под шарфом. Я не видела, кто это сделал, но не требуется много усилий, чтобы угадать, кто в меня выстрелил.

— Пора, — коротко ответила я. — И она стреляет пулями с жидким серебром.

Я подошла к концу толпы и встала. Когда мой взгляд обратился в ту сторону, среди испуганных пассажиров я увидела Синтиану, почти небрежно заправляющую свой пистолет обратно под куртку. Она, должно быть, думала, что серебряные пули сделали свое дело, и под панически бегущей толпой я была мертва.

Голос Влада рывкнул в приемник.

— Не стоит заниматься ею. Следующая станция Грангаси. Мы будем там в ближайшее время.

Синтиана обернулась — либо почувствовала мое присутствие, либо услышала голос Влада сквозь шум пассажиров.

Она посмотрела на меня во второй раз, но на этот раз это длилось вечность. Не знаю, что заставило меня стереть кофе, покрывшее одну сторону моего лица, но я воспользовалась этой жидкостью и тканью перчатки, чтобы стереть макияж, скрывавший мой шрам. Когда она его увидела, цвет ее темных топазовых глаз стал ярко-зеленым, и она обнажила клыки в рычании.

— Ты.

Я ожидала, что она снова достанет пистолет. Или начнет обвинять меня, но она просто смотрела, так яростно, как чувствовала и я. Мы обе так смотрели, что уже было прекрасно. Я хотела увести ее от людей, если она все еще вооружена, если она выстрелит в меня, то, по

крайней мере, не станет стрелять в любого из невинных мирных жителей. Но Синтиана не сделала ничего подобного. Вместо этого она подняла руки и крикнула что-то на языке, которого я не узнала.

Их словно дернули невидимыми нитями, каждый побежал в собственном направлении. Потом они развернулись и направились прямо ко мне, руки вытянуты, словно когти, а лица окрашены убийственным выражением. За этой ордой я увидела в Синтиане клубок изменений, она ухмылялась. Затем она побежала по туннелю метро вниз, в направлении, противоположном от Гара де Норд.

Я тихо выругалась, когда начала проталкиваться сквозь толпу, стараясь не навредить, когда распихивала их. Мне не оказывали такой же любезности. Мои волосы дергали, несколько кулаков ударили меня, и мне пришлось даже кусаться, когда женщина вцепилась мне в ногу и не отпускала, несмотря на то, что я просто тащила ее за собой. Моя первая попытка контролировать их разум, чтобы они от меня отстали, не сработала. Либо я делала это неправильно, либо заклинание Синтианы было слишком сильным. Мне удалось вырваться после того, как я потеряла куртку, шарф и несколько лоскутов от моих штанов — спасибо любезно укусившей меня женщине. Затем я умчалась раньше, чем остальная толпа присоединилась к этому ближнему бою.

Когда я подбежала к станции Грангаси, я нажала на провод около моей шеи.

— Она спустилась по туннелю M1, — закричала я, а потом застонала, увидев изорванные концы провода, торчащие из моего кевларового жилета.

Кто-то разорвал его на две части. Недолго думая, я повернулась и бросилась бежать в том же направлении, что и Синтиана. Без возможности сообщить Владу, куда она направилась, если я ее не разыщу, она может уйти и скрыться среди людей в метро.

Пронзительный звук и ослепительный свет сигнализировали о том, что поезд движется прямо на меня. Я отскочила от рельсов и прижалась к стене бетонного туннеля, при этом продолжая двигаться настолько быстро, насколько было возможно на таком узком выступе.

Когда поезд проходил мимо меня, ветер, создаваемый его скоростью, пытался засосать меня на свой путь, но новые мышцы держали меня прижатой к стене, словно я к ней приклеена. Как только он ушел, я спрыгнула и бросилась вдоль дорожки, освещая при этом темноту зеленым светом своих глаз.

Если бы не мое улучшенное зрение, я пропустила бы вход в соседний туннель. Изнутри не шло света, и стены там были мокрыми от того, что капало сверху, в результате чего перед входом образовались мелкие грязные лужи. Должно быть, это один из многих неиспользуемых проходов, которые составляют подземные лабиринты метро. Я остановилась, глядя между этим местом и остальной частью туннеля. Если бы я была Синтианой, в какую сторону я бы пошла? Увидев грязный след, ведущий в проход, я решила. Я подбежала к узкому входу, морщась от запаха, по которому вполне можно было предположить, для чего его использовали. Теперь не было смысла пытаться отследить Синтиану по запаху, хотя, даже, несмотря на вонь, я улавливала нечеткий землистый след. *Он был ее?* Если так, то ей стоит поменять духи.

Услышав впереди звуки, почти похожие на безумное царпанье, я побежала быстрее. Там были люди — может, Влад зашел с другой стороны и поймал ее? Узкий туннель впереди раздваивался, поэтому я не могла этого увидеть. На тот случай, если Синтиана ждет там с пистолетом, направленным мне в голову, я сгорбилась так, что стала на несколько футов короче, чем она могла бы ожидать, а затем выглянула из-за угла.

То, что я увидела, было похоже на сотни горящих глаз, смотрящих на меня. Царапающий звук усилился. Так же, как усилилось суровое щебетание, масса из серого меха и клыков двинулась прямо на меня.

— Ах ты, сука! — крикнула я вдаль по коридору.

Синтиана снова проделала свой трюк. Теперь оказалось, что она заколдовала каждую крысу в туннелях, чтобы напасть на меня.

Несмотря на отвращение, я побежала к ним. *Вампиры не могут заболеть бешенством*, повторяла я мысленно, когда десятки грызунов набросились на меня, словно я была покрыта мясом. Я раздавила несколько, когда пробивалась вперед, но у них тоже были зубы и когти. Боль охватывала почти каждую мою частичку, кроме тех мест, где меня защищал кевларовый жилет. Некоторые падали, когда откусывали резину гидрокостюма и немного моей кожи, но несколько других занимали их место.

Я хотела безумно прыгать вокруг, стряхивая их, но продолжала двигаться, пытаюсь очиститься от отвратительных грызунов, где могла достать, и бежала. Если Синтиана думала, что опустошит в меня обойму пуль с жидким серебром, пока я буду отвлечена результатом ее последнего грязного маленького заклинания, то она ошиблась.

Я отказывалась отвести взгляд от того, что было впереди, поэтому увидела все. Крупные формы занимали стену следующего угла, они были покрыты таким большим количеством грязи, что почти слились с сырым бетоном. Я уловила дуновение, и этот странный землистый запах пробился даже сквозь зловоние крыс и запах моей собственной крови. Когда я замерла, они, должно быть, догадались, что я их увидела, потому что вышли из своего укрытия. Их было с десяток.

Они выглядели как люди, но их глаза светились внутренним светом, как не бывает, ни у одного нормального человека. Это не было зеленым светом вампиров, и у них не было клыков, но они двигались так быстро, как могли лишь те, кто обладал сверхъестественными способностями. Когда они неприлично широко раскрыли рты, и все посмотрели на меня, я поняла, кто это.

Упыри, поняла я с замиранием чувств. А упыри ели людей, включая вампиров.

С крысами, все еще жевавшими меня, я сорвала свою правую перчатку. Тонкая струя белого импульса вырвалась из моей руки, вырастая до тех пор, пока не достигла земли. Упыри смотрели на него без малейшего страха, и это не обязательно было хорошо. Если жители туннелей нападут на меня, как на что-то вкусненькое, они не остановятся, даже если я вдруг окажусь нелегкой добычей. Если Синтиане удалось их подчинить, то они, как и крысы, продолжат наступать, пока все они не умрут. Или не умру я.

У меня не было времени, чтобы спросить об их мотивах. Трое преодолели разделявшее нас расстояние со скоростью гепарда. Я взмахнула кнутом и хлестнула по кругу, посылая в него еще больше тока, когда ощутила сопротивление их тел. Звуки ударов и всплеск напряжения в моем теле заставил крыс на время покинуть корабль. Они снова вскочили на меня как раз в тот момент, когда я увидела, что смогла обезглавить двоих из трех упырей. Третий лежал на земле, пытаясь подтащить свою нижнюю часть тела назад к зияющему разрезу, украшавшему верхнюю часть его тела. Остальные с ревом бросились в мою сторону. Я взмахнула кнутом вокруг себя, словно он был длинным смертоносным лассо, рассекая все, что осмеливалось вступить с ним в контакт. Еще двое упырей бездыханно упали на землю, присоединяясь к куче крыс, растущей от напряжения во мне, увеличившегося до таких пределов, каких не достигало никогда раньше. Я ударила кнутом по еще одному упырю, находящему рядом, и он упал, разделившись надвое. Стая кружила вокруг меня теперь более осторожно, но, судя по их пустому взгляду, они не были способны контролировать свою волю. Они постараются убить меня, независимо от последствий. Если бы это не был бой не на жизнь, а на смерть, я бы удивилась уровню сил Синтианы. *«Баловалась» магией, в задницу!*

Еще двое упырей разлетелись на куски, когда их выпады встретил белесый треск на их шеях. Осталось всего четыре, и благодаря новой силе вампира, моя рука даже не чувствовала усталости. Все больше крыс нападали на меня, резиновый костюм рвался во многих местах, и электричество сочилось сквозь него, как вода через дуршлаг. Тела грызунов хрустели под ногами, когда я перешла в наступление, заставляя упырей падать назад. Мой кнут безжалостно прорубался через них, также как через крыс, бегущих ко мне со всех сторон.

Теперь на ногах остался только один упырь. Когда я добралась до него, я победно ударила кнутом, но он сошел с дистанции там, где ударил. Вместо того, что пройти через упыря, он, казалось, отскочил от него. Упырь посмотрел вниз, словно в подтверждение того, что он все еще цел, а затем его губы расплылись невероятно широко, обнажив в улыбке пасть змеи.

Вот дерьмо. Я сжала правую руку, словно пытаюсь выжать из нее все соки, но болтающиеся нити лишь освещали путь, как фонарики с угасающей батареей. Я повернулась, готовая бежать за ней, но на противоположном конце туннеля повторился еще один рык, а затем пришла очередная волна затхлого землистого воздуха.

Мой путь к бегству был заблокирован.

Недобитый мною упырь начал наступать. Я запаниковала, и из всех возможных вариантов, начала кидать в него крыс. Они отскакивали от него своими неповоротливыми тельцами, но для его остановки были так же неэффективны, как и для моей. Он словно хотел заострить на этом мое внимание, поймал одну, откусил ей голову и выплюнул ее мне. За ним

появилось еще двое упырей, один подпрыгивал ко мне на единственной ноге, другой полз по ковру из крыс, поскольку ниже пояса у него ничего не было.

С одним упырем у меня хотя бы был шанс. Но не с несколькими. Страх ослабил мой иммунитет к боли от укусов крыс, которые, в отсутствие тока, продолжали прогрызать себе путь сквозь мое тело. Вскоре появится еще больше грызунов, пирующих мной. Несмотря на то, что никогда раньше не была так сильна, я все еще была беспомощна, чтобы остановить свою собственную смерть.

Я расправила плечи, сбивая крыс со своих ног. Им придется заработать свою еду. Прежде чем они съедят меня, им придется меня поймать.

Я сделала шаг вправо и увидела, как тоннель осветился оранжевым светом — зловещим, но желанным, как никогда ранее.

Затем прогремел голос Влада.

— Лейла, ложись!

Я упала на землю, опустив себя нос к носу с бесчисленными живыми и мертвыми крысами. В следующий момент пламя пронеслось вниз по туннелю, покрывая все, что было чуть выше трех футов от земли. Когда огонь охватил меня жгучей волной, я прикрыла голову руками и вдавила лицо глубже в отвратительную массу тел. Лучше быть ближе к ним, чем ощутить огонь, вырывающийся с силой сотни гейзеров.

Секунду спустя на моих ладонях сомкнулись руки. Я попыталась рвануть прочь, подумав, что меня настиг ползущий упырь, но потом поняла, что руки горячие, как печка. Когда они сняли мои ладони с моей головы, я не сопротивлялась. И когда его ботинки распинали рой крыс вокруг меня, я села, не колеблясь, несмотря на продолжающийся рев пламени.

Влад склонился надо мной. За исключением двух футов вокруг нас, огонь от потолка до пола заполнял весь тоннель, он горел так яростно, что я не могла слышать ничего, кроме треска пламени. Он поднял меня на руки и пошел через стену оранжевых и красных всплесков. Она расступилась перед ним, словно шторы, удерживаемые невидимыми руками. Пока он шел, я с силой била по крысам, все еще кусавшим меня, сбивая их в огонь. К тому времени, когда он достиг конца туннеля, где была закрытая дверь, осталось лишь несколько, до которых мне не удалось дотянуться.

Влад открыл дверь, занося меня в длинный узкий туннель, который, возможно, был прихожей заброшенной службы. Вместо огня это пространство было заполнено людьми Влада. Ну, всеми, кроме одной.

Синтиану удерживали четыре вампира, которые, возможно, не подозревали, что ее реальная сила заключалась только в магии. Но, взглянув лишь раз, я поняла, почему Влад не волновался по поводу того, что она может применить на его людях заклинания. Она не могла вымолвить и слова. Ее рот был забит таким большим количеством серебра, что его осколки торчали даже из щек.

— Где ты нашел этот кляп? — спросила я.

Он поставил меня, скидывая крыс, цепляющихся за мою спину.

— Я спаял вместе серебряные ножи, а потом сунул их ей в рот.

Однажды я действительно начну любить его темную сторону.

— Почему ты не ждала на станции Грангаси? — спросил он, схватив меня за плечи, как только была скинута последняя крыса.

— Она заставила пассажиров напасть на меня, и один из них разорвал мои провода. Я

не могла сообщить тебе, каким путем она пошла, так что последовала за ней.

— Зачем? — спросил он с еще большим акцентом.

Я моргнула.

— Потому что она могла уйти.

Он сжал пальцы, а меня охватила волна разочарования, и какая-то другая, гораздо более сильная эмоция.

— Когда я услышал, как упыри пришли за тобой, все, о чем я мог думать — как успеть добраться до тебя вовремя. Как часто мне нужно повторять тебе, что ты значишь для меня намного больше, чем месть? Я могу жить, не победив своих врагов, но не смогу жить без тебя.

Прежде, чем я успела ответить, он прижал меня к себе, его рот накрыл мой в горячем поцелуе. Я забыла о том, что вся была в крови, грязи и крысах. Меня не волновало, что полная комната людей смотрели на нас, впрочем, как и все остальное. Я целовала его в ответ с таким облегчением от того, что все еще жива, чтобы сделать это. Теперь, когда бой был позади, весь страх, который я сдерживала в себе, вернулся обратно, напомнив мне, как близко была я к тому, чтобы все потерять.

Влад был прав. Враги приходят и уходят, и сражения будут выиграны или проиграны, но ничто не имеет большего значения, чем то, что у нас есть. Все остальное можно заменить.

Когда он, наконец, отстранился, по моим щекам медленно текли слезы.

— Я люблю тебя, — прошептала я.

Он стер их, скривив губы в язвительной улыбке.

— И я тебя люблю, и именно поэтому намерен запереть тебя дома, как только мы туда доберемся.

Я издала прерывистый смешок.

— Нет нужды. Я с удовольствием останусь на месте.

Затем я провела по кевларовому жилету, единственному на мне, что не было пожеванным или разорванным в клочья.

— Эта штука была кстати. Я должна была бы оставаться под прикрытием. Но, как только Синтиана на меня взглянула, она начала стрелять.

Он сверкнул улыбкой, напомнившей мне огонь, который был его частью, такой же неотъемлемой, как и заманчиво смертельной, сложной и опасной.

— Ее решимость тебя убить, и обрекла ее. Когда она заколдовала туннель — превратив живущих там упырей в бездумных убийц — она отрезала себе путь назад, ей больше некуда было бежать, кроме как прямо ко мне.

Я повернулась и посмотрела на Синтиану с резким холодом, на который и не знала, что способна.

— Пора отвезти ее домой, и, надеюсь, у тебя есть кол с ее именем.

Несколько людей Влада остались убедиться, что упыри, пережившие огонь, не доберутся до станции метро и не попробуют съесть невинных пассажиров. Остальные на вертолетах вернулись домой. Как только мы приземлились, я последовала за Владом, пока он принимал меры по заточению Синтианы в подземелье. Повидав сегодня достаточно крыс, чтобы они еще долго снились мне в ночных кошмарах, я мечтала принять продолжительный душ, жаждала его больше, чем Мидас — золото, но я хотела увидеть все до конца.

Влад приказал приковать Синтиану к большому монолитному камню. Затем он привел Шрапнеля с другой стороны подземелья и приковал рядом с ней. Тот сделал все возможное, чтобы убить меня, я не могла ему помочь, и все же ощутила приступ жалости при виде горя на его лице, когда он увидел ее. Синтиана же, со своей стороны, казалось, вовсе не была расстроена из-за затруднительного положения своего возлюбленного. На самом деле взгляд, которым она его одарила, вернее всего можно было назвать раздражительным.

— Он действительно был для тебя всего лишь пешкой, не так ли? — спросила я с отвращением.

Она, конечно же, не ответила. Несмотря на то, что ей в рот затолкали серебряный кляп, и впереди ее ждало действительно ужасное будущее, Синтиана все равно не была запуганной. Ее взгляд скользнул по мне так, как женщины обычно показывают свое совершенство, пытаясь этим снести вашу самооценку, не говоря ни слова, но все, чего ей удалось добиться этим взглядом от меня — улыбка, достаточно широкая, чтобы можно было показать мои новые клыки. Может я и была покрыта грязью, кровью и волосами крыс, но многовекового вампира приводило в умиление то, как я выгляжу, даже не смотря на мой зигзагообразный шрам, хромоту и растущую способность шокировать любого, кто ко мне прикоснется.

— Я уже говорила, как мне приятно увидеть тебя снова? — я чуть ли не замурыкала. — Хотя, ты же не помнишь нашу первую встречу, не так ли?

Быстрый взгляд Влада был таким же удивленным, как и у нее. Он подошел к Синтиане и вырвал серебро из ее рта.

— Если ты произнесешь, хоть одно магическое слово, я затолкаю в тебя столько серебра, что ты сойдешь сума еще до рассвета.

Синтиана смотрела на Влада в течение долгого тихого момента, прежде чем пренебрежительно взглянуть на меня.

— Не знаю, о чем ты говоришь, дорогуша. Я никогда не видела тебя до сегодняшнего вечера.

— Не виню тебя в том, что ты забыла. Ты была так занята, глядя на молодую девушку по имени Дон, которая тогда выступала под моим сценическим именем. Ты подумала, что она — это я, вот почему ты взорвала бомбу сразу после того, как она вошла в трейлер.

Теперь ее взгляд остановился на мне с расчетливой интенсивностью.

— Ты воспользовалась своими волосами и шляпой, чтобы скрыть шрам, — сказала она, наконец.

— Привычка. А теперь, давай посмотрим на твой самый худший грех.

Если повезет, это приведет нас к тем, кто с ней работал. Я подошла к ней, и она отшатнулась настолько, насколько позволяли пути.

— Не прикасайся ко мне.

Я не ответила, но все же схватила ее за руку своей правой рукой. Лишь слабый электрический ток скользнул в нее. Я потратила большую его часть на упырей, которых она послала убить меня. Затем подземелье исчезло, образовалась комната, которая не слишком сильно выделялась, поскольку состояла лишь из каменных стен. Казалось, она была мне знакома, но то, что я испытала в следующий миг, заставило меня забыть об этом. Когда вся эта обстановка исчезла, и я мысленно вернулась к каменному монолиту, я отдернула от нее руку.

— Ты больная сучка, — выдохнула я.

— Что? — мгновенно спросил Влад.

Я с отвращением уставилась на Синтиану.

— Ей понадобилось огнеупорное заклинание, но у нее было недостаточно сил, чтобы использовать настолько темный вид магии. Но она все-таки это сделала.

И эта магия требовала самой высокой цены: жизненной силы новорожденного. Из-за своих способностей я видела много ужасных вещей, но никогда еще не видела ничего, такого же жестокого, как это.

— Огнеупорное заклинание? — повторил Влад. — Ты думала, что это единственная защита, которая нужна против меня?

Она ничего на это не ответила.

Затем Влад вздохнул.

— Я знаю тебя, Синтиана. Ты никогда не стала бы нападать на меня, не имея защитника, так скажи мне, кто он. Откажешься, и я все равно узнаю, после того, как ты испытаешь такую агонию, которую даже не можешь себе представить.

Она отвела взгляд.

— У меня нет защитника.

Он рассмеялся страшным и совсем невеселым смехом.

— Есть, хоть ты его и предала, потому что он хотел получить Лейлу живой.

Почему Влад так думает? Каждое сообщение, которое Синтианой присылала Шрапнелю после взрыва, содержало требование меня убить. Затем я вспомнила, что сказал Ганнибал после того, как похитил меня. Живой ты стоишь в три раза больше. Синтиана хотела видеть меня только мертвой, так что Влад прав. Кто-то еще дергал ее за ниточки, по крайней мере, большую часть времени.

Она взглянула на меня. Я ожидала найти в ее взгляде чистую ненависть, но не страх. После угрозы Влада, почему она боялась именно меня? Я уже сделала все, что могла, хотя выяснение ее страшного греха открыло лишь бесполезную и отвратительную о ней информацию...

— Подожди, Влад, — сказала я, вспоминая о том нытье у камня в моей памяти. — Шрапнель рассказал тебе все, что знал о моих способностях, — проговорила я медленно, мысль все еще формировалась в моем мозгу, — но ведь ты знаешь больше, не так ли? Как, например, то, что у меня есть способность чувствовать сущности других людей, оставленные ими на чужой коже.

Ее глаза расширились, а ее запах сменился каким-то сладковатым ароматом. Я знала, что это такое. Я осязала его везде в этой темнице. Это был запах страха. Влад тоже его уловил. Выражение его лица изменилось, черты из холодных превратились в точеный гранит, подобный скульптуре.

— Кто он?

Этим двум мягким словам удалось включить в себя все угрозы, выкрикиваемые на протяжении тысячелетий.

Я уставилась на Синтиану, ощущая шипы ненависти и страха в ее взгляде, когда я начала приближаться.

— Знаешь, что я подслушала, когда в первый раз связалась с тобой? Шрапнель сказал, что она нужна ему живой, а ты ответила, что для вас она менее опасна мертвой. — Я издала короткий смешок. — Тогда я подумала, что под «ему» подразумевался Влад, но на самом деле это говорилось о твоём новом защитнике, не так ли? Он был заинтересован во мне, а у тебя были связи внутри. — Я посмотрела на Шрапнеля. — Синтиана вернулась в твою жизнь тогда же, когда я приехала к Владу, правда?

Боль окрасила его черты, но Шрапнель ничего не сказал. Может быть, он все еще пытался защитить ее. Тогда еще более вероятно, что он был под действием заклинания. Может быть, он не предавал Влада, и не пытался убить меня по своей собственной воле.

Горячая рука скользнула по моей, когда Влад подошел ближе, но он не смотрел на меня. Его взгляд был направлен на Синтиану.

— Твоя защита должна быть сильной, иначе ты не стала бы с этим возиться. Кроме того, он мой враг, иначе не осмелился бы рисковать вызвать мой гнев, пользуясь моей бывшей любовницей, чтобы похитить другую. Это дает маленький список. Еще меньше, поскольку он был заинтересован в Лейле до того, как Шрапнель рассказал тебе о ее способностях.

И в самом деле, очень небольшой список. По сути, я могла подумать лишь об одном имени, и хотя это невозможно, оно согласовалось с фактами, вплоть до захвата-или-убийства в приказе Ганнибала. Это был не первый раз, когда вампиру давались такие инструкции в отношении меня, и хотя Синтиана предпочитала видеть меня мертвой, а не живой, ее защитник был не согласен.

Забавно, но все, кроме Максима и Влада, думали, что мои психические способности ушли, когда Ганнибал похитил меня. Защитник Синтианы либо играл в азартную игру, надеясь, что они вернуться... либо знал еще одну причину того, почему я была ценным заложником.

Лишь один другой вампир догадался, что Влад чувствовал ко мне еще до того, как он сам признал это. Тот же вампир пытался использовать мои способности против Влада даже до того, как я успела с ним встретиться. Именно он стал причиной, по которой мы впервые с ним столкнулись, но Михаил Шилагай умер в аду месяц назад.

А если это не он?

Я сделала еще один шаг ближе. Синтиана забилась в оковах, сверкая изумрудными глазами и клыкастым ртом, пока выплевывала угрозы, порочные, но бесполезные.

— Заставь ее замолчать и придержи ее пока что, — сказала я спокойно.

Влад сжал ее челюсть в нерушимой хватке, прежде чем последнее слово успело покинуть ее рот. Другая его рука сжала ей талию так сильно, что я услышала, как хрустнуло несколько ребер. В отличие от того времени, что понадобилось для восстановления грудной клетки Шрапнеля, ее боль продлилась лишь считанные секунды, пока она снова не исцелилась. Если, конечно, она не продолжит борьбу.

Я закрыла глаза, когда коснулась ее, радуясь тому, что способности позволяли мне переживать худшие грехи человека лишь один раз. Затем я позволила своей правой руке

пройтись по ней, разыскивая на ее коже другие сущности.

Там, на плече. Свежий след с вложенной в него яростью, которую я узнала мгновенно, она принадлежала Владу. Мои руки передвинулись, найдя еще одну на затылке. Я не узнала этого отпечатка, поэтому пошла дальше, поглаживая ее лицо, игнорируя при этом яростный шум, издаваемый ее горлом. На ее лбу оставил свой отпечаток тот, кто ее любил, с болью в сердце я узнала сущность Шрапнеля.

Я продолжила, не найдя никакой другой сущности в верхней части ее тела. Я достигла ее левого запястья, когда почувствовала это. Очень знакомую суть, кто-то касался ее с угрозой, достаточной, чтобы оставить постоянный отпечаток на коже. Я опустила руку и открыла глаза.

— Это он, — просто сказала я, как только встретилась взглядом с Владом.

Его глаза, казалось, озарились зеленым пламенем, а в мои эмоции ворвался лавовый поток гнева.

— Что мне нужно сделать, чтобы убить этого человека? — пробормотал он.

Затем отпустил Синтиану. Он уже прогуливался перед кольями, его яростное выражение сменилось очаровательной улыбкой, а поток ярости стал ледяным.

— Расскажи мне о том, как ты вступила в сговор с Михаилом Шилагаем, и можешь начать с того, как он, черт возьми, выжил после взрыва.

— Думаю, я знаю ответ, — сказала я, без жалости глядя на Синтиану. — Попробуй ее поджечь.

Обе ее ноги загорелись. Она заорала, брыкаясь в оковах. Синтиана закричала, умоляя Влада остановиться. Он этого не сделал, пока ее ноги не покрылись обугленной почерневшей плотью. Пока я смотрела, как Синтиана излечивалась, что было обыкновенной способностью всех вампиров, заключительные частички пазла, наконец, встали на свои места.

— Ты не использовала огнеупорное заклинание на себе. Ты сделала это для Михаила Шилагая, единственного вампира, который был также силен, как и Влад, и который хотел причинить ему такую же боль, какую хотела причинить и ты. — Мой взгляд качнулся назад к Владу. — Вот почему он, не колеблясь, все взорвал, когда ты попал в его ловушку в горе. Он знал, что, если ты не найдешь его там, то подумаешь, что он вряд ли выбрался оттуда живым, и считаешь его мертвым. Так же, как он сделал это несколько столетий назад.

— Величайшая хитрость Дьявола — убедить мир в том, что его не существует, — пробормотал Влад, цитируя его слова по памяти. Затем он улыбнулся Синтиане. — Ну а теперь, дорогуша, — сказал он своим самым приветливым тоном. — Ты расскажешь мне, где он.

Конец второй книги!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

избыточное развитие волосяного покрова

популярный американский кафетерий

Кэти-Скарлетт О'Хара Гамильтон Кеннеди Батлер — главное действующее лицо романа Маргарет Митчелл «Унесённые ветром», написанного в 1936 году, один из наиболее известных женских образов американской литературы, ставший символом предприимчивости, темперамента и умения выживать.